

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

XVIII ВЕК:

**СЛАВЯНСКИЕ И БАЛКАНСКИЕ
НАРОДЫ
И
РОССИЯ**

Москва
1998

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

**XVIII ВЕК:
СЛАВЯНСКИЕ И БАЛКАНСКИЕ
НАРОДЫ
И
РОССИЯ**

Ответственный редактор
доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕН
И. И. Лещиловская

Москва
1998

Сборник статей посвящен связям балканских и славянских народов с Россией в XVIII в. Это первое в российской славистике и балканистике исследование с широким охватом проблемы. В его статьях раскрываются различные аспекты и формы взаимоотношений народов восточноевропейского региона.

В сборнике представлены церковные и культурные связи Черногории с российским государством, взгляды болгарских книжников на Россию, ее место в творчестве одного из наиболее видных деятелей сербской культуры века Просвещения Захарии Орфелина, российско-дубровницкие контакты в их эволюции от конфликта к взаимопониманию, многообразные аспекты отношений Османской и Российской империй, общественные и культурные русско-чешские связи, судьбы участников движения Тадеуша Костюшко в России.

Сборник характеризуется фактологической новизной, свежестью исследовательского взгляда и свободой литературного изложения.

Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей и культурой как славянских и балканских народов, так и России.

Рецензенты: профессор доктор исторических наук А. В. Семенова,
научный сотрудник О. В. Медведева

ISBN 5-7576-0042-X © Институт славяноведения и балканистики РАН,
1998г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

XVIII век занимает особое место в истории славянских и балканских народов. Разными были положение и уровень их общественного развития, тем не менее в центральноевропейском регионе и на Балканах, в большей или меньшей степени, наблюдались сдвиги во всех сферах жизни, ставшие особенно заметными на исходе столетия. Общественная мысль провозгласила идеал просвещенного общества, в котором верховенствуют свобода личности и право. Новые исторические задачи, вставшие перед балканскими и славянскими народами, сделали для них актуальным вопрос о союзниках.

Все более привлекала к себе внимание в мире прежде всего славянская Россия, набиравшая со времен Петра I государственную мощь и превратившаяся во второй половине столетия в важнейший политический фактор на Балканах. Победы России в войнах с Турцией явились демонстрацией ее силы, а мирные договоры – свидетельством способности защитить балканских христиан перед лицом Порты.

Эффективность балканской политики российского государства была особенно заметна на фоне неудачных войн Австрии против Турции, следствием которых неизменно были массовые расправы османов над райей. В XVIII в. отчетливо выявилась общность государственных интересов России и стремления балканских христиан к ослаблению Османской империи.

Особняком стояли польские события последней трети XVIII в. Они характеризовались хищническим отношением прусского, австрийского и российского правительств к Речи Посполитой. Но и в Польше не все было благополучно в положении некаатолического населения, защиту которого Екатерина II использовала для влияния на дела соседнего государства.

Усиление России, активизация ее балканской политики и рост международного авторитета пробуждали у угнетенных балканских и славянских народов надежды на ее поддержку и помощь в изменении их судеб к лучшему.

Немаловажное значение в формировании отношения балканских и славянских народов к России имело ее культурное возвышение. В XVIII в., выйдя из духовной изоляции, русское общество активно включилось в общеевропейскую цивилизацию. Перед взором Европы открылись богатства русских духовных традиций и мощь обновляемой современной культуры. В век Просвещения обогащенный знаниями разум предстал как условие интеллектуального и нравственного облагораживания общества. Быстро растущая Россия воспринималась пытливыми умами славян, склонных при этом к ее

идеализации, в качестве модели преобразования и неуклонного совершенствования жизни.

Тяготение славян к России питалось и получало идейное оформление в исконном сознании их общности, ожившем и обретшем новое звучание в славянском мире в связи с ростом национального самосознания и общественным стремлением понять истоки, место и роль своего народа в европейской цивилизации. Пробудившееся сознание славянского родства обострялось в условиях угнетения.

В свою очередь российское правительство рассматривало христианские народы Балкан как надежных союзников в русско-турецких войнах. С началом военных действий петербургское правительство апеллировало к христианам, призывая их поддержать действия русских войск ради достижения желанного освобождения от османского ига. Россия проявляла также интерес к расширению торговых и культурных связей с соседними и более отдаленными землями. Официальные круги поддерживали и переселенческое движение в Россию, развернувшееся особенно с Балкан. Они рассчитывали использовать переселенцев для решения хозяйственных и военных задач. В русском обществе в свою очередь под влиянием русско-турецких войн, с одной стороны, и развития национального самосознания, с другой — нарастал интерес к жизни, культуре и борьбе балканских и славянских народов.

Реальные контакты балканских и славянских народов с Россией складывались в сложном комплексе международной жизни. Не говоря о негативной позиции Турции, существенное влияние на них оказывала политика австрийского правительства. Несмотря на союзнические отношения с Петербургом, особенно во время совместных войн с Турцией, венский двор направлял усилия на сужение связей подвластных ему славянских народов с Россией, препятствовал переселенческому движению на север. Политические интересы австрийского правительства, опасавшегося ослабления своего влияния на славян в монархии, были фактором, сдерживавшим развитие связей этих народов с Россией.

Взаимоотношения балканских и славянских народов с Россией развивались на протяжении XVIII столетия по восходящей линии. Во второй половине столетия вступили в действие новые факторы, расширившие и углубившие эти контакты.

Отношения Турции и России в XVIII в. носили напряженный характер не в последнюю очередь в результате подстрекательской позиции Франции и Англии. Четыре изнурительные русско-турецкие войны, из которых две последние (1768–1774, 1787–1791 гг.) завершились разгромом турецких войск и флота, существенно подрывали силы и международное положение Осман-

ской империи. Это стало важной предпосылкой для развития в дальнейшем освободительной борьбы балканских и славянских народов. На исходе же XVIII в. опасность, нависшая над владениями Порты в связи с агрессивной восточной политикой наполеоновской Франции, побудила султанское правительство к заключению в 1799 г. союзного договора с Петербургом. Это был принципиальный факт в истории отношений России и Турции.

Связи балканских и славянских народов с Россией в XVIII в. рассматривались в научной литературе в плане контактов отдельного народа или группы родственных народов с Россией на протяжении столетия, конкретных форм отношений разных земель с ней на том или ином отрезке времени, частных вопросов. Подобные сюжеты, как правило, затрагивались и затрагиваются в работах, посвященных русско-турецким войнам, культурному развитию балканских и славянских народов, истории их общественной мысли и т. д. Наиболее полно и последовательно в российской науке раскрыты южно-славянско-российские связи рассматриваемого периода, которые получили освещение в солидной публикации документов "Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в." (М., 1984) и книге А. П. Бажовой "Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в." (М., 1982).

Настоящий сборник статей раскрывает разные аспекты и формы отношений балканских и славянских народов с Россией на протяжении XVIII в. Здесь представлены церковные и культурные связи Черногории с ней, взгляды болгарских книжников на Россию, ее место в творчестве одного из наиболее видных деятелей сербской культуры века Просвещения Захарии Орфелина, российско-дубровницкие отношения в их эволюции от конфликта к взаимопониманию, разные стороны контактов России и Османской империи, общественные и культурные русско-чешские связи, судьбы участников движения Тадеуша Костюшко в России. Помещенные в сборнике исследования показывают важное место связей с Россией в историческом развитии балканских и славянских народов в XVIII в. В это время были заложены основы для активного наращивания контактов в следующем столетии, отмеченном подъемом национально-освободительных движений балканских и славянских народов, глубокими переменами во внутренней жизни России и превращениями ее внешней политики.

В статьях выражается авторская точка зрения, которая не всегда совпадает с позицией ответственного редактора.

И. И. Лециловская

Русско-черногорские связи в XVIII в. (церковные и культурные)

На протяжении XVIII и первой половины XIX в. (до провозглашения Черногории в 1852 г. княжеством) русско-черногорские церковные связи носили особый характер. В это время в ней сохранялась теократическая форма правления, осуществляемая Цетинской митрополией. Поэтому политические отношения между Россией и Черногорией поддерживались по линии церкви. Черногорские митрополиты проявляли большую активность в укреплении взаимоотношений с Российской империей, где они, совершая поездки, налаживали связи не только с представителями государственной власти, но и с различными церковными иерархами и учреждениями. В России они получали денежную помощь, церковную утварь и книги. Этническая и языковая общность, единая православная религия способствовали упрочению взаимоотношений двух народов.

В историографии отсутствует специальная работа, посвященная русско-черногорским церковным связям. Тем не менее все историки, занимавшиеся исследованием истории Черногории XVIII в., в той или иной степени затрагивали эту проблему. В югославской историографии – М. и Ж. Драговичи, Г. Станоевич, Б. Павичевич, Л. Дуркович-Якшич и др., в дореволюционной российской – П. А. Ровинский, Н. Л. Ширяев и др., в настоящее время – А. П. Бажова, Ю. П. Аншаков и др.¹

В начале XVIII в. Черногория являлась небольшим горным государством, зажатым между владениями Османской империи и Венеции. Порта продолжала считать ее составной частью своей территории. В ходе освободительной борьбы черногорскому народу удалось отстоять автономное положение своего государства и избавиться от такой формы вассальной зависимости, как обязательство по охране границы с Венецией. Но ему еще приходилось платить дань, которую должен был собирать шкодринский санджак-бег. Принудить черногорцев выполнить это обязательство можно было лишь путем карательных экспедиций.

Многочисленные войны, которые были вынуждены вести черногорцы, отстаивая свою свободу, тормозили экономическое развитие страны и за-

держивали ее культурный прогресс. К тому же Черногории приходилось выдерживать натиск Венеции, стремившейся расширить свои владения на Балканах. В 1718 г. Венеции удалось отторгнуть небольшую приморскую территорию, что отрезало Черногорию от Адриатического моря.

Суровые скалистые горы составляли большую часть территории Черногории. В это время в стране сохранялось территориально-племенное деление. Возглавляли племена – военно-политические объединения – вожди. Племена жили обособленной жизнью. Между ними нередко возникала вражда, приводившая к длительным междоусобицам и кровопролитию. Кровная месть уносила жизни многих людей. В таких условиях большую объединительную роль стала играть Цетинская митрополия. В руках митрополита была сосредоточена одновременно духовная и светская власть. В 1697 г. Цетинская митрополия становится наследственной, а династия Петровичей Негошей возглавила борьбу за создание независимого черногорского государства.

Черногорцы исповедовали православную веру. Отдельные попытки навязать им ислам или католичество встречали сильный отпор народа. Епископия Черногории как часть сербской православной церкви входила в состав Печской патриархии². В 1700 г. первый наследственный митрополит Данило Петрович был посвящен в сан сербским патриархом Арсением Црноевичем в Сечуе. Укреплению власти митрополита способствовало экономическое положение Цетинской митрополии, являвшейся самым богатым собственником в Черногории. Сосредоточение в руках митрополита сначала церковных доходов, а затем государственных создало некоторую, хотя и крайне ограниченную, материальную базу в борьбе за сплочение внутренних сил и организацию отпора Турции. Черногорский митрополит имел право духовной юрисдикции не только над черногорским, но и над соседним православным населением, проживавшим в Приморье и Герцеговине, что способствовало расширению его влияния в пограничных землях.

Православная религия в Черногории, так же как и повсюду в условиях османского гнета на Балканах, в значительной мере способствовала сохранению народного самосознания. Монастыри были очагами культуры. В них хранились рукописи и поддерживалась славянская письменность. При почти поголовной неграмотности населения священники как образованные люди пользовались большим уважением. В Черногории, как и в Сербии, функцию школы выполняли монастыри, где учителями выступали священники. Принять духовный сан посылали самых способных сыновей. Впоследствии ректор семинарии в Цетинье Милан Костич подробно описывал, как осуществлялось в то время народное образование: «Кто желал обучить своих детей грамоте, приготовить их к священническому сану, тот посылал их в мона-

стырь или отдавал к старому священнику. Дети обыкновенно прислуживали в монастыре в качестве причетников и учились читать и писать. Родители иногда платили за них. Плата обыкновенно давалась хлебом или съестными припасами... Часто в монастыре или у священника, если собиралось много учеников, то казалось, что была настоящая школа”³.

Во время османских нашествий черногорские храмы подвергались разорению и ограблению. Поэтому нередко были случаи, когда на пороге храма священник должен был защищать с оружием в руках то, что дорого каждому черногорцу. Черногорское духовенство приняло активное участие в защите отечества. В своем труде о Черногории П. А. Ровинский указывает, что многие священники принимали непосредственное участие в военных действиях. Во время сражений с турками можно было увидеть воина с крестом и ятаганом в руках. Многие священники отличились в сражениях⁴.

В создавшихся тяжелых условиях большим событием для Черногории явилось установление политических отношений с Россией. В это время (начиная с конца XVII в.) Российская империя выступала на международной арене как защитница интересов балканских народов, которых она привлекала к участию в антитурецких войнах. Царское правительство стремилось также укрепить свое политическое влияние на Балканах. Поддержка православной церкви и оказание помощи балканским народам в деле развития культуры были способами достижения этого. Российская политика объективно имела положительное значение, способствуя развитию просвещения и национально-освободительной борьбы балканских народов.

Весной 1711 г. в Черногорию прибыли царские посланцы полковник Михаил Милорадович и капитан Иван Лукачевич с грамотами Петра I, призывавшего южнославянские народы принять участие в войне против Османской империи. В ответ на этот призыв черногорцы начали военные действия против турецкой армии. Так было положено начало политическим отношениям между Россией и Черногорией.

В апреле 1712 г. на черногорском “зборе” (собрании) была провозглашена грамота, скрепленная подписью М. Милорадовича. Впервые анализ этого документа был сделан П. А. Ровинским. Он рассматривает его как “формальный договор” между Россией и Черногорией, определивший их взаимные обязательства. По мнению русского ученого, главная часть его — военная конвенция. Черногорцы выражали готовность по зову царя с оружием в руках воевать против общего неприятеля, но только “в своем краю”. Россия была обязана предоставлять им “свинец и порох”, а для тех, у кого нет оружия, “меч и ружье”. Воевать на чужой территории черногорцы могли

только добровольно, но в таком случае Россия обязывалась предоставлять им “все содержание и все военные принадлежности”⁵.

В политической части документа признавалось автономное положение Черногории, а “русский царь объявлялся сувереном”, но он не должен был вмешиваться в ее внутренние дела. Тем самым, указывает Ровинский, Россия пыталась предотвратить политическое подчинение Черногории не только Османской империи, но и Венеции. Однако надо учитывать, что этот документ был подписан царским посланцем, а для его юридической силы необходима была санкция царя.

Вступление Черногории в 1711 г. в борьбу с османской армией окончилось для нее плачевно. После неудачного завершения Прутского похода и заключения Петром I в 1712 г. мира с Портой черногорцам пришлось выдержать два нападения Османской империи. В 1712 г. черногорское войско во главе с митрополитом Данило Петровичем нанесло поражение османской армии при Царев лазе. Порта начала готовить новое нападение. Два года спустя против Черногории было обрушено многочисленное османское войско под командованием Нуман-паши. Только проведя несколько ожесточенных боев, ему удалось войти в Цетинье. Второй карательный поход был особенно опустошительным. Во время погрома погибло и угнано в плен много людей, были разрушены церкви и монастыри, а утварь разграблена. Пострадал и Рождественский цетинский монастырь – резиденция митрополитов (построен в 1701 г. на месте разрушенного старого). Данило Петровичу удалось скрыться в горах.

После того как османская армия покинула Черногорию, митрополит Данило Петрович отправился в Россию. В Петербурге он подал прошение Петру I с ходатайством об установлении покровительства над Черногорией, предоставлении денежной помощи для восстановления порушенных монастырей, приобретения церковного облачения и книг, а также награждении особо отличившихся в период антиосманского выступления⁶.

В то время Россия вела изнурительную войну со Швецией, поэтому Петр I не смог наградить черногорцев, как того требовали их заслуги. Все же он не остался безучастным к обращению черногорского митрополита. В своей грамоте южнославянским народам царь благодарил своих союзников за участие в борьбе против Османской империи. Он обещал после заключения мира, когда Россия оправится от военных издержек, не оставить “царскою милостию”. Для Черногории были выделены церковные сосуды, книги, архиерейские и священнические одежды, а также 160 золотых портретов и 5 тыс. рублей “на вспоможение разоренным людям”⁷. Лично митрополиту было предоставлено 500 руб. для возмещения военных долгов и

5 тыс. руб. на восстановление церквей и монастырей, а также 11 портретов и 160 червонцев для раздачи народу. Кроме того, Данило Петровичу было выдано жалованье и 3400 руб. на дорожные расходы⁸.

Таким образом было положено начало покровительству России над Черногорией. Петербургское правительство стало оказывать дипломатическое посредничество и помощь черногорскому народу. В 1715 г. была установлена постоянная денежная субсидия Цетинскому монастырю (каждые три года по 500 руб.). В свою очередь черногорцы свято соблюдали данные ими обязательства и по первому зову России с оружием в руках принимали участие в войнах, которые она вела против Турции.

С этого времени Цетинская митрополия стала успешно развивать политические связи с Россией, становившиеся все более тесными в период усиления антиосманской борьбы. Установление политических отношений создало благоприятные условия и для развития церковных и культурных контактов. В этом плане большое значение приобрели связи с Синодом, который предоставлял средства на обновление разрушаемых во время османских нападений православных храмов, направлял церковные облачения и необходимые предметы для совершения богослужения, а также церковные книги и учебники. Россию посещали не только черногорские правители, но и многие духовные лица. Черногорскому духовенству было разрешено собирать пожертвования в православных храмах.

После возвращения в Черногорию на средства, полученные в России, митрополит Данило Петрович выкупил пленных, возвратил долги, а остальные деньги раздал нуждающимся. Был восстановлен Цетинский монастырь и кафедральный собор Рождества пресвятой богородицы. Недостаток денег не позволил продолжить восстановительные работы. Все остальные церкви оставались в запустении⁹.

В первой трети XVIII в. Россия, добившись выхода к Балтийскому морю, поставила в качестве основной внешнеполитической задачи борьбу против Турции за выход к Черному морю. Необходимо было обеспечить безопасность южных границ. Маленькая, но воинственная Черногория стала занимать немалое место в российской политике на Балканах. Черногорцы приняли участие на стороне России в войне с Турцией в 1735–1739 гг.

После ее окончания османские власти возобновили карательные походы. Они опустошали пограничные села, убивали и уводили в плен мирных жителей. Православные храмы вновь подверглись разграблению и разрушению. В особенности пострадала Цетинская митрополия. Подгорицкие мусульмане захватили ее владения – земли, села, водоемы и рыболовные места на Скадарском озере. Они завладели также территорией с двумя церквями: Святой

Троицы в Горичанах и Святой Богородицы в Кома¹⁰. В свою очередь Венеция, которой ранее удалось присоединить приморскую территорию Черногории, теперь усилила свой натиск. Многие черногорцы, спасаясь от османских погромов и голода, уезжали на поселение в Россию.

Цетинскую митрополию после смерти Данило Петровича в 1735 г. возглавил митрополит Сава Петрович. В марте 1742 г. во главе черногорской делегации он прибыл в Петербург просить защиты и поддержки. Миссия Савы Петровича увенчалась успехом. Российское правительство выплатило субсидию Цетинскому монастырю за 21 год (1722–1743), всего 3 500 руб. Было выдано 3 тыс. руб. на вознаграждение народа и на восстановление церквей и монастырей, а также 1 тыс. руб. на дорожные издержки митрополита и его свиты. Со своей стороны Синод выделил два патриарших облачения, архиерейскую шапку и, кроме того, книги на сумму в 350 руб.¹¹

Миссия Савы Петровича имела важное политическое значение. Россия продолжила выплату денежных субсидий Цетинскому монастырю, что способствовало укреплению русско-черногорских связей, ставших традиционными. В 1758 г. российское правительство предоставило Черногории помощь в размере 15 тыс. руб. При этом была выражена надежда, что “черногорский народ старание приложит учреждением меж собой доброго порядка и согласия, а паче снабжением себя потребными воинскими орудиями и введением... регулярства и доброй дисциплины”¹².

Между тем положение в Черногории оставалось тяжелым. В стране сохранялись племенная разобщенность и кровная вражда, что препятствовало объединению народа для борьбы с агрессией Османской империи и происками Венеции. Не способствовала установлению “порядка и согласия” и международная обстановка. Не только Порты, но и венецианские власти чинили всяческие препятствия укреплению государственной власти в Черногории. Большие опасения у них вызвало налаживание регулярных отношений между Россией и Черногорией. Во время пребывания в Петербурге митрополита Савы Петровича венецианские власти закрыли для черногорцев доступ на приморские базары, что лишило их возможности покупать необходимые товары и порох. В свою очередь Порты непрестанно направляла против них карательные экспедиции, которые подвергали страну сильному опустошению. Несмотря на понесенные жертвы, черногорцы стойко продолжали сопротивляться османским войскам и отказывались платить дань. В 1756 г. им удалось отбить карательный поход боснийского визиря Хаджи-Мехмед-пашы. Но разоренная Черногория представляла страшную картину. Спасаясь от голода, черногорцы направлялись в Россию. Они пополняли ряды южнославянских выходцев, селясь в отведенных российским правительством зем-

лях — в поселениях Новая Сербия и Славяносербия (в 1752 г.) и других южных областях России.

Создавшиеся в Черногории тяжелые условия, необходимость постоянно отражать натиск Турции затрудняли духовное развитие народа. Во время османского господства на Балканах были разрушены многие памятники культуры и уничтожены ценные рукописи. После прекращения книгопечатания в типографии на Ободе (там вышла в 1493 г. первая южнославянская печатная книга) издательское дело долгое время не удавалось восстановить. Народ оставался почти поголовно неграмотным. Тяжелые потери продолжала нести и православная церковь. В 60-е годы XVIII в. в черногорских селениях имелось 80 церквей и 12 монастырей с архиерейскими подворьями, в которых было 28 иеромонахов и монахов. Посетивший в 1766 г. Черногорию со специальной миссией поручик Михайло Тарасов нарисовал впечатляющую картину тяжелого положения в епископии Черногории. В своем сообщении правительству он писал: "Вышеобъявленные храмы божии (сколь мне случалось видеть) ... весьма худого здания и пусты, так что ежели бы кто о том не дал знать, что оное бедное и беспорядочное здание избрано от них для приношения бескровной спасителю жертвы, то рожденному в христианской державе никак собою оного узнать не можно, потому что не имеет на себе ни креста (которого и соборные их церкви лишаются), ни внутри книг, кроме нескольких икон. Книги же (как я от черногорцев слышал) приходские священники тогда от митрополита берут, когда им священнодействовать нужда случится. В вышеупоминаемых их приходских церквях по римскому обычаю всегда растворены двери, и как у них у тех церквей сторожей нет, то пасутся близ оных церквей овцы и козы (как я от живущих в соседстве с черногорцами венецианов слышал) нередко в церкви отдыхать заходят, от чего там немалая нечистота. Следственно, что в оных церквях и священнослужение весьма редко бывает"¹³.

В это время в условиях усиления турецкого гнета на Балканах возрастает политическое значение Цетинской митрополии как одного из очагов антиосманского сопротивления. Ее авторитет особенно возрос у православных народов после ликвидации в 1766 г. Печской патриархии. На ее территории обосновались ставленники Порты. После этого Цетинская митрополия стала противостоять засилию греческого духовенства¹⁴.

Заявляя о себе как о преемнике средневекового Сербского государства, она выступила хранителем его традиций. Черногорским митрополитам, ориентировавшимся на Россию, удалось объединить вокруг себя часть старейшинского слоя — воевод, капитанов и др., что обеспечило им поддержку народа в борьбе за создание независимого государства¹⁵.

В Черногории население сохранило народные обычаи, язык и старые культурные традиции. Развитие культуры шло прежде всего в русле устно-поэтического творчества народа, в котором особое место занимали юнацкие песни. Большой популярностью пользовались песни, посвященные Косовской битве 1389 г. и ее героям. Они поддерживали в народе надежды на воссоздание Сербского государства. В фольклоре получила распространение также русская тематика – совместная борьба с Россией против Османской империи, одержанные победы над османской армией и пр. Много песен было посвящено русским государям, в особенности Петру I.

Монастыри по-прежнему оставались единственными очагами образования. Эмигрировавший в 1757 г. в Россию серб И. С. Балевич в своих “Записках о Черногории” писал: “В Черной Горе художников и школ никаких, кроме в Цетинском монастыре при архиепископской резиденции для обучения чтения и писания на славяносербском диалекте” (правильнее – языке. – Н. Х.)¹⁶. Помимо Цетинского монастыря, обучение производилось также в Станевичском и Брчельском монастырях. Ученики обучались по церковным и богослужебным книгам. Присланные из России книги стали для черногорцев первыми учебниками. Но их не хватало, поэтому они бережно хранились¹⁷.

На первых порах из-за отсутствия в стране светского школьного образования черногорцы отправлялись на учебу за границу. В 1757 г. впервые девять юношей были направлены для обучения в Россию. Сначала их зачислили в Киевскую духовную академию, но в следующем году перевели в Петербургский шляхетский сухопутный корпус¹⁸. Затем на учебу в русские учебные заведения прибыло еще шесть черногорских юношей. Они поступили в Московский университет¹⁹. Но из-за отсутствия подготовки черногорцы не смогли окончить кадетский корпус и вернулись на родину. Если в XVIII в. в России получило образование незначительное число черногорцев, то в XIX в. их численность значительно возросла.

Митрополит Сава Петрович оказался неспособным возглавить борьбу за создание независимого государства. Эту роль взял на себя его племянник митрополит Василие Петрович, вынашивавший план создания “славяносербского” государства под покровительством России. Это был энергичный и умный человек, не лишенный амбициозности. Даже его недоброжелатели были вынуждены признавать его как решительного и умного политика – “человека действия”²⁰. Василие Петрович трижды посетил Россию – в 1752–1755 гг., 1758 г. и скончался в Петербурге в 1766 г. во время третьей поездки. Прежде чем отправиться в Россию, он добился укрепления своего положения в Черногории: в 1750 г. печский патриарх Арсение II по-

святил его в сан митрополита, что открывало для него путь к установлению официальных связей с русским двором²¹. Первая попытка по налаживанию контакта с Россией была предпринята Василие Петровичем еще в 1743 г., когда он вступил в переписку с российским посланником в Константинополе А. А. Вешняковым. Сообщая о положении в Черногории и претерпеваемых ею насилиях со стороны османских и венецианских властей, Василие Петрович выразил надежду, что российский посланник не оставит в беде черногорцев и поможет им “научением и защищением”²².

После посвящения в сан митрополита Василие Петрович стал исполнять обязанности экзарха “святейшего трона пекского, патриархии славяносербской”. Как доверенное лицо сербской патриархии отныне он мог рассчитывать всюду на почетный прием²³. Заручившись верительной грамотой сербского патриарха Арсение II и трех митрополитов, Василие Петрович отправился в Россию.

В Петербурге черногорский митрополит обратился с прошением о защите и оказании помощи Черногории к Елизавете Петровне, канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину, в Коллегию иностранных дел, вице-канцлеру М. И. Воронцову и др. Благодаря установившимся связям с русскими государственными деятелями ему удалось получить денежную помощь для Черногории. В ответ на обращение митрополита Елизавета Петровна продолжила выплату субсидии Цетинскому монастырю. Задержка с ней произошла потому, что после возвращения в Цетинье митрополита Савы Петровича никто за денежной субсидией в Петербург не приезжал. Согласно указу Синода Московская синодальная контора выдала митрополиту Василие Петровичу деньги за 1743–1753 гг., всего 1666 руб. 66 коп. с четвертью²⁴. Кроме того, российское правительство пожаловало на восстановление черногорских церквей 5 тыс. руб. и лично Василие Петровичу 2 тыс. руб. в качестве вознаграждения за понесенные при поездке издержки. Василие Петрович получил от Синода также полное архиерейское облачение – украшенную бриллиантами панагию, а также книги. В составленном им списке, помимо церковных книг (евангелии, псалтыри, библии, катехизисы и др.), значились и учебники, в том числе 100 букварей²⁵.

В это время в Черногории по мере создания органов государственного управления и суда увеличивалась потребность в образованных людях. В своем обращении к императрице митрополит Василие указывал: “..Наш православный народ черногорский хотя и храбр есть, но, будучи лишен учения школьного, так что не умеет он обучать ни грамматике, в великой от того нужде находится. А резиденция наша убога и потому не в состоянии из своего имения школ завести”²⁶. Он просил помочь созданию на его родине ма-

лых славянских школ, по окончании которых возможно было бы посылать учеников в Россию для "усовершенствования как в духовных, так и в военных науках"²⁷. Во время второй поездки в Россию в 1758 г. он снова ходатайствовал о содействии школьному делу в Черногории. Российское правительство отпустило тогда Цетинье на просветительные и церковные нужды тысячу червонцев²⁸. Однако наладить в это время в Черногории школьное обучение не удалось. Все же привезенные Василием Петровичем книги способствовали развитию образовательного процесса здесь. Так, сербский просветитель Досифей Обрадович писал: "Первые знания о многих предметах получил я из книг, привезенных Василием Петровичем из России"²⁹.

Но заветной мечтой Василия Петровича было добиться покровительства и поддержки России в достижении независимости Черногории и признания за ней роли центра, способного объединить на Балканах освободившиеся от османского гнета славянские народы. Стремясь заинтересовать русских государственных деятелей своим планом, он прибег к идеализации прошлого Черногории и ее современного положения. Так, в обращении к А. П. Бестужеву-Рюмину он утверждал, что черногорский народ никогда не был завоеван турками, а его страна всегда оставалась республикой, возглавляемой митрополитом³⁰.

В своих обращениях, чтобы доказать главенствующую роль Черногории на Балканском полуострове как единственного свободного государства, он представил ее как могущественную страну. Идеи, высказанные Василием Петровичем, получили развитие в опубликованной им в России книге "История о Черной Горе" (1754 г.). Это была первая после уничтожения турками Ободской типографии печатная книга черногорского автора. Вслед за Ю. Крижаничем и Г. Бранковичем Василий Петрович выступил сторонником идеи славянской общности. По его замыслу, прототипом такого единого славянского государства должна стать средневековая сербская держава. Идеи, высказанные черногорским митрополитом, в дальнейшем нашли продолжателей среди сербских государственных и общественных деятелей³¹.

Хотя "История о Черной Горе" написана из политических побуждений, эта книга представляет научный интерес как первое освещение черногорским автором героического прошлого своего народа. О многих черногорско-турецких битвах Василий Петрович узнал из первоисточников, а в некоторых и сам участвовал или слышал о них от очевидцев. В России книга была издана вторично в 1860 г., ввиду "редкости этой книги и важности ее для истории Черногории" в "Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских". Второе издание под названием "История о Черной Горе" было напечатано в типографии Московского университета³².

Издание в 1754 г. книги “История о Черной Горе” и общение черногорского митрополита с русскими государственными деятелями способствовали созданию у правительства и русского общества представления о черногорцах как о неподвластном Порте народе.

В 1754 г. митрополит Василий Петрович служил литургию в присутствии самой императрицы и выступил с поздравительным словом. Однако его внешнеполитические планы не встретили поддержки в Петербурге. В это время Россия, ввиду обострения отношений с Пруссией и затем участия в Семилетней войне 1756–1763 гг., не могла активно поддерживать Черногорию. Российское правительство опасалось, что это вызовет недовольство Османской империи. Вместе с тем правительство Елизаветы, заинтересованное в привлечении на военную службу черногорцев, принимало меры по организации переселения из Черногории. В отношении статуса Черногорий Россия придерживалась твердой позиции: Елизавета рассматривала черногорцев как неподвластный Турции, свободный народ. Поэтому российское правительство требовало, чтобы черногорцы, как вольные люди, могли свободно быть пропущены через турецкие области. В апреле 1755 г. в ответ на сообщение митрополита об угрозе турецкого нападения и подстрекательстве венецианских властей российское правительство выступило перед Портой и венецианским Сенатом в защиту Черногории. Полученные черногорцами в 1758 г. 15 тыс. руб. сделали для них возможным укрепить свое влияние в Герцеговине и других пограничных областях, находящихся под османской властью³³. Часть денег пошла на обновление храмов.

В последней трети XVIII в., в период правления Екатерины II, произошла решительная активизация восточной политики России. Стремясь укрепить позиции державы в Черноморском бассейне, императрица продолжила традиционную политику покровительства Черногории. В ответ на обращение в 1762 г. митрополитов Савы и Василия Петровичей с просьбой о защите Екатерина II отдала распоряжение Коллегии иностранных дел оградить черногорский народ “от чинимых им венецианцами обид”. Россия как православная держава, выступая против насильственной пропаганды католицизма, противодействовала также проводимой католической церковью политике распространения униатства. В своем указе в Коллегию императрица потребовала принять меры к прекращению издания в Венеции униатских церковных книг славянской печатью и распространения их в Черногории³⁴.

Черногория была поставлена в известность, что она может по-прежнему присылать нарочных в Россию. Затем была подготовлена грамота, в которой объявлялось о “милости и благоволении” всему черногорскому народу и выражалась надежда на его “усердие и верность”³⁵. По приглашению импе-

ратрицы в 1765 г. в Петербург прибыл Василие Петрович. В число задач его миссии, помимо просьбы о защите от турецкой агрессии, входило ходатайство о поддержке черногорской церкви. “О награждении святых церквей к славе божией”, – так обосновывал свое обращение митрополит. В ноябре 1765 г. он присутствовал на литургии в придворной церкви. По окончании службы митрополит Василие в присутствии императрицы произнес речь. Но ему не довелось дождаться результата своей миссии. 10 (21) марта 1766 г. он скончался и был похоронен с почестями в Петербурге в Александро-Невской лавре. На надгробии была выбита надпись: “На сем месте погребен преосвященный митрополит черногорский и орона сербского екзарх Василий Петрович, от роду имел 57 лет, а преставился марта 10-го дня, 1766 года”. Спустя три месяца Синод направил в Черногорию денежную субсидию Цетинскому монастырю и церковную утварь. На родину возвратились также сопровождавшие Василие Петровича иеромонах Иосиф Вукичевич и иеродиакон Петр Петрович Негош – будущий правитель Черногории³⁶.

Митрополит Сава Петрович и другие представители черногорского народа, выражая благодарность Екатерине II за денежную поддержку, просили не оставлять их без “сильной протекции” и “ежегодного пенсионна”. Они обещали пред богом и монаршеским величеством “кровию нашу заслужить”, когда на это будет получено “повеление”³⁷. С началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. черногорцам представился случай выполнить свое обещание.

В дальнейшем, в период правления Степана Малого (1767–1773), русско-черногорские связи стали развиваться в русле межгосударственных отношений.

В 1769 г. русская армия под командованием П. А. Румянцева начала наступательные действия в Молдавии и Валахии. Одновременно была снаряжена экспедиция в Средиземное море, чтобы и здесь нанести удар по турецким силам. В создавшихся условиях для России была важна поддержка балканских народов. 19 (30) января 1769 г. был объявлен манифест, в котором содержался призыв к славянским народам православного вероисповедания и всем христианам Балканского полуострова воспользоваться начавшейся войной “ко свержению ига и ко приведению себя по-прежнему в независимость, ополчась... против общего всего христианства врага”³⁸. 29 января

* Далее в манифесте указывалось: “...находящихся в турецком подданстве (христиане в Молдавии, Валахии, Болгарии, Боснии и Герцеговине, Македонии, Албании и других областях)”.

(9 февраля) 1769 г. Екатерина II обратилась непосредственно к народам Балканского полуострова с призывом “выступить совместно против нашего общего врага”. В объявленной грамоте выражалась твердая надежда на успешное завершение антиосманского выступления. “Имея справедливость дела на нашей стороне, — говорилось в ней, — а при том церковь святую и самое благочестие неразлучными поборниками оружия нашего”. Екатерина II обещала считать своих балканских союзников — участников военных действий “верными и неложными друзьями империи” и не забыть о них при восстановлении мира³⁹. Таким образом, политика, проводимая в это время Россией, способствовала развитию освободительного движения на Балканах.

Екатерина II разослала эmissаров ко всем балканским народам. Что касается Черногории, то установление с ней договоренности осложнялось появлением там Степана Малого, выдававшего себя за русского царя Петра III. Рассмотрение русско-черногорских политических отношений в период правления Степана Малого выходит за рамки данной статьи. Этот вопрос к тому же получил широкое освещение в историографии⁴⁰. Укажем только на то, что Черногория приняла активное участие в войне против Турции. Черногорцы возобновили военные действия в направлении Герцеговины и Северной Албании. Согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Россия получила право выступать в защиту христианских народов на Балканском полуострове, что способствовало также развитию русско-черногорских отношений.

После окончания войны с Турцией некоторые черногорцы нашли пристанище в России. Среди них были также представители духовенства. Так, в 1772 г. в Петербург прибыл черногорский архимандрит Аввакум. Это был образованный священник. Он владел русским, итальянским, греческим и турецким языками. Основательная лингвистическая подготовка во многом способствовала тому, что русские государственные деятели стали доверять ему выполнение важных поручений в Черногории. В частности, российский посол в Вене князь Д. М. Голицын пользовался его услугами в сношениях с черногорцами. Так, в 1768 г. он поручил архимандриту передать “черногорскому обществу” грамоту Екатерины II. Однако тот не смог прибыть в Черногорию. Венецианские власти расположили свои войска вдоль ее границы и никого не пропускали. С теми же, кто старался нарушить этот запрет, они обходились довольно сурово. Если турецкие подданные выдавались османским властям, то других (вероятно, черногорцев) они казнили или ссылали на каторгу.

По возвращении в Вену архимандрит Аввакум был направлен Д. М. Голицыным в Венецию для передачи грамоты российскому поверен-

ному в делах при Венецианской республике Н. И. Маруцци, который и доставил ее в Черногорию. Находившийся в то время в Венеции командующий русской военно-морской эскадрой в Средиземном море граф А. Г. Орлов направил архимандрита Аввакума в распоряжение князя Ю. В. Долгорукова, которого тот сопровождал при исполнении миссии в Черногорию. Затем в течение двух лет черногорский архимандрит выполнял обязанности капеллана на военном корабле в эскадре русского флота в Архипелаге в Эгейском море. После ухода в отставку, опасаясь возвратиться в Черногорию из-за разрыва отношений со Степаном Малым, он прибыл в Петербург. Ознакомившись с рекомендательными письмами Д. М. Голицына и А. Г. Орлова, российское правительство обратилось в Синод с просьбой определить архимандрита в монастырь и предоставить ему пенсию (о чем он сам просил)⁴¹.

В это же время в России нашел убежище также архимандрит рисанского монастыря* Афанасие Милутинович. Являясь игуменом Хилендарского монастыря на Афоне, в 1741 г. он предоставил убежище бежавшим из плена четырем русским гренадерам. В дальнейшем, став архимандритом рисанского монастыря, он оказывал содействие в переселении черногорцев в Россию. С началом русско-турецкой войны 1768–1774 г. архимандрит Афанасие призывал православное население Северной Албании выступить с оружием против Турции, за что подвергся гонениям со стороны османских и венецианских властей. Прибыв в Россию, он подал прошение Екатерине II о предоставлении ему места в монастыре Славяносербии⁴².

Необходимо отметить, что черногорцы, переселившиеся в Россию, нашли там вторую родину. Россия гарантировала всем славянским выходцам (а в числе их было много черногорцев) свободу вероисповедания и сословные права. В свою очередь эти переселения усиливали российскую державу. Южнославянские переселенцы не только имели определенные заслуги в мореходстве и торговле, но и внесли немалый вклад в развитие науки и просвещения⁴³.

После семилетнего правления Степана Малого политические отношения между Россией и Черногорией снова принимают церковную форму. Некоторое время верховная власть в стране оставалась в руках митрополита Савы Петровича. Когда он умер в 1782 г., правителем Черногории стал Петр Петрович Негош (умер в 1830 г.). В октябре 1784 г. он был посвящен в высший духовный сан карловацким митрополитом Мосеем Путником⁴⁴.

* Рисан тогда был в составе венецианских владений, ныне – Черногории.

Петр I Петрович обучался в 1764–1766 гг. в Александро-Невской лавре. Будучи широко эрудированным человеком, он много сделал для пополнения фондов библиотеки Цетинского монастыря, располагавшей богатой коллекцией рукописей и книг, в числе которых имелись также издания киевско-печерской, московской синодальной и других типографий. Благодаря его участию были приобретены труды античных классиков, а также современных европейских писателей. Наибольшее число книг было на русском языке. Петр I Петрович занимался и литературным творчеством⁴⁵. Его лучшие произведения – это послания, в которых он обращался к народу и представителям власти. Тем самым он стремился оказать влияние на общественное мнение, в частности, предостерегая от такого пагубного патриархального обычая, как кровная месть. Митрополит работал также и над созданием истории Черногории. Небольшая часть его произведения была опубликована впоследствии (в 1835 г. в альманахе “Грлица”, Цетинье)⁴⁶.

После прихода к власти Петр I Петрович возглавил борьбу за создание независимого государства и духовное развитие народа. “Неутомимый архиепископ Петр, которого народ причисляет к святым, – так характеризовал его деятельность М. Костиц, – провел всю свою жизнь в величайших заботах о смягчении суровых нравов жителей, об истреблении кровной мести, возмущавшей спокойствие в стране, и о защите своего государства от врагов”⁴⁷. Сначала Петр I Петрович решил организовать при монастыре школу для обучения детей⁴⁸. Однако пришлось сосредоточить все силы на отпоре агрессии со стороны мятежного правителя Шкодринаского пашалыка, вознамерившегося образовать независимое государство в Северной Албании и присоединить к нему Черногорию и Герцеговину. В июне 1785 г. Махмуд-паша Бушати во главе 30-тысячной армии вторгся в Черногорию. Несмотря на героическое сопротивление черногорцев, ему удалось пройти в центральную часть страны и подвергнуть разрушению Цетинский монастырь. Население было обложено данью⁴⁹.

В дальнейшем митрополит предпринял решительные действия по сплочению внутренних сил страны. Под его предводительством черногорцы нанесли решительное поражение 35-тысячной армии Махмуда-паши у села Мартиновичи 11 (22) июля 1796 г. Когда шкодринский паша Махмуд Бушати в третий раз вторгся в Черногорию, он потерпел сокрушительное поражение в сражении при Крусах 22 сентября (3 октября) 1796 г. С этого времени Черногория становится фактически независимым государством. Черногорцы прекратили платить дань Порте⁵⁰.

Известие о победе черногорского оружия прогремело по всей Европе. В России оно было встречено с большой радостью. В октябре 1796 г. из Петер-

бурга было направлено митрополиту Петру I Петровичу поздравление в связи со “знаменитой победой” при Мартиничах. Вице-канцлер П. А. Зубов выразил свое восхищение “благоразумным и мужественным предводительством” митрополита и храбростью воинов Черногории. Он писал: “Священное имя моей премилосердной государыни, аки некое знамение, служило к одушевлению народа черногорского в храбром поражении врагов его”. Вице-канцлер заверил Петра I Петровича, что “надежда мужественного и храбростью славного народа черногорского на покровительство” России никогда не может быть оставлена без внимания императрицей⁵¹.

В ноябре 1796 г. Екатерина II скончалась. Взошедший на престол Павел I продолжил политику покровительства Черногории. Петр I Петрович был награжден высшей наградой России – орденом св. Александра Невского, а пятнадцать старейшин – золотыми медалями.

Однако Порта по-прежнему рассматривала Черногорию как часть Османской империи. В дальнейшем черногорцам приходилось неоднократно с оружием в руках противостоять османской агрессии, так как Порта не оставляла надежды вернуть сюзеренную власть над Черногорией. Тем не менее укрепление внешнеполитического положения Черногории создало условия для формирования государственной власти. Первым шагом в этом направлении явилось принятие 18 (29) октября 1798 г. на Скупшине в Станевичах первого государственного кодекса Черногории (“Законник общи црногорски и брдски”), известного в югославской историографии как Законник Петра I, владыки черногорского. В качестве основной цели его введения ставилось разрушение родоплеменных обычаев и пресечение кровной мести. После этого было сформировано Правительство суда черногорского и брдского – высший судебный орган, который ведал также административными делами⁵².

Создание правительства увеличивало потребность в образованных людях. Это вынуждало привлекать к участию в государственной деятельности иностранцев. Так, первым секретарем Народной канцелярии стал русский протоколист дьякон Алексей. Он завел по русскому образцу архив, установил порядок сохранять копии документов, проходящих через канцелярию. Алексей впервые сделал описания сражений при Мартиничах и Крусах, в которых приводились данные о численности воинов обеих сторон и расположении войск. Среди окружения митрополита упоминается также монах Федор Иванчик, русский по происхождению⁵³.

* В 1803 г. была принята вторая часть.

Из-за отсутствия в стране учебных заведений черногорцы по-прежнему отправлялись на учебу в другие страны, главным образом в Россию и Австрию. Петр I Петрович надеялся, что ему удастся организовать в Черногории школьное образование. Он считал необходимым основать в стране училище и типографию. При этом свои надежды митрополит возлагал на помощь России.

В ответ на просьбу Петра I Петровича об оказании содействия в Черногорию были направлены книги и церковная утварь на 2 тыс. руб.⁵⁴ Но на открытие и содержание светской школы в стране, как и прежде, не хватало денег. Удалось только создать небольшую группу при Цетинском монастыре. Занятия в ней велись не систематически, единой программы не было. Юноши собирались после богослужения у митрополита, который обучал их чтению церковных книг, разъяснял непонятные слова, переводил прочитанное на сербский язык. Часослов и псалтырь на старославянском языке по-прежнему оставались основными учебниками. Таким образом, просвещение в Черногории сохраняло церковный характер. Но в конце XVIII в. помимо церковных книг получают распространение светские издания⁵⁵.

Митрополит предпринял также усилия для восстановления храма Рождества пресвятой богородицы в Цетинье. На это он решил употребить субсидии, выплачиваемые Россией Цетинскому монастырю, на территории которого находился подлежащий реставрации храм. Эта обитель была варварски разорена и сожжена во время нашествия в 1785 г. Махмуда-паши Бушати (он пробыл в Цетинье 20 дней), а ее церковная утварь была разграблена. Учитывая это, Синод не только выдал деньги за прошлые годы (всего 4 132 руб.36 коп.), но и 1 тыс. руб. за шесть лет вперед⁵⁶.

После превращения Черногории в фактически независимое государство митрополит Петр I Петрович задумал создать обширное "славяносербское" царство путем объединения с Черногорией Боки Которской, Герцеговины, Дубровника и Далмации. Свои надежды при этом он возлагал на содействие России. Для реализации плана он направил одно за другим три посольства в Россию. Однако для осуществления замысла не было реальных возможностей. Результатом этих обращений явилось установление в 1799 г. ежегодной государственной субсидии в 1 тыс. червонцев "на полезные учреждения, посредством которых в народе упрочились бы христианские добродетели и доставлялись средства к образованию, возвышая благосостояние страны". На три первые субсидии удалось создать основные органы централизованной власти. Из этих денег митрополит оплачивал содержание высшего судебно-административного органа⁵⁷.

Поддержка России не только способствовала сохранению в Черногории православия, но в известной мере содействовала духовному развитию народа. В этом плане большое значение имели присылаемые из России печатные издания. Книги на церковнославянском языке стали служить для черногорцев первыми учебниками. Но попытки черногорских митрополитов наладить в стране при помощи России школьное образование не были реализованы в XVIII в. Тем не менее их деятельность не оказалась безрезультатной. Значительные успехи в этом деле были достигнуты в первой трети XIX в. В 1833 г. при поддержке России была открыта первая начальная школа и возобновлено книгопечатание.

В своем завещании, оставленном черногорскому народу 18 (30) октября 1830 г., митрополит заклинал свято хранить верность "благочестивой и христоролюбивой России", угрожая божьей карой каждому черногорцу, кто помыслил бы отступить от ее покровительства и надежды "на единокровную и единоверную" Россию⁵⁸.

¹ В югославской историографии: Драгович М. Митрополит Черногории Василий Петрович и его сношения с Россией. СПб., 1882; Драгович Ж. Черногория и ее отношения к России в царствование императора Павла. 1797–1801 // Русская старина. СПб., 1882. Т. 33. 35; Драгович М. Русија и Црна Гора од 1780 до 1790 (Материјал за историју Црне Горе у вријеме владања владике Петра I) // Гласник Српског ученог друштва. Београд. 1891. Књ. 72 и др.; Станојевић Г. Црна Гора у доба владике Данила. Цетиње, 1953; Он же. Митрополит Василије Петровић и његово доба (1740–1766). Београд, 1979; Павићевећ Б. Стварање Црногорске државе. Београд, 1955; Дурковић-Јакишић Љ. Митрополија црногорска никада није била аутокефална. Београд–Цетиње, 1991; Јовановић Р. Црногорско-руски односи (1711–1917) // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984; в российской: Ровинский П. Черногория в ее прошлом и настоящем (География. История. Этнография. Археология. Современное положение). СПб., 1888–1914. Т. I–III; Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982; Вецель Е. В. Некоторые проблемы истории Черногории XVIII в. в послевоенной исторической науке (1945–1989 гг.) // История балканского средневековья. Тверь. 1990. С. 61–74.

² Дурковић-Јакишић Љ. Указ. соч. С. 11–12.

³ Костић М. Школа и живот в Черногории // Славянский ежегодник. Киев. 1877. С. 191–192.

⁴ Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1897. Т. II. Ч. I. С. 409.

⁵ Ровинский П. А. Двухсотлетие сношений России с Черногорией (1711–1911 гг.) // К 500-летию начала книгопечатания у южных славян. Мемориальный сборник. М., 1994. С. 59.

⁶ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 53.

⁷ Там же. С. 51–52.

⁸ Там же; Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. Подгорица–Москва, 1992. С. 44.

⁹ Црногорско-руски односи... С. 44.

¹⁰ Политические и культурные отношения... С. 114.

¹¹ Павићевић Б. Владика Сава Петровић у Русији 1743–1744 године // Историјски часопис. Београд, 1963–1965. Књ. 14–15. С. 94–109.

¹² Цит. по кн.: Бажова А. П. Указ. соч. С. 82.

¹³ Црногорско-руски односи... С. 63.

¹⁴ Бажова А. П. Указ. соч. С. 69.

¹⁵ Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в. М., 1980. С. 170.

¹⁶ Црногорско-руски односи... С. 39.

¹⁷ Поповић П. И. Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1951. С. 314.

¹⁸ О зачислении “черногорского шляхетства молодых людей” в студенты Киевской Академии в 1757 году // Киевская старина. Киев, 1901. Т. LXXII. Январь. Отдел 2. С. 6–7.

¹⁹ Бажова А. П. Указ. соч. С. 193.

²⁰ Станојевић Г. Митрополит Василије Петровић... С. 72.

²¹ Политические и культурные отношения... С. 177.

²² Там же. С. 119.

²³ Станојевић Г. Митрополит Василије Петровић... С. 97.

²⁴ Политические и культурные отношения... С. 177–178.

²⁵ Там же. С. 179, 190, 196, 199, 223–224.

²⁶ Там же. С. 163.

²⁷ Ровинский П. Черногория... Пг., 1915. Т. III. С. 277.

²⁸ Царевский А. По поводу славянского празднества в Черногории (400-летие православно-славянского кириллического книгопечатания). Казань, 1893. С. 30.

²⁹ Цит. по кн.: Политические и культурные отношения... С. 179.

³⁰ Там же. С. 185.

³¹ Бажова А. П. Указ. соч. С. 73–74.

³² Негош Василий Петрович. История о Черной Горе. 2-е изд. М., 1860. С. I, IV.

³³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 15-ти кн. М., 1962. Кн. VIII. С. 375.

³⁴ Политические и культурные отношения... С. 268.

³⁵ Бажова А. П. Указ. соч. С. 84.

³⁶ Политические и культурные отношения... С. 278–279, 283–284.

³⁷ Там же. С. 285.

³⁸ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1893. Т. 87. С. 322–326.

³⁹ Морозов П. О. Черногорские переселенцы в России: Исторические материалы из архива Государственных имуществ. СПб., 1891. Вып. 1. С. 96–98; Политические и культурные отношения... С. 291–293.

⁴⁰ См. библиографию вопроса: Бажова А. П. Указ. соч. С. 90–91; Фрейденберг М. М. Степан Малый из Черногории // Вопросы истории. 1975. № 10; Мыльников А. С. Искушение чудом: “Русский принц”, его прототипы и двойники самозванцы. Л., 1991. С. 117–139; Петровић Р. Степан Мали. Загонетка историје. Београд, 1992.

⁴¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1772 г. Д. 18. Л. 2, 4, 5, 6 об.

⁴² Политические и культурные отношения... С. 324–326.

⁴³ Петров Н. Исторический взгляд на взаимные отношения между сербами и русскими в образовании и литературе. (Речь, произнесенная в торжественном собрании Киевской духовной академии 28 сентября 1876 года) // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1876. Ноябрь. С. 52.

⁴⁴ Драговић М. Русија и Црна Гора од 1780 до 1790... С. 217–224; Форишковић А. Неколико докумената о завладичењу Петра I Петровића 13.X.1784 у Сремским Карловцима // Историјски записи (ИЗ). 1969. Књ. 26. Св. 1. С. 135–151.

⁴⁵ Поповић П. Црна Гора у доба... С. 318.

⁴⁶ Лучић Ч. Митрополит Петар Први Петровић. Титоград, 1991. С. 174–187.

⁴⁷ Костић М. Современное состояние школ в Черногории // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. № 9. С. 3.

⁴⁸ Политические и культурные отношения... С. 330.

⁴⁹ См.: Ариш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. (Западнобалканские пашалыки Османской империи). М., 1963. С. 82–86, 174.

⁵⁰ Павићевић Б. Стварање Црногорске државе. С. 79; Станојевић Г. Црна Гора пред стварање државе. 1773–1796. Београд, 1962. С. 266–269.

⁵¹ Политические и культурные отношения... С. 374–375.

⁵² Формирование национальных независимых государств на Балканах... С. 171–174.

⁵³ Станојевић Г. Црна Гора пред стварање државе. 1773–1796. С. 261–268; Лучић Ч. Митрополит Петар Први Петровић. С. 173.

⁵⁴ Политические и культурные отношения... С. 379; Драговић Ж. П. Черногория и ее отношения к России... С. 363, 365; АВПРИ. Ф. Сношения России с Черногорией. Д. 30. Л. 101, 122.

⁵⁵ Костић М. Школа и жизнь в Черногории... С. 193–194; Поповић П. Црна Гора у доба... С. 318.

⁵⁶ Политические и культурные отношения... С. 378–379; *Дмитријевић С.* Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // *Споменик СКА*. Сарајево, 1922. Т. 53. Књ. 45. С. 87.

⁵⁷ *Ровинский П.* Черногория... Т. I. С. 613, 667; *Павићевић Б.* Политика цара Павла према Црној Гори // *Гласник Цетињског музеја*. 1970. Бр. 3. С. 65–66; *Формирование национальных независимых государств на Балканах...* С. 179.

⁵⁸ *Драгићевић Р.* Тестамент митрополита Петра I // *ИЗ*. 1949. Св. 5–6. С. 243.

Россия в болгарской книжности XVIII – начала XIX в.

Начиная приблизительно с середины XVIII в. иностранные путешественники, посещавшие Османскую империю, стали отмечать повышенный интерес местных христиан к России. Исключительно показательны в этом отношении воспоминания известного русского путешественника В. Г. Барского, побывавшего на Балканах сначала в 1725 г., а затем в 1744 г. Если в первый свой приезд он не заметил по отношению к себе особого интереса, не говоря уж о радушии, со стороны греческих и славянских иноков, то во второй – оказался неожиданно окружен “многократной любовью и почитанием”¹. Обладая весьма трезвым, рациональным мышлением, он связал причины столь разительных перемен с изменением международного статуса России и активизацией ее политики на южных рубежах. По поводу же внезапно вспыхнувшей любви иноков к России записал следующее: “... Яко уж род Роский во много славу и честь произийде, ради предупреждения в многих благих и достохвальных делах, и чаяху... иноци, от оного руку помощи и благой надежды имети”².

Вряд ли стоит абсолютизировать мнение В. Г. Барского. Несмотря на то, что зерно истины в его наблюдениях присутствует, данная оценка излишне огрубела бы истинное отношение балканских христиан, и прежде всего южных славян, к России. И хотя конъюнктурный, а подчас и просто меркантильный интерес безусловно присутствовал, вопрос, думается, стоял несколько сложнее.

Здесь не место подробно останавливаться на проблеме формирования образа России в системе менталитета южных славян. Этой теме посвящены специальные работы³. Необходимо лишь сказать, что к середине XVIII в. в народном сознании он уже в значительной степени сложился и был генетически связан с пророчествами мессианского характера, предрекавшими гибель Османской империи и приход освободителя с далекого севера. Другое дело, что именно в этот период представления легендарного характера, благодаря стечению внешних обстоятельств, начали приобретать конкретно-исторические формы.

Территориальное продвижение России на юг привело ее к прямому столкновению с империей османов. Первым из русских царей открытую борьбу с Портой начал Петр I. Создание им военного флота, взятие Азова, появление русской армии в непосредственной близости от Дуная (Прутский поход 1711 г.), откровенные поиски политических союзников среди молдаван, влахов, сербов, черногорцев, а также заявления об освободительной миссии русского оружия на православном Востоке⁴ сделали его имя чрезвычайно популярным у южных славян. Его образ нашел прямое отражение в фольклоре, воплотившись, в частности, в фигуре победоносного царя-“рибара”⁵. Его имя воспевалось в песнях (знаменитая сербская песня, известная обычно под названием “Песнь похвальная царю Петру Московскому”).

Последовавшая после смерти Петра длинная череда русско-турецких войн еще более способствовала поддержанию в народе надежд на близкое освобождение. Стимулировали их и прямые заявления русских властей, склонных подчас трактовать себя в роли спасителей своих единоверцев на Востоке. Вот лишь один пример такого рода – цитата из воззвания Екатерины II к турецким христианам: “Соображая горестное благочестивых сих сынов церкви Божия состояние... желаем сколь возможно избавлению их и отраде споспешествовать... Наше удовольствие будет величайшее видеть христианские области из поноснаго порабощения избавляемые и народы руководством нашим вступающие в следы своих предков...”⁶.

К началу XIX в., после заключения Кючук-Кайнарджийского (1774 г.) и Ясского (1792 г.) мирных договоров, Россия не только вплотную придвинулась к рубежам Османской империи, но и предприняла попытки покровительствовать ее христианским подданным. Древние пророчества начинали сбываться. Далекая северная держава постепенно становилась реальной претенденткой на наследие Константина Великого.

Данная статья не предусматривает комплексное рассмотрение всего круга проблем, связанных с трансформацией образа России в сознании южнославянских народов в это переходное для них время. Задача видится гораздо уже. Она будет состоять в анализе позиции книжников, а точнее болгарских книжников XVIII столетия, по отношению к России. Это позволит, с одной стороны, несколько конкретизировать популярный в историографии тезис об их традиционно глубокой приверженности к этой стране, а с другой – четче определить установки, легшие в основу менталитета болгарской интеллигенции эпохи Возрождения.

При этом необходимо сразу оговориться, что такие термины, как “болгарские книжники” и “авторство”, используемые в тексте, весьма условны. Само понятие авторства в этот период находилось в южнославянской

книжности еще в процессе становления. В ходу продолжал оставаться средневековый принцип создания произведений, опирающийся на свободу компиляции отрывков из различных текстов (чаще всего без указания источника) и вольный пересказ (или перевод) сочинений предшественников. Что же касается этнической принадлежности книжников, то в подавляющем большинстве случаев она неизвестна или весьма гипотетична.

Принимая во внимание все вышеизложенное, представляется целесообразным не заострять внимание на выявлении этнических корней той или иной рукописи. К анализу будут привлекаться прежде всего те из них, которые были связаны с Болгарией своим происхождением или пользовались в этом регионе большой популярностью, а также те, чья авторская позиция носила ярко выраженный проболгарский характер.

Если говорить о месте, которое занимали в болгарской книжности образы, так или иначе связанные с Россией, то вряд ли его можно оценить как значительное. Судя по каталогам рукописей, в количественном отношении резко преобладали краткие приписки, сообщавшие, что в таком-то году “москов” бился с турками. В информативном отношении эти глоссы очень скупы, а в эмоциональном (что касается России) довольно нейтральны.

Непосредственно же в самих текстах, составляющих содержание сборников, русская тематика всплывала достаточно редко. Едва ли не вплоть до конца XVIII в., когда начали активно распространяться списки “Истории славяно-болгарской” Паисия Хилендарского (1762 г.), лидерство в этом отношении принадлежало произведениям, уходящим своими корнями далеко за пределы Болгарии. Прежде всего это были русские летописи, многочисленные издания которых “буквально наводнили” в тот период (по выражению болгарского исследователя П. Атанасова)⁷ болгарские земли. Среди них особым вниманием пользовались различные переработки “Повести временных лет”⁸.

Популярна у составителей сборников XVII–XVIII вв. была и “Повесть о падении Царьграда”. Современные исследования показывают, что используемый болгарскими книжниками вариант “Повести” имел русское происхождение и восходил в основном к сочинению Нестора Искандера⁹. “Повесть” пришла на Балканы вместе с другими русскими печатными книгами. Наибольшее же распространение получило московское издание 1713 г., в котором использовался текст в переработке А. Лизлова (вторая половина XVII в.). Это издание переписывалось книжниками подчас буквально¹⁰, а поэтому знакомило болгарских читателей с некоторыми моментами известной в России идеи “Москва – третий Рим” (и соответственно второй Кон-

стантинополь), а также приобщала к восторгам автора по поводу возрастания военной мощи Московского государства.

Встречались в рукописях и традиционно популярные на Балканах пророчества (в основном неславянского происхождения), предвещавшие гибель османов и связывавшие это событие с вмешательством с севера. Среди них необходимо упомянуть “Пророчества блаженного Иеронима Агафангела”, вошедшие, в частности, в сборник Спиридона Рильского¹¹. В той части “Пророчеств”, где речь шла о московских царях, в тексте восхвалялась сила русского оружия и непобедимость русского монарха, “искоряющего варваров и расширяющего пределы” своей державы. Также говорилось и о гибели для агарян пришествии христианского воина, облаченного в железо, под которым подразумевалась Россия. Впрочем в этой своей части “Пророчества” были достаточно типичны для этого рода литературы, так как, подобно большинству аналогичных сочинений, смыкались, по существу, с наиболее ранним и знаменитым предсказанием, сделанным в XV в. будущим константинопольским патриархом Геннадием Схоларием. В своей наиболее популярной в XVII–XVIII вв. версии это предсказание гласило, что турки возьмут Константинополь и будут властвовать долго, но затем “русский народ, соединяясь со всеми языками, желающими мстить Измаилу, его победит вторично”¹².

И, наконец, еще одно также переводное сочинение. Речь идет о знаменитой “Стематографии” Хр. Жефаровича (1741 г.), сыгравшей большую роль в становлении национального самосознания болгар. Жефарович (сам выходец из Македонии) использовал в качестве непосредственного источника своего издания “Стематографии” одноименное сочинение хорвата Павао Риттера Витезовича (Загреб, 1700 г.). В нем обыгрывалась идея южнославянской общности с центром в древней Иллирии (отождествляемой с Хорватией) и приводилась краткая информация об областях Иллирии с параллельной демонстрацией герба. Среди прочих гербов присутствовал и московский. Здесь же автор сообщал о том, что русская земля славится мужественными сердцами и вызывает страх у всех своих врагов¹³.

Хотя все упомянутые выше тексты были, по существу, иноземного происхождения, они, безусловно, составляли неотъемлемую часть болгарской книжности. Уже тот факт, что они прижились на болгарской почве и пользовались большой популярностью, показывает, что затрагиваемые в них темы отвечали духовным запросам современников. Одновременно они оказывали определенное влияние на процесс формирования общественного сознания, способствуя распространению в болгарской среде прорусских настроений.

Параллельно с этими текстами в XVIII в. начали появляться сочинения собственно болгарского происхождения, в которых русская тематика так или иначе затрагивалась. Типологически их можно разделить на три неравноценные по объему группы. К первой – следует отнести произведения устного народного творчества и тексты, непосредственно находившиеся под их влиянием. В них нашли отражение в основном взгляды легендарного характера, популярные среди простого народа. Но поскольку анализ представлений широких народных слоев выходит за рамки данной работы¹⁴, основная масса источников выпадает из поля исследования. По существу, из известных текстов, непосредственно связанных с книжниками, интерес представляет лишь знаменитая “Повесть о московском царе Петре”, сохранившаяся в рукописном сборнике 1796 г., составленном священником Пунчо.

Вторая группа наиболее объемна и включает в себя сочинения исторической направленности. Подробно характеризовать их не имеет смысла, они слишком хорошо известны. Это – “История славяно-болгарская” Паисия Хилендарского (1762 г.), а также некоторые дополнения к этому тексту последователей Паисия; анонимная, так называемая Зографская история (1785 г.), “История вкратце...” иеросхимонаха Спиридона (1792 г.) и некоторые другие тексты.

И наконец, в особый раздел необходимо выделить документы и тексты, связанные с именем болгарского епископа Софрония Врачанского (1739–1815 гг.). Речь прежде всего идет о материалах, имеющих отношение к депутатии в Россию Ивана Замбина и Атанаса Нековича в 1804–1808 гг. и к позиции Софрония в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг., а также о переводческой и собственно литературной деятельности этого плодовитого болгарского книжника.

Если попытаться охарактеризовать в целом эмоциональный настрой вышеуказанных произведений, то это окажется задачей трудновыполнимой. Для всех трех в общем-то условно вычлененных групп характерен свой особый подход к русской проблематике. Возможно, это отчасти было связано с тем, что они отражали взгляд на Россию различных социальных слоев населения. Первая группа была неразрывно связана с народным менталитетом, с древними пророчествами и народными легендами, со смутными мессианскими надеждами и, соответственно, неотделима от чувства благодарности к потенциальной освободительнице. Вторая – отражала позицию зарождающейся болгарской национальной историографии, для которой на первом плане стояли задачи пробуждения национальной гордости народа, что в общем-то мало совместимо с панегириками в адрес кого-либо еще. Своеобразие третьей группы в определенной степени определялось политической

конъюнктурой. Она олицетворяла собой начало нового этапа в болгаро-русских отношениях, связанного с непосредственным переходом в область политического взаимодействия.

Итак, "Повесть о московском царе Петре". Это произведение хотя и несет на себе явный отпечаток народного менталитета, безусловно, прошло литературную обработку и может служить образцом русофильства в болгарской книжности XVIII столетия. Основное содержание "Повести" касается истории крещения Руси и основывается на материалах русских летописей¹⁵. Эти материалы претерпели весьма вольную обработку, результатом чего явился ряд исторических несуразностей: замена византийского императора на некоего болгарского царя Константина, а русского князя Владимира на воинственного Петра Буро. Особый интерес в данном случае представляет заключительная и, как полагают исследователи, авторская, принадлежащая перу самого Пунчо часть "Повести"¹⁶. Она содержит откровенный панегирик в честь русских монархов и являет собой своеобразную попытку осмысления исторической миссии России в отношении болгар.

Автор пробует выстроить нечто вроде логической цепи между фактом принятия русскими христианства от болгар и намерением России освободить своих крестных от турецкого рабства. Возможность осуществления освободительной миссии определяется как бы свыше. Логика автора в данном случае прямолинейна и по-своему убедительна. Предполагается, что русские прекрасно осведомлены и свято помнят о том, что приобщились к вере благодаря исключительно болгарам и поэтому неустанно молятся за их освобождение от турок¹⁷. Поскольку же, по мнению автора, русские – народ богоизбранный, имеющий "силу свыше"¹⁸, то молитва их имеет особое значение. Богоизбранный народ имеет и соответствующего монарха. В тексте особо подчеркивается, что русский царь непобедим – "не может ни один царь или король победить ... царя московского"¹⁹. Заканчивается "Повесть" прославлением его военных доблестей, что невольно наводит на мысль о наличии у автора определенных ассоциаций между реализацией русских молитв об освобождении болгар и победами русского оружия.

К сожалению, среди сохранившихся сочинений XVIII в. явно прорусская и несколько восторженная направленность "Повести" уникальна в своем роде. Гораздо более типичным для болгарской книжности этого периода представляется спокойный, подчас подчеркнуто нейтральный тон, характерный для трех знаменитых "Историй". Строго говоря, при желании авторы этих произведений вполне могли бы, учитывая политическую ситуацию второй половины XVIII в., уделить русской тематике чуть больше внимания. Однако эту возможность все они проигнорировали. И если в отношении

“Зографской истории” практически полное пренебрежение русскими сюжетами может быть объяснено ее исключительной краткостью, то для творений Паисия и Спиридона это объяснение неприемлемо. Оба они писали довольно пространно, с повторами и лирическими отступлениями, однако к русской тематике оказались индифферентны. Учитывая же наличие в обществе про-русских настроений, можно предположить, что за этим скрывалась не столько случайность, сколько сознательная позиция.

Приступая к анализу, необходимо прежде всего отметить, что первых болгарских историков Россия интересовала прежде всего как географическая область, через которую проходил в древности путь миграции болгар. Внимание же к русскому народу не в последнюю очередь определялось интересом к происхождению собственного народа как одного из славного рода славян. Все они опирались в основном на русские издания сочинений таких известных авторов, как Ц. Бароний (1538–1607), М. Орбини (ум. ок. 1614), Дм. Ростовский (1651–1709), а также на первую книгу по русской истории под названием “Синописис” Ин. Гизеля (вторая половина XVII в.)²⁰. При этом собранными сведениями пользовались довольно свободно, формируя свою собственную концепцию начального этапа болгарской истории. Но основа была общей: все они придерживались так называемой яфетической теории происхождения славян, т. е. выводили их от легендарного внука Ноя Мосха – сына Яфета. Совпадение же имени Мосха с топонимом Москва заставляло их вслед за своими предшественниками так или иначе касаться вопроса о роли московских земель в исторических судьбах древних болгар.

Вот что пишет по этому поводу Паисий Хилендарский²¹. Первоначально славяне, не разделившиеся еще на племена и носившие в честь общего предка единое имя московцы, расселились на севере в районе современной Москвы. В честь своего прародителя Мосха они дали имя протекавшей в этом районе реке (Москва-река) и основанному ими поселению (Москва). Затем произошло естественное разрастание рода, и часть славян (в том числе и будущие болгары) переселилась в западные земли. Но по прошествии довольно длительного времени некоторые из них решили вернуться на историческую родину, т. е. в Москву. Однако остававшиеся на прежнем поселении сородичи (теперь уже называвшиеся русскими) в свою землю их не пустили. Завязались тяжелые бои, после которых возвратившимся славянам все же удалось пробиться на восток и расселиться на берегах Волги. По названию реки эта группа славян и получила свое имя – болгары.

Эта информация была несколько дополнена в 1784 г. одним из переписчиков и последователей Паисия книжником Дойно Грамматиком. Он посчитал необходимым добавить, что хотя топоним и гидроним Москва и про-

изошли от имени Мосха, однако русские получили название не от него, а от своего воеводы Мосха (так же как сербы от воеводы Сербина)²².

На этом обращение Паисия к русской тематике практически исчерпывается. Вскользь она затрагивается еще несколько раз (частично речь об этом пойдет далее), однако сколь-либо обстоятельных пассажей, позволяющих дать развернутую оценку авторской позиции, в тексте не встречается. Гораздо большее внимание уделил России в своем сочинении иеросхимонах Спиридон. На первый взгляд это вполне объяснимо, так как он был учеником Паисия Величковского, оставившего столь яркий след в истории русской культуры и книжности. Между тем при ближайшем рассмотрении оказывается, что внимание Спиридона к России далеко не столь доброжелательно, как можно было ожидать, а само обращение к русской проблематике продиктовано прежде всего интересами болгарского патриотизма.

Начать можно уже с того, что Спиридон, в отличие от Паисия и Дойно Грамматика, употребляет термин *мосховиты*²³, а не *московцы* или *москови*, желая тем самым, по-видимому, исключить всяческие ассоциации с Москвой. Кроме того, он полностью исключает из текста историю миграции болгар в район Москвы. Параллельно отвергается и теория происхождения болгарского этнонима от названия реки Волги²⁴. И хотя факт проживания севернее Черного моря не отрицается, однако трактуется как краткий эпизод перед переселением в район Дуная, которое Спиридон относит к 986 г. до н. э., отождествляя болгар с древними иллирами²⁵.

Особенно же показательна для характеристики позиции Спиридона в отношении России фраза, брошенная им при повествовании о подвигах иллиро-болгарских властителей. Желая, видимо, подчеркнуть высокое положение древних болгар по сравнению с другими славянскими народами, он посчитал необходимым сообщить, что в то время у русских (в отличие от болгар) не было «ни городов, ни сел», что жили они, как «дикие звери», переходя с места на место²⁶; что терпели военные поражения от болгарских принцев²⁷; что именно болгары открыли русским путь к цивилизации, основав первый в их землях город – Новгород²⁸. Не забыл Спиридон также напомнить читателям, что хан Батый смог в XIII в. разгромить Русь, но не смог Болгарию²⁹.

И хотя на последних страницах «Истории вкратце» имеются сведения о русско-турецких войнах XVIII в., в целом создается ощущение, что национальное самолюбие автора несколько уязвлено успехами русских. Слишком сухо повествует он об их победах над турками. Сами же события рассматривает не столько под углом возможного освобождения, сколько в контексте болгаро-греческих и болгаро-турецких отношений. Во всяком случае, сообщая о наступлении русских войск, он находит уместным помешать не благо-

дарственные слова в адрес Бога, повернувшего русское оружие против ненавистных поработителей болгарского народа, а очередной выпад в адрес греческого духовенства. И пожалуй, единственное, что вызывает у автора "Истории вкратце" чувства действительно теплые, так это русские книжники, а точнее, персонально Дм. Ростовский, в комплиментах которому Спиридон не скупится. Впрочем это вполне понятно, так как сочинения именно этого русского автора отличает исключительно доброжелательное отношение к славянским народам, что оказывалось весьма кстати в тех случаях, когда Спиридону была необходима ссылка на авторитетный источник при трактовке некоторых исторических событий, невыгодно для болгарского самолюбия освещенных в греческих или западных источниках.

Анализируя причины такого подхода к русской проблематике, можно предположить, что в основе их лежали отнюдь не недоброжелательность к России, а досада за униженное положение болгарского народа и поправная гордость патриота. Думается, именно под этим углом следует воспринимать попытки Спиридона всеми возможными способами возвеличить заслуги своего народа в ущерб остальным. Причем иногда эти попытки приобретали полукوميческий характер. Чего стоит, например, одно только страстное доказательство в пользу болгарского происхождения победителя хана Батыя³⁰. Автора не смущает даже необходимость расширить для этого границы Болгарии едва ли не на всю Венгрию и Сербию.

Впрочем столь пристрастный подход к отечественной истории уже не был к концу XVIII в. для болгарских книжников чем-то слишком необычным. Рост патриотизма в их среде оказывал прямое влияние на манеру обращения с историческими фактами. Вот лишь один, но чрезвычайно яркий пример. В 1794 г. Даниил Святогорец перевел из "Книги житий" Дм. Ростовского рассказ о Кирилле и Мефодии, параллельно значительно отредактировав текст. По его версии славянские первоучители составили новую письменность непосредственно для болгар, перевели священные книги не на синтетический церковнославянский, а именно на болгарский язык, проповедовали христианство не кому-либо, а болгарам и никуда с христианскими миссиями вообще не ходили³¹.

Основы наивного болгароцентрализма и, соответственно, более или менее недоброжелательного отношения к другим народам можно найти и в "Истории славяно-болгарской". Более того, вероятно, именно с появлением этого сочинения болгарские читатели впервые получили возможность встретиться со столь откровенным возвеличиванием своего народа и не менее откровенными выпадами в адрес единоверцев -- греков и отчасти сербов. В очень мягкой форме досталось даже русским. В данном случае речь идет

прежде всего об отстаивании Паисием права первенства болгар на крещение и принятие письменности, оспариваемое, по его мнению, в свою пользу некоторыми русскими, а также о попытках оправдать невежество своего народа ссылками на то, что достижения русских на ниве книжной мудрости не являются собственно их заслугой, а лишь следствием милости Божьей, даровавшей им (в отличие от болгар) и царство, и церковную свободу³². В последнем Паисий был, несомненно, прав, однако вряд ли столь своеобразная логика способствовала повышению рейтинга России в глазах почитателей “Истории славяно-болгарской”.

Семена национализма обладают, как известно, невероятной всхожестью. Особенно в регионах с неблагоприятной межэтнической и межконфессиональной ситуацией, к числу которых с полным основанием могла быть причислена в XVIII в. и Болгария. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что уже через несколько лет после написания Паисием своего сочинения некоторые книжники, как наиболее подверженная эмоциям часть болгарского общества, с готовностью подхватили националистические настроения и начали позволять себе соответствующие высказывания. Так, уже в 1776 г. поп Георгий из села Жеравны поместил на одном из списков “Истории славяно-болгарской” свои восторженные отзывы, не забыв отметить, что это замечательное произведение будет “на пользу болгарам... и на пакость грекам и сербам”³³. Аналогичную приписку оставил в 1777 г. и священник Велико из г. Котел³⁴.

Как показали события болгарской истории XIX и XX веков, настроениям такого рода принадлежало большое будущее. Что касается исторической науки, то на их основе возникла сначала национальная романтическая публицистика и историография, а позднее откровенно национал-шовинистическая литература. В XVIII столетии все это было еще малоактуально, и наиболее передовые представители нации, такие как Паисий Хилендарский или иеросхимонах Спиридон, были озабочены прежде всего задачей пробуждения в своем народе национального духа и гордости. Поэтому вполне естественно, что они не уделяли, да и не могли уделять внимание иноэтнической проблематике, какой являлась для них русская. Тем более что она не только не помогала восхвалению доблестей болгарского народа, но подчас и откровенно мешала, вызывая у читателей нежелательные сопоставления. Кроме того, что также немаловажно, если говорить о Паисии и Спиридоне, то, по всей видимости, в их личной жизни отсутствовали обстоятельства, так или иначе принуждавшие к внешней демонстрации приверженности России.

В ином положении оказался другой видный болгарский книжник — епископ Софроний Врачанский. Его деятельность открывает собой новый

этап в истории взаимодействия болгар с Россией, этап непосредственных политических контактов. Вынудила же его к поиску прямого диалога с русскими властями, а, соответственно, и к принятию необходимой в общении с ними тональности политическая конъюнктура рубежа XVIII–XIX вв., а именно: разгул кырджалийских банд, массовое бегство за Дунай христианского населения и русско-турецкая война 1806–1812 гг.

Начало контактам, связываемым в историографии с именем Софрония Врачанского, было положено в 1804 г. Тогда в Петербург была отправлена специальная депутация болгар в составе Ивана Замбина и Атанаса Нековича, в задачу которой входило установление контактов с русским правительством с целью возможного покровительства России над болгарскими землями. По мнению специалистов, инициатором подготовки этой миссии был Софроний³⁵. Поскольку его имя активно фигурировало в переговорах, со стороны русских были предприняты некоторые шаги для установления с ним непосредственной связи. С этой целью в 1808 г. по инициативе министра иностранных дел Н. П. Румянцева была организована его встреча с представителем Дунайской армии М. А. Милорадовичем. В дальнейшем имели место контакты Софрония с русским командованием. В частности, во время подготовки генерального наступления в 1810 г. командующий Дунайской армией генерал П. И. Багратион посчитал необходимым связаться с Софронием, чтобы обеспечить поддержку своим войскам со стороны местного болгарского населения.

Позиция Софрония была в тот период однозначно прорусской. В данном случае вряд ли стоит подробно останавливаться на дискутируемой в историографии проблеме авторства Полномочного письма, подписанного Софронием для Ив. Замбина в 1808 г., в котором от имени болгарского народа выражалось горячее желание удостоиться высокого покровительства и быть присоединенными к России “под мудрым управлением монарха всерусского”³⁶. Даже если в основе его лежал текст, подготовленный Ив. Замбиным, то это вовсе не значит, что Софроний не разделял изложенных в нем пожеланий. Во всяком случае оно довольно близко соответствовало по своему духу письму, переданному от имени Софрония русскому министру иностранных дел в 1808 г. Оно сохранилось в Архиве внешней политики Российской империи и было опубликовано В. Д. Конобеевым³⁷. И хотя в этом письме о желании болгар принять русское подданство прямо не говорится, речь идет лишь о покровительстве, горячих заверений в преданности единой верной России в нем ничуть не меньше, чем в Полномочном письме.

В аналогичном по отношению к России духе были выдержаны и специальные послания Софрония к соотечественникам, обнародованные в связи с

наступлением русских войск в 1810 г. В них он заверял болгар, что вместе с русской армией к ним приближается “спасение и избавление”, что русские – их “единоверные” и “единородные” братья, а поэтому необходимо оказывать им всяческую поддержку и любовь³⁸.

Позиция Софрония в отношении России нашла выражение и в двух вставках к выполненному им в 1809 г. переводу сочинения Амвросия Марлиана, известного в славянском варианте под названием “Гражданское позорище”. Эти интерполяции впервые были обнаружены С. В. Киселковым³⁹, и хотя совсем не обязательно являются авторскими, самим фактом своего появления отражают взгляды Софрония.

Как тонко подметил С. В. Киселков, само обращение Софрония к труду Марлиана, а также предложенные им интерполяции были продиктованы стремлением автора высказать свое мнение по поводу будущего политического устройства болгарской державы⁴⁰. В качестве главы болгарского комитета в Бухаресте он адресовал это сочинение прежде всего русским властям, с действиями которых связывал будущее своего отечества (так как турецкие власти в советах Марлиана явно не нуждались). При этом основной акцент делался на аргументации в пользу сильной централизованной монархии. В качестве примера фигурировала и Россия.

В первой вставке восхвалялось правление Петра I, его государственная мудрость и благочестие, следствием которых явилось создание великой державы, над которой “солнце никогда не заходит”⁴¹. В качестве основы успехов Петра указывались две причины: неразрывный союз с православной церковью и личное благочестие. Именно они, по логике текста, были наиболее угодны Богу и обеспечили благословение и процветание всем его наследникам на царском престоле⁴².

Во второй интерполяции перечислялись великие монархи – поборники христианской веры прошлого и настоящего. Среди них, кроме Петра I, упоминались русские императрицы Анна Иоанновна и Елизавета Петровна. Причем среди наиболее богоугодных дел последних особо отмечалось их усердие в искоренении “зломысленного христианоненавистного рода еврейского”⁴³. Этот же текст почти дословно был включен Софронием в одну из глав его Второго Видинского сборника (1802 г.). Основное отличие состояло главным образом в том, что список русских императриц был продлен до Екатерины II, исключительной заслугой которой на ниве государственной деятельности был назван, правда, не антисемитизм, возведенный в ранг внутренней политики, а забота о просвещении⁴⁴.

Трудно судить, до какой степени похвалы Софрония в адрес России, демонстрируемые им в период 1804–1811 гг., были искренни. Сомневаться в

них не было бы оснований, если бы не тот факт, что в автобиографии, написанной позднее, он ни единым словом не упоминает ни о своей политической деятельности в Бухаресте, ни о депутатии в Петербург, ни о связях с русским командованием. Возможно, причина этого – глубокое разочарование в результатах русско-турецкой войны, а возможно, просто смена тональности как реакция на изменившуюся политическую конъюнктуру. Оба варианта в принципе весьма вероятны, впрочем так же, как и их совмещение. Дальнейшая история продемонстрировала весьма наглядно, что даже переход от русофильства к русофобству (и обратно) мог быть в среде болгарской интеллигенции исключительно быстрым, если это диктовалось изменением внешнеполитической ситуации и конъюнктурными интересами.

Возвращаясь в заключение к общей оценке позиции болгарских книжников, следует, по-видимому, сделать вывод, что в целом она соответствовала своей переходной эпохе, что, возможно, и определяло ее непоследовательность. Соседство рудиментов средневекового сознания (ориентированного на ожидание чуда и приход мессии, трансформировавшихся в условиях иноземного порабощения в страстную надежду на чудесное освобождение извне) с естественным ростом национального самосознания и началом общей политизации общества не могло не сказаться на отношении к стране, которой древние пророчества и народная молва отводили роль предначертанной свыше освободительницы. Создается впечатление, что именно в этот период и именно в среде наиболее образованных слоев болгарского общества, т. е. книжников, восприятие России претерпевало своеобразный кризис. Старые представления мессианского характера уже перестали удовлетворять тех, чье мышление начало ориентироваться на реалии нового времени, а рациональный взгляд на Россию как на важнейший политический фактор в деле освобождения Болгарии еще находился в стадии зарождения.

2001

¹ Барский В. Г. Странствия Василия Григорьевича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1885. Т. 3. С. 4.

² Там же.

³ Флоринский Т. Воззрения южных славян на Русь (по историческим свидетельствам и народным песням) // Славянское обозрение. 1892. № 3. С. 196–209; Трифонов Ю. Историческое объяснение на вярата в “Дядо Ивана” (Русия) у българския народ // Библиотека на Славянска беседа. 1908. Т. 1. С. 124–100; Снегаров И. Културни и

политически връзки между България и Русия през XVI–XVII в. С., 1953; *Державин Н. С.* “Дядо Иван” (Българска народна историческа легенда) // Племенни и културни връзки между българския и руския народ. С., 1945. С. 103–109; *Мутафчиева В.* “Предсказанията” за културни връзки през XIX в.) // *Studia balcanica*. Балкански културни и литературни връзки. С., 1974. № 8. С. 109–177; *Дубовик О. А.* Российская проблематика в сочинениях болгарских просветителей XVII в. // Славяне, адзінства імагнастайнасць. Минск, 1990. Секция 3. С. 16–18; *Макарова И. Ф.* Легендарные представления болгар о России в XV–XVIII в. // Балканские исследования. Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX в. М., 1992. Вып. 16. С. 130–140; *Petrovich M.* The Russian Image in Renaissance Bulgaria (1760–1878) // *East European quarterly*. 1967. N 2. P. 87–105.

⁴ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Т. 16. С. 74–77.

⁵ *Качановский В.* Памятники болгарского народного творчества. Сборник западноболгарских песен. СПб., 1882. Вып. I. С. 213–214.

⁶ *Соловьев С. М.* История... Т. 18. С. 40–41.

⁷ *Атанасов П.* Българо-руски литературни връзки през XVII и XVIII в. С., 1986. С. 112.

⁸ Там же. С. 122.

⁹ Там же. С. 82–88.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ *Ангелов Б.* Неизвестен ръкопис на Спиридон Рилски // *Език и литература*. 1964. № 3. С. 79–86.

¹² *Мутафчиева В.* “Предсказанията”... С. 113.

¹³ *Жефарович Хр.* Стематогрфия. С., 1985. С. 40а.

¹⁴ Подробно см.: *Флоринский Т.* Воззрения...; *Трифонов Ю.* Историческо обяснение...; *Снегаров И.* Културни и политически връзки...; *Макарова И.* Легендарные представления...

¹⁵ *Банков Т.* Един български разказ от 18 в. // *Литературна мисл*. 1976. № 3. С. 111–117.

¹⁶ Там же; *Атанасов П.* Българо-руски... С. 121–122; *Ангелов Б.* Български разказ за покръстването на русите // *Известия на Институт за българска литература*. С., 1958. Т. VI. С. 258.

¹⁷ *Ангелов Б.* Български разказ... С. 259.

¹⁸ Там же. С. 259.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Атанасов П.* Българо-руски... С. 107–114.

²¹ *Паисий Хилендарски.* Славянобългарска история. С., 1989. С. 52–53.

²² *Ангелов Б.* Съвременници на Паисий. С., 1963. Т. I. С. 194–195.

²³ *Златарски В.* История во кратце о българском народе славенском. Сочиния и списа в лето 1792 Спиридоном иеросхиминахом. С., 1900. С. 11.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же. С. 13.

- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 76.
- ³⁰ Там же. С. 76–78.
- ³¹ Дубовик О. А. Религия и церковь в болгарской исторической мысли XVII–XVIII вв. // Церковь в истории славянских народов (в печати).
- ³² Паисий Хилендарский. Славянобългарска история. С. 173.
- ³³ Ангелов Б. Съвременници на Паисий. Т. II. С. 62.
- ³⁴ Там же. С. 63.
- ³⁵ Конобеев В. Д. Българското националноосвободително движение: Идеология, програма, развитие. С., 1972. С. 87–96.
- ³⁶ Киселков В. Софроний Врачански: Живот и творчество. С., 1963. С. 75–76.
- ³⁷ Конобеев В. Д. Българското... С. 97–98.
- ³⁸ Софроний Врачански. Избрани творения. С., 1946. С. 155–157.
- ³⁹ Киселков В. Софроний... С. 198–200.
- ⁴⁰ Там же. С. 202.
- ⁴¹ Там же. С. 199.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 200.
- ⁴⁴ Там же. С. 143.

Россия в творчестве Захарии Орфелина

XVIII столетие в истории российско-сербских связей заняло особое место. Возвышение России как центра православного образования и учености, рост ее международного авторитета и активизация балканской политики порождали у сербов перед лицом внешней опасности надежды на нее. Они хотели лучше узнать Россию, стать к ней ближе, чтобы найти там средства, помощь и поддержку в борьбе за существование.

В свою очередь с энергичной внешней политикой России в черноморском направлении возрастало значение православных народов в ее планах и целях. В XVIII в. российско-сербские связи, опиравшиеся на единоверие, этническое родство, языковую близость и византийскую традицию, получили новую прочную основу благодаря общности интересов России и сербского народа в ослаблении Османской империи¹.

В первой половине XVIII в. главную роль в поддержании и развитии сербско-российских контактов в области культуры с сербской стороны играла православная церковь. Она была активным сторонником сближения сербов с Россией, рассматривая это как гарантию упрочения православия и положения народа в обстановке иноземного гнета.

В то время православная церковь оказывала решающее влияние на формирование у сербов представлений о России. Несмотря на неудачу Прутского похода Петра I в 1711 г., именно с этого времени в сознании сербов стал складываться образ России как православной державы, противостоящей османской Турции и заинтересованной в освобождении единоверных народов. В общественном сознании делался упор на единоверии и генетическом родстве сербов – и шире, православных южных славян – с русским народом.

Реальные сербско-российские контакты в области культуры в первой половине XVIII в. выражались в получении сербами из России церковной утвари, богословских и богослужебных книг, учебников, светской литературы. Сербская литература, живопись, музыкальная культура, школьный театр, носившие преимущественно церковный характер или тесно связанные с церковью, были ориентированы исключительно на Россию. Важное место в российско-сербских связях занимала школа. С помощью России получило

развитие школьное дело у сербов. Уже в первой половине XVIII в. сербская молодежь стала отправляться для получения образования в Россию, прежде всего в Киево-Могилянскую академию, которая была самым знаменитым высшим православным учебным заведением.

Потребность сербов в сближении с Россией и в использовании русского и украинского опыта привела к изменению языковой ситуации в сербской литературе. Этому способствовали поездки образованных сербов в Россию, распространение российских книг и деятельность учителей. К 40-м годам XVIII в. церковнославянский язык русской разновидности с сербскими элементами, вытеснив местный вариант этого языка, стал господствовать в сербской церкви, литературе и школе. В светские книги вошел также архаичный русский язык². Эти перемены стали частью живого культурного процесса донациональной поры. В первой половине XVIII в. культурные связи сербов с Россией имели идейную православную основу, позднесредневековые формы и защитную национальную направленность.

В 60-е годы XVIII в. стало заметным обретение сербской культурой черт, свойственных новому времени. В рамках масштабного переходного процесса наметились изменения и в российско-сербских отношениях. Носителем традиционализма и новаторства в этой области выступил первый светский деятель культуры у сербов З. Орфелин.

Захария Орфелин (1726–1785) был одним из самых значительных представителей сербской культуры XVIII в.³ Он приобрел хорошие познания в области разных наук и искусств. В течение семи лет Орфелин учительствовал в Нови-Саде, затем некоторое время служил чиновником в канцеляриях православных церковных сановников в габсбургской монархии, в 1764–1768 гг. работал ревизором в “греко-православной типографии” предпринимчивого грека Димитрие Теодосие в Венеции. В 70-х годах Орфелин, деятельная натура, менял места жительства и занятия, задерживаясь то в Нови-Саде, то в Сремски-Карловцах, то в Темишваре*. В 1783–1784 гг. он служил в должности корректора кирилловских книг в венской типографии Й. Курцбека. З. Орфелин умер в бедности, как это часто бывало с людьми, опередившими свое время, на хуторе епископа Бачки близ Нови-Сада⁴.

З. Орфелин, светский деятель сербской культуры, отличался широтой кругозора и многоплановостью своего дарования. О разносторонности его интересов свидетельствовала, в частности, его библиотека. Не будучи человеком материально обеспеченным, он собрал солидную для своего времени

* Теперь – Тимишоара (Румыния).

библиотеку, насчитывавшую более 200 томов. Большинство из них составляли богословские сочинения, остальные были посвящены истории, филологии, искусству, медицине и естественным наукам. Подавляющая часть книг была на немецком, латинском, итальянском и русском языках, на французском языке имелись словари⁵. Это была одна из лучших частных сербских книжных коллекций XVIII в. Она обнаруживала в Орфелине личность незаурядную, тяготеющую к новому укладу жизни. Но знакомство с литературой было, безусловно, гораздо шире, чем его собственная библиотека. З. Орфелин мог пользоваться, в частности, митрополичьим книжным хранилищем в Сремски-Карловцах, самой богатой сербской библиотекой в то время, располагавшей солидным российским фондом⁶.

З. Орфелин имел книги западных авторов, специально посвященные России или содержавшие сведения о ней. Это были сочинения Ф. Й. Страленберга, Й. Я. Шмаусенса, П. Гавенса, Й. Перри. У него были книги Ф. Вольтера "История Российского государства при Петре Великом" (перевод на немецкий язык, Франкфурт, 1761), Ю. Г. Рабенера "Жизнь Петра Первого и великого" (Лейпциг, 1725), Ф. Хёршельмана "Прагматическая история достопримечательных государственных изменений в Российской империи со времени смерти Петра Великого до вступления на престол ныне правящей императрицы Екатерины II" (Эрфурт, 1763). Обращает на себя внимание наличие в библиотеке З. Орфелина книг о Петровской эпохе, принадлежащих перу западных авторов, так или иначе связанных с петровской Россией. Речь идет о трехтомном труде Х. Ф. Вебера, ганноверского резидента при дворе Петра I, "Изменившаяся Россия" (Франкфурт, Лейпциг, 1744; Ганновер, 1739, 1740), а также о сочинении шотландца П. Гордона, соратника Петра I, вернувшегося в 1711 г. в Англию, "История Петра Великого" (Лейпциг, 1765)⁷.

З. Орфелин располагал также книгами, изданными в XVIII в. в России. Это были 9 томов сочинений Г. Ф. Миллера по русской истории, произведения М. В. Ломоносова, П. Шафирова, 4 тома библиографического издания Х. Бакмайстера "Русская библиотека", "Политическая география" (СПб., 1758) и другие издания. В библиотеке Орфелина имелись и русская периодика, прежде всего 10 книг "Ежемесячных сочинений", и учебники⁸. Состав книг о России или из России в библиотеке З. Орфелина свидетельствует о целенаправленном формировании им коллекции, об особом внимании к эпохе Петра I.

Любознательный и активный, Орфелин проявил себя в разных отраслях культуры, явившись у сербов основоположником некоторых из них. Он был каллиграфом, рисовальщиком, гравером на меди, поэтом, историком, педа-

гогом, журналистом, собирателем библиотеки. Жажда познания жизни, самосовершенствование – приметы человека наступающей новой культурной эпохи.

В истории сербской культуры З. Орфелину принадлежала роль зачинателя преобразования системы ценностей, идеалов и видов деятельности, свойственных позднему средневековью. Длительное пребывание в европейских культурных центрах, какими были Венеция и Вена, не могло не сказаться на идейно-художественном облике его творчества. Но всю жизнь он духовно тяготел к России.

Вместе с тем Орфелин оставался личностью, окруженной множеством тайн и загадок. Биографические сведения о нем крайне скудны. Он подписывал лишь церковные произведения, в то время как светские сочинения, составившие гордость национальной литературы, издавал анонимно. Даже в случаях прямого разговора с читателем он пытался скрыть себя. Писатель издавал одно и то же свое сочинение с разными вариантами титульного листа и предисловия. Мотивы подобных действий были, по-видимому, в разных ситуациях не одинаковы. Во всяком случае анонимная литературная деятельность оградила его от неприятностей в отношениях с православной церковью. До конца жизни он пользовался доверием и расположением церковных сановников. В начале 70-х годов епископ Видак предложил ему возглавить Дирекцию народных школ в Темишварском Банате.

З. Орфелин начал творческую деятельность в 1757 г., создав рукописную книгу в честь епископа Бачки “Приветствие Мойсею Путнику”. Она была написана на церковнославянском языке силлабическим стихом по типу русской панегирической поэзии XVII–XVIII вв.⁹ Богато иллюстрированная, она стала одной из самых красивых рукописных сербских книг вообще¹⁰. С 1757 г. вслед за Х. Жефаровичем Орфелин занялся в Сремски-Карловцах, где он имел “медную типографию”, выпуском цельногравированных книг, выполненных в технике резцовой гравюры на меди. Тогда это было модно в Европе и восполняло отсутствие у сербов типографии. Он до конца жизни обращался к гравюрной технике воспроизводства книг. Орфелин издал несколько собственных сочинений, в том числе три “Каллиграфии” – учебник красивого письма (1758, 1776, 1778 гг.).

В 1761 г. З. Орфелин напечатал в Венеции на русском церковнославянском языке стихотворение “Горестный плач славныя иногда Сербии”. Но оно в продажу не поступило. В 1762 г. он выпустил произведение на народном языке под названием “Плач Сербии”¹¹. Это были две языковые и поэтические редакции.

Родолюбивая тема так или иначе и раньше звучала в югославянской литературе. Но никогда до Орфелина с такой болью не противопоставлялось блистательное прошлое и бесславное настоящее Сербии, никогда с такой силой не поднимался вопрос, как жить дальше. Стихотворение Орфелина имело подзаголовок “еяже сини в различия государства расеялися”. Понятие Сербия поэт распространял на весь сербский народ, разъединенный и задавленный. “Плач Сербии” явился первым печатным произведением на народном языке сербов. И уже один этот факт имел историческое значение.

Со стихотворения “Плач Сербии” началось идейное и творческое восхождение З. Орфелина. В зрелый период он написал ряд поэтических сочинений, издал один выпуск первого у сербов и на славянском юге журнала “Славено-сербский магазин” (Венеция, 1768) и положил начало выходу сербских календарей. Орфелин был первым сербом, опубликовавшим ряд учебных книг. Но его главным трудом было знаменитое двухтомное “Житие и славныя дела ... Петра Великаго” (Венеция, 1772). Орфелину принадлежали и другие сочинения. До конца жизни он продолжал также работать в области гравюры.

Общественные взгляды Орфелина, отразившие потребности сербского развития, сложились в значительной мере под влиянием русской литературы. Он первый из сербских мыслителей отошел от средневекового провиденциализма и воспринял “просвещенный разум” в качестве движущей силы в жизни; а знания и науку объявил средством достижения благополучия общества¹². Это означало зарождение у сербов рационалистического мировоззрения.

З. Орфелин выдвинул этический принцип “общей пользы” как критерий нравственного облика личности и оценки ее деятельности¹³.

В теоретико-политической области сербский писатель был сторонником “просвещенной” монархии, в которой он видел силу обновления мира. Это — главная идея его труда “Житие ... Петра Великаго”. Характерной чертой образа мышления З. Орфелина была убежденность в необходимости преобразования православной церкви в направлении ее удешевления, демократизации и очищения от самовластия высшего клира¹⁴. Однако реформаторские взгляды в области церкви писатель не осмелился выразить публично, да и в личной жизни он находился в зависимости от высоких церковных сановников.

З. Орфелин явился предтечей сербского Просвещения. Его творчество было отмечено новыми гражданскими идеями. Но они не сложились еще в целостную и последовательную мировоззренческую систему. Это объяснялось как состоянием общества, так и личностными чертами сербского деятеля. В то время З. Орфелин был одинок идейно и творчески. Некоторые из его

начинаний получили развитие лишь в конце столетия. Но начало было положено им.

Просвещенческие элементы во взглядах З. Орфелина оказали влияние на его восприятие России, отношение к ней и освоение русского культурного опыта. З. Орфелин широко использовал российский материал в своем творчестве для обоснования новых идей и реформаторских предложений. Это касалось в первую очередь исторического труда о Петре I, а также и других сочинений. З. Орфелин оперировал опытом России в "Представлении Марии Терезии", составленном им в 1778 г. и конфиденциально направленном императрице. Остро критикуя положение в сербской церкви, он выражал поддержку церковной реформе Марии Терезии и призывал к ее расширению и углублению. Сербский деятель ссылался, в частности, на практику России, убеждая Марию Терезию в необходимости сокращения числа сербских приходов, чтобы воспрепятствовать торговле епископов священническими званиями. Писатель упоминал также Россию, предлагая по ее примеру уменьшить число православных праздников¹⁵. Все эти темы войдут в литературу сербского Просвещения. Российский материал должен был подкрепить необходимость и возможность преобразования сербской жизни.

З. Орфелин испытал влияние современной ему литературно-языковой ситуации в России, когда он анализировал сербскую культурную действительность. З. Орфелин первый из сербов осознал культурное отставание своего народа и выразил понимание важности развития светской культуры и приобщения к знаниям широких слоев населения. Учитывая европейский опыт, он поставил вопрос о приближении языка литературы к сербскому читателю¹⁶.

В то время в сербской литературе функционировали три типа языка: церковнославянский язык русской редакции, язык русской светской литературы и народный сербский. На практике они обычно в чистом виде не использовались. Из хаотического сочетания церковно-славянских, русских и сербских элементов формировался смешанный литературный язык, получивший впоследствии название славяно-сербского¹⁷.

З. Орфелин пытался решить задачу приближения сербской литературы к потребностям грамотных сербов, следуя современному ему русскому опыту употребления литературно-языковых "стилей", путем применения в литературных жанрах различных типов языка¹⁸. Его главные сочинения "Магазин" и "Житие ... Петра Великого" были написаны на русском языке, подвергшемся в разной мере сербизации¹⁹. В поэтическом творчестве он прибегал к народному сербскому языку. Он же положил начало у сербов переходу от церковного к гражданскому шрифту в печати, введенному в России при Петре I.

Впрочем Орфелин не всегда в своем творчестве последовательно придерживался его.

Один из самых замечательных представителей сербской литературы XVIII в., Орфелин первый придал ей современные европейские черты. И в этом отношении он опирался в первую очередь на русскую практику. Орфелин, хорошо знавший поэтическую метрику, внес существенный вклад в развитие поэтических жанров у сербов. Он ввел в родную литературу сонет, эпиграмму, оду, типичную уже для классицизма видовую модификацию, заимствуя все это из русских источников.

Существенной чертой творчества сербского писателя было также постоянное обращение к русской и украинской церковной литературе второй половины XVII – начала XVIII в. Это были религиозные сочинения киевского митрополита, основателя Киево-Могилянской коллегии Петра Могилы, церковного деятеля и писателя “киевской школы” Симеона Полоцкого, теоретика ортодоксального православия, поэта и философа Стефана Яворского, церковного сановника, выдающегося публициста петровского времени Феофана Прокоповича. З. Орфелин воспроизводил и размножал сочинения этих авторов разными способами. Он перелагал также псалмы в духе Симеона Полоцкого. Названные церковные деятели и писатели “киевской школы” дали лучшие образцы православной религиозной литературы своего времени, выполнявшие церковно-просветительную функцию на протяжении всего XVIII в.

В 60-е годы XVIII в. у сербов зародилась светская моралистическая литература, отмеченная робкими проявлениями нового взгляда на человека и его место в жизни. Зачинателем такой литературы стал Орфелин, опубликовавший в своем “Магазине” несколько нравоучительных материалов, почерпнутых из русских изданий. Он использовал русское посредничество для приобщения сербской литературы к эстетическому освоению мира с помощью общеевропейских выразительных средств.

Связи с Россией сыграли важную роль в принятии сербской художественной культурой эстетики барокко. З. Орфелин был крупнейшим ее представителем у сербов.

Барокко – сложное художественное явление. Но его место и значение в сербской культуре XVIII в. не ограничивалось сферой искусства. Хотя разрозненные элементы барокко появились у сербов еще во второй половине XVII в., как комплексное направление оно получило развитие в 40–70-х годах XVIII в., причем в 60–70-е годы этот стиль выразился с наибольшей определенностью²⁰.

Потребность сербской культуры в обновлении, обусловленная процессами реальной жизни сербов прежде всего в австрийской монархии, сделала возможным восприятие ею барокко вслед за западноевропейскими странами и Россией. Внешние факторы имели особое значение в освоении сербами барочной эстетики. В первой половине и середине XVIII в. решающее влияние на развитие сербской культуры оказывала Россия.

Воспринимая барокко прежде всего в русском и украинском вариантах, сербы ориентировались на Киево-Могилянскую академию как на самый авторитетный центр православной теологии, церковной литературы и вообще искусства. В Киеве медленно протекал процесс видоизменения традиционных философских и эстетических представлений с использованием западноевропейского интеллектуального и художественного опыта через польскую культуру. В 1707 г. указом Петра I церковное искусство было отделено в России от иконописных занятий неумелых и несведущих людей. Тем самым сосуществование в церковной живописи византийской манеры и барокко завершилось узаконением последнего.

Сербские иконописцы имели возможность познакомиться и с другими вариантами барокко. На юго-востоке Европы распространялось влияние окрашенной барочными чертами живописи итало-критских мастеров, преобладая в Сербии. Третий путь проникновения стиля барокко в сербское искусство лежал через Вену. В Австрии он был тогда в полной зрелости. Главным источником западного влияния была графика, особенно это касалось композиционных решений.

Барокко отразило напряженное состояние сербского общества. В нем были заложены многие тенденции, ведущие в будущее, но оно не порывало полностью связи и со средневековьем.

Барокко окрасило литературное и особенно изобразительное творчество З. Орфелина. Крупнейший сербский гравер на меди XVIII в., он использовал приемы барокко в гравированных иконах, заимствуя рисунки и композиционные решения из немецких и российских образцов. Так, в основе его известной гравюры "Винчанская богородица" (1770), выполненной в мягкой манере, была икона Владимирской богородицы²¹.

В истории сербского графического искусства XVIII в. особое место занимают гравюры З. Орфелина – иллюстрации и декоративно-художественное оформление его печатных книг. Речь идет прежде всего о художественном материале в труде о Петре I. История иллюстрирования этой монографии полна загадок, которыми вообще изобиловали жизнь и творчество Орфелина. В издании, вышедшем из печати в 1772 г., не было иллюстраций. Они появились на исходе 1779 г.²² 72 гравюры составляли идейно-художественное

единство с историческим текстом. Искусный гравер, Орфелин украсил свой труд портретом Петра I, историческими и географическими картами, полотнами на исторические темы (батальные сюжеты, казнь стрельцов), изображениями памятных медалей и печатей, многочисленными заставками, виньетками и т. д. Однако сербский мастер не был оригинален в композиции и рисунке. При создании графического поясного портрета Петра I в латах и с Андреевской лентой он опирался на гравюры первоклассного русского мастера Е. Р. Чемесова и француза Клода Руа. Они в свою очередь использовали портрет Петра I, выполненный маслом в 1717 г. художником Ж. М. Наттье в Амстердаме. Петровские медали, карты и другие гравюры Орфелин сделал по немецким изданиям первой половины XVIII в.²³ Значение иллюстративного материала в вышеупомянутом историческом труде с точки зрения развития сербского искусства определялось его идейной новизной и безукоризненным художественным исполнением. Орфелин впервые в сербском изобразительном искусстве раскрыл в портрете Петра I и гравюрах, отражающих его деяния, красоту просвещенной личности. Однако эти графические работы, представляя вершину сербской гравюры в то время, остались во многом неизвестными национальной публике. Правда, Орфелин сделал отдельно для продажи карты и некоторые гравюры. В конце 20-х годов XIX в. они были вновь изданы Й. Миловуком в Буде и до середины века имелись на книжном рынке²⁴. Так что сербы с частью иллюстраций к историческому труду Орфелина были знакомы.

Развитие школьного дела побудило этого талантливого серба заняться вопросами практической педагогики. И в этой области Орфелин, оказавшись пионером, обращался к опыту России. В 1767 г. он издал в Венеции букварь “славенского языка” для сербского юношества, опираясь в работе над ним на московский букварь²⁵.

З. Орфелин опубликовал “Латинский букварь” с кратким словарем в переводе на “славено-сербский” язык (Венеция, 1766). Он издал также пособие “Первые начатки латинского языка” (Венеция, 1767), содержавшие латинскую грамматику, словарь и учебные диалоги. Эти книги представляли собой перевод, сделанный с русских изданий Петербургской Академии наук. Но они включали и научный лексико-графический вклад самого Орфелина²⁶.

Во второй половине XVIII в. у сербов появились справочные издания в виде календарей. Первый из них был издан З. Орфелиным в 1766 г. по русскому образцу.

Ему же принадлежала идея развития сербской периодики как средства распространения знаний в широких слоях сербского общества. Им двигали чисто прагматические соображения: небольшой объем таких “книжек” не

затруднял читателей, издания в краткой форме способны были сообщать разные сведения, а периодичность их выхода могла приохотить грамотных сербов к чтению. “Таковое преползное дело отправляе сад (теперь) у свакон знатном обществу”, – заключал он в предисловии к “Славено-сербскому магазину”²⁷.

З. Орфелин и на практике пытался реализовать эту идею, выпустив один номер журнала “Славено-сербский магазин”. Программа журнала предполагала освещение широкого круга вопросов по географии, педагогике (“благочестивому воспитанию”), этике, истории, искусству, а также публикацию полезных хозяйственных советов и развлекательных материалов. Это могли быть оригинальные, сербские и переводные сочинения. Журнал был рассчитан на широкого читателя, “каковаго бы год тко звания и понятия бы”²⁸. Программа раскрывала прежде всего широту взглядов самого Орфелина, но обнаруживала и его иллюзии, поскольку сербское общество не было подготовлено ни к восприятию, ни тем более к поддержке солидного для того времени периодического издания.

“Славено-сербский магазин” был составлен по образцу русской литературно-научной периодики. З. Орфелин опирался прежде всего на “Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие”. Это периодическое издание Академии наук выходило в 1757–1764 гг. под редакцией историка и археолога Г. Ф. Миллера. В нем помещались оригинальные и переводные статьи по экономическим вопросам, исторические сочинения, материалы естественнонаучного характера, нравоучительные правила и афоризмы, статьи на педагогические темы, работы о литературе и других видах искусств, библиографические сведения. В журнале постоянно отводилось место для оригинальной и переводной поэзии и прозы. В нем выступали видные поэты – А. П. Сумароков, В. К. Тредиаковский, М. М. Херасков, помещались разного рода материалы из западноевропейских журналов.

З. Орфелин использовал также при создании своего “Магазина” русские литературные журналы: “Невинное упражнение” – литературно-философское издание, выпускавшееся Е. Р. Дашковой под редакцией И. Ф. Богдановича (1763), “Свободные часы” (1763) под редакцией М. М. Хераскова, “Сочинения и переводы”. Формат “Магазина”, расположение материала в нем, даже бумага напоминали русские издания²⁹.

З. Орфелин напечатал в “Магазине” наставления Феофана Прокоповича царскому отроку в основах православной религии; поучения молодому человеку, желающему определиться на военную службу; нравоучительную восточную притчу; исторический источник, хотя и сомнительной достоверности, “Письмо кесаря Диоклитиана к далматийскому народу”, которое даро-

вало свободу далматинцам; сонет, эпиграммы (оригиналы принадлежали русскому поэту А. П. Сумарокову), медицинские и практические советы и библиографию.

Еще в календаре на 1766 г., выполненном по русскому образцу, Орфелин привел библиографические сведения о сербских книгах, а также о русских изданиях, вышедших в Петербурге, популяризуя их тем самым в сербском обществе³⁰. В журнале он не только поместил библиографические данные о четырех сербских учебниках, первой сербской литургической книге и катехизисе Феофана Прокоповича, но и дополнил их сведениями, касающимися автора, и критическими замечаниями. Так, Орфелин перепечатал биографию Феофана Прокоповича на русском языке, написанную Г. Ф. Миллером. Из четырех приведенных в библиографии учебников три принадлежали Орфелину. Но фигурировали они анонимно, и критические замечания Орфелин адресовал самому себе! Это один из примеров его неразгаданных творческих приемов. Но так или иначе, Орфелин стал у сербов основоположником не только библиографии, но и первых рецензий как журнального жанра.

3. Орфелин в числе первых в европейской историографии дал концептуальное освещение исторического пути России, уделив особое внимание Петровской эпохе.

Еще со времени Прутского похода Петра I, хотя и неудачного для России, но тем не менее пробудившего у южных славян надежды на освобождение с ее помощью от османского ига и потому оставившего глубокий след в сознании, стала расти в их среде популярность Петра I. Это происходило в атмосфере общего укрепления российско-южнославянских связей. Жизнь и деятельность Петра I стали темой южнославянских литератур и словесного фольклора. Народно-поэтическая и письменная традиции представляли Петра I как военного героя и щедрого благотворителя и покровителя³¹.

В известной степени выражением культа Петра I у сербов явилось двухтомное сочинение З. Орфелина "Житие и славные дела ... Петра Великого". Оно заняло совершенно особое место в сербской литературе и историографии XVIII в., воплотив в себе начало освобождения сербского общественного сознания от обветшалых стереотипов. Это была одна из вершин интеллектуального и эстетического развития сербов в полном динамизма XVIII столетия.

Исторический труд, как и многое другое в творческой жизни З. Орфелина, имел загадочную судьбу. Он был напечатан в 1772 г. в типографии Д. Теодосие и вышел анонимно. Содержавшееся в нем посвящение Екатерине II было подписано Теодосие. В двухтомнике не было иллюстра-

ций, хотя в тексте указывалось на них. Было и другое издание книги без посвящения, предисловия и с измененным титульным листом³².

Анонимная монография в количестве 400 экземпляров тотчас попала в Россию³³. Она была воспринята как труд Теодосие, и через два года в Петербурге “при императорской Академии наук” вышло ее издание с дополнениями и исправлениями М. М. Щербатова и языковой правкой В. А. Троепольского. Историческое сочинение, как это значилось на титульном листе, было “печатано иждивением” петербургского купца С. Копнина и иркутского торговца И. Байбородина³⁴. Русские издатели опубликовали в книге 29 иллюстраций, представлявших собой старые гравюры.

З. Орфелин создал еще один вариант своего труда, но время его появления неизвестно. Книга получила название “История о житии и славных делах ... Петра Первого”, титульный лист с указанием автора и новые вводные разделы. Ее украшением стали 72 гравюры, выполненные Орфелиным в своей мастерской. Но дата выхода труда была оставлена прежняя – 1772 г.³⁵. Иллюстрированное издание, содержавшее разгадку авторской тайны, затерялось в редких монастырских библиотеках и не получило известности ни у сербов, ни в России. Даже через сто лет после его появления в русских библиографических изданиях его автором значился Теодосие³⁶. Лишь в 1887 г. сербский ученый Д. Руварац окончательно установил подлинного творца этого произведения.

“Житие и славные дела ... Петра Великого” с точки зрения темы, методов проникновения автора в историю и ее освещения, изложения материала представляло собой научный исторический труд. Но З. Орфелин был художником по натуре, его восприятие современного мира и истории было окрашено эстетическим чувством. Это сделало его главное творение удивительным синтезом науки и искусства.

Как явствует из Предисловия, предваряющего сочинение, З. Орфелин работал над ним 5 лет³⁷. Прежде чем приступить к теме, он в самой общей форме осветил состояние изучения Петровской эпохи. Отметив, что на “славенском” языке нет трудов о жизни Петра I, он подверг критике произведения западных авторов как за содержащиеся в них ошибки, так и за тенденциозность, предвзятость в освещении русской истории и деятельности Петра I³⁸. Предпринятая Орфелиным попытка представить состояние исследовательской мысли по конкретной проблеме была по своему характеру новаторской и означала зарождение у сербов истории исторической науки.

З. Орфелин опирался на русские источники, российскую и западную литературу по истории и географии России, Европы и Азии. Всего в списке использованных им материалов значилось 46 наименований, ряд из которых

представляли собой многотомные издания. Сам автор особо выделил сочинения сподвижника Петра I, вице-канцлера П. Шафирова о Северной войне 1700–1721 гг. и труды Г. Ф. Миллера по русской истории. Трудно утверждать, насколько Орфелин действительно использовал названные им источники и литературу. Во всяком случае 32 книги из вышеназванного списка он имел в собственной библиотеке, что составляло солидную источниковую и литературную основу.

В сербских условиях новшеством З. Орфелина в плане работы с источниковым материалом было введение в научный оборот исторических карт. Часть их разрозненно поступила на книжный рынок – “Генеральная карта Всероссийской империи”, карты северной части Европы времен Петра I, Крымского ханства с прилегающими губерниями России, карты военных действий в период Северной войны, карты раннесредневековой юго-восточной Европы – “Паннония, Мизия, Дация, Иллирик” и “Сармация европейская и азиатская”³⁹.

З. Орфелин сознательно положил в основу труда критический метод в работе с источниками и литературой. Он понимал, что наилучшим и самым верным способом проверки фактов, содержащихся в литературе, являлись бы изыскания в российских архивах. Но, находясь от них “толь в дальном расстоянии”, сербский автор не мог ими воспользоваться⁴⁰.

Принципом критического метода Орфелина была проверка сведений, сообщаемых западными авторами, материалами русской историографии⁴¹. Его монография по ряду конкретных вопросов снабжена научным аппаратом. Сербский историк сопоставлял фактические данные, почерпнутые из работ разных авторов, отмечал имевшиеся в литературе ошибки и неточности, полемизировал с некоторыми авторами по конкретным аспектам российской истории, в частности с Вольтером по вопросу происхождения и религиозной принадлежности казаков. Опираясь на материалы Петербургской Академии наук, он утверждал, что “казаки по роду и закону суть самые сущие россияни”⁴². Введенный Орфелиным критический метод был завоеванием сербской исторической мысли.

З. Орфелин написал книгу на русском языке с немногочисленными сербизмами и издал ее гражданским шрифтом. Он старался, по его словам, “вести такой слог, какой сербским народам понятен”⁴³. Вместе с тем З. Орфелин сознательно ориентировался и на русского читателя, о чем свидетельствовали его объяснения местонахождения известных сербских городов (например, примечание о том, что Сремски-Карловцы находились недалеко от крепости Петроварадин или ремарка о местоположении Белграда при впадении Савы в Дунай)⁴⁴. Возможно, это обстоятельство сыграло роль в

выборе сербским автором языка своего сочинения. Научный текст Орфелин оживил стихотворениями, почерпнутыми из “Ежемесячных сочинений”. Автором их (за исключением одного) был А. П. Сумароков⁴⁵.

3. Орфелин предварил повествование о жизни и делах Петра I описанием географического положения, современного ему административно-политического устройства России и кратким очерком истории допетровского времени.

Под пером сербского писателя Российская империя предстала перед читателем как необъятная страна, протянувшаяся по долготе “мало не на пол-круга всего света”⁴⁶. По своей территории, писал Орфелин, “царство сие превосходит величиною втрое все протчия Европейския государства вместе составленные”⁴⁷. Сколь бескрайни просторы России, столь велики и многообразны ее природные богатства: моря и озера, полноводные реки и леса. Различный климат, в одних местах суровый, в других – теплый и умеренный, способствовал обилию и многообразию земных благ. “Едным словом, – заключил Орфелин, – Россия имеет изобилие во всем том, чего человек требует...”⁴⁸.

Историк сообщал, что население России состояло “из разных народов” и “что из всех других государств в свете не находится ни единое, где бы в жителях толикое различие было”. “Все сии народы, – подчёркивал он, – имеют свои особенныя обычаи и языки”⁴⁹. Отмечая с удовлетворением свободу отправления культа в России, Орфелин в то же время одобрительно писал о миссионерской деятельности проповедников “слова божия” по обращению иноверцев в православную веру⁵⁰.

Природные дары были приумножены стараниями россиян. “Понеже Российское царство, – говорилось в книге, – лежит отчасти в Европе, а отчасти во Азии, а притом с севера, запада, востока и юга имеет разныя моря, како и внутры разныя к плаванию способныя великия реки и езера: то за отправление купечества почитается оное наилучшим света местом”⁵¹. Страна торговала через Балтийское и Белое моря с Англией, Голландией, Германией, Францией и “с протчими северозападными морскими потенциями”. Благодаря Волге и Каспийскому морю, продолжал автор, Россия имела торговые связи с Персией и Арменией, а Черное море связывало ее с Левантом и Италией. На юго-востоке русские торговали со всеми пограничными народами, но больше всего с Китайской империей. Обнаруживая свои симпатии к меркантилизму, Орфелин утверждал: “До четыренадесятаго века не имели они ни собственных своих новцов (денег. – И. Л.), обаче получавали чрез комерцию от других народов превеликия богатства и сокровища”⁵². В деле развития торговли особенно велика была роль Петра I. “Купечество привел он, –

продолжал Орфелин, – в такое цветущее состояние, что нынешнего времени Российской на все страны распространенной, како старанием высоких предъупмянутого монарха наследников более и более распространяющейся комерции вся Европа удивляется”⁵³. В духе меркантилистической теории сербский автор отмечал также расцвет в России “полезных художеств” и мануфактур, “чим наипаче комерция умножается и вьшшее государства обогащение бывает”⁵⁴.

От исследовательского взора Орфелина не ускользнул и такой знаменательный факт в хозяйственной жизни России, как возвышение Макарьевской ярмарки. Она ежегодно устраивалась у Макарьева монастыря близ Нижнего Новгорода и продолжалась целый месяц. “Туда купцы от всех стран Российского царства, како и из Сибири, и от Персидских, Турецких и Польских границ в великом множестве приходят”⁵⁵.

Россия славилась, по словам сербского автора, судоходными каналами. Ладожский канал, соединивший реки Волхов и Неву, “может поставлен быти, – писал он, – в число славнейших во Европе каналов...”⁵⁶. Рукотворные сооружения связали Балтийское и Каспийское моря, и купцы из Петербурга, а также из Англии, Голландии и других европейских стран могли торговать с Персией водным путем. Орфелин особо выделил искусственное русло в Кронштадте, предназначавшееся для ремонта судов, – “несравненно-великий, глубокий и широкий канал, который подобного себе не имеет”⁵⁷.

С восхищением Орфелин писал о многолюдных российских городах, об их живописном расположении, своеобразной архитектуре, динамичной экономической жизни, культурных учреждениях. В его книге содержалось подробное описание Москвы, которая, по словам автора, “причисляется наивышшим во Европе градам”. Он отметил достопримечательности Кремля – высокие стены с башнями и рвами, царскую резиденцию, сады и водоемы, величественные соборы и малые церкви, государственные здания и патриарший двор, наконец, “видения достойный арсенал”⁵⁸. Все в облике Москвы вызывало у писателя высшее удовлетворение, и он стремился передать его сербскому читателю: торговые ряды, университет с гимназиями, типографии, библиотека, монетный двор и знаменитая царская аптека, а также пространые предместья города с легкими царскими дворцами и все ее 1600 церквей. “Блистание премногих самым чистым златом позлащенных звонниц подает издали преизрядное граду украшение”⁵⁹. В труде Орфелина Москва представляла в подобающем величии и сиянии второй столицы Российской державы.

Говоря о Петербурге, сербский автор прежде всего отмечал его чрезвычайно благоприятное расположение “на таком месте, о котором положении без великаго удивления разсуждать не можно”. И далее он продолжал:

“Место, где прежде едва четыре шалаша, или колебы убогих рыбащей быть могли, учинено пространым жилищем многочисленного разных наций народа; зделано великим купеческим магазином, превосходным пристанищем морской российской силы, преизящным императорским столичным градом и, наконец, преславным инокдашних Афинских муз обиталищем”⁶⁰.

Орфелин обстоятельно описал каждую из четырех “сторон” Петербурга. Вот как выглядела под его пером центральная часть города: “Адмиралтейской остров есть самая лучшая часть града, лежащая на два острова, напротив Васильевского и Петербургского островов к югу. При реке Невы лежит Адмиралитет, валом и бастионами укрепленный и с премногими пушками снабженный. В нем Адмиралтейская церковь и другия разные изряднейше построенныя здания ради Адмиралтейских коллегии. Изрядные анбары ради материялов корабельных, славные арсеналы, галерная верфт и проч. На том же острове суть преславные императорские дворы, зимней и другой летной с преизящным садом, который с премногими из мрамора и алавастра искуснейше уделанными статуями украшен будучи, особливаго примечания достоин”. Среди бесчисленных достопримечательностей Петербурга Орфелин отметил типографию, “коей ради изряднаго ея уряднения и превосходнаго множества и различия почти всех восточных и западных язык писмен подобная в свете не обретается”⁶¹. Поражают предельная точность описания Петербурга и редкостная способность Орфелина к словесной передаче городского пейзажа, благодаря чему был создан зримый образ города. И это было сделано сербом с периферии австрийской монархии, никогда не бывавшим в Петербурге.

Предместья Петербурга, продолжал Орфелин, роскошью, великолепным зодчеством и различными “художествами” в свою очередь способны были поразить самое богатое воображение. Это и Воскресенский Новодевичий монастырь, “котораго здание пространо и весьма богатое при Неве реке”, и Александро-Невский Троицкий монастырь, где “почивают мощы святаго Александра Невского, в весьма пребогато-уделанном серебряном кивоте”, и Царское село, “славный императорский увеселительный замок... с зверинным и увеселительным садом”, и Петергоф, который “ради своих богатых садов с водяными скачками и порогами может уподоблен быти одному тогмо славному Парижскому Версалу”⁶². Новая столица с предместьями, описанная Орфелиным с виртуозным искусством мастера барокко, стала олицетворением тех грандиозных перемен, которые произошли в России благодаря гению Петра I. Все в ней, утверждал писатель, было достойно удивления и восторга.

Среди достижений и успехов современной ему России Орфелин отмечал подъем науки и образования. “Петр Великий ... – писал он, – завел не ограниченные тайные, но безпределные публичные, не единому особенному чину, но всему царству полезные высокие науки и знания. Цветущее состояние императорской Санктпетербургской Академии наук приводит всех европейцев во удивление: она имеет учителей, каковых Германия, Франция, Англия, Холландия и Италия наилучших могли произвести. В Петербурге предаются науки, какие токмо в Европе находятся, на разных и на российском языках. Московския гимназии и университет не меньшее на себя внимание приводят. Ритерския академии в Петербурге, сухпутного и морского шляхетнаго Кадетскаго корпуса, могут предпочтены быти прочим таким в Европе академиям...”⁶³. По уровню научной мысли, распространенности знаний в обществе, доступности образования Россия, в представлении Орфелина, не только не уступала ведущим европейским государствам, но по некоторым аспектам и опережала их.

Подчеркивая родство русского и сербского народов, З. Орфелин с негодованием отвергал измышления иностранных писателей, которые “по злобе” приписывали современным ему россиянам “нравы и обычаи мало что не зверския”. Сербский писатель утверждал, что в большинстве своем русские благодаря наукам и общению с “разумными и благонравными народами” “причисляются наилучшим в Европе народам”⁶⁴. Симпатии автора вызывали выносливость, терпение, беспримерная выдержка, бесстрашие, одаренность, религиозность русского народа, его верность и послушание своему монарху. “Есть нынешняго времени, – продолжал Орфелин, – великое число самых природных россиян, кои несравненные на всяком европейском языке оратори, преизящные историки, географы, юристы, философы, теологи; славные математики, астрономы, физики, химики, анатомы, ботаники; искусные живописцы, архитекторы, музыканты, театральщики, танцовщики; безприкладные матросы и мореплаватели, фабриканты и проч.”⁶⁵ Рассуждения Орфелина о добродетелях русского народа носили публицистический характер. Даже в середине XVIII в. высокомерное отношение иностранцев к русским еще оставалось фактом реальной жизни и литературы.

Сложным, а подчас и трагическим был тысячелетний путь России, пока благодаря деятельности Петра и его наследников, говорилось в Посвящении, “... Империя, как и род Российской к такому пришло чинному состоянию и вежеству знаний, художеств и благих нравов, к каковому никакая иная нация в понятии склоннейшею быть могла бы”⁶⁶.

З. Орфелин был первым сербским автором, который подробно и обстоятельно познакомил соплеменников с современной им Россией. Он сообщил

сербским читателям обширные сведения о разных сторонах жизни русского общества и, главное, с прогрессивных позиций. Правда, по ряду аспектов его характеристики не были свободны от идеализации и преувеличений, что объяснялось общим строем его общественно-политических воззрений, общеславянским родолюбием, но также и характером использованной им литературы. В самой России критическая мысль находилась еще в состоянии вызревания.

В описании России третьей четверти XVIII в. наглядно воплотилась основная идея исторического труда З. Орфелина – идея могущества и величия Российского государства, одного из крупнейших в Европе, и бессмертия дела его преобразователя Петра I. В двухтомном сочинении сербского писателя и историка предстал образ независимой России, занимавшей высокое международное положение, игравшей важную роль в судьбах Европы. В труде проводилась мысль о том, что просвещенная Россия находилась на одном уровне с другими европейскими странами. Тем самым З. Орфелин внушал своим читателям уважение к России, гордость за успехи и достижения славянского государства, важность для сербов его исторического опыта. Орфелин выражал в своем труде мысли и чувства, которые испытывала в отношении России лучшая часть сербского общества.

Созданный в труде Орфелина образ современной России при всем его неглубоком понимании действительности имел значение не только в плане формирования сербского общественного мнения о ней, но и в плане пробуждения духовных сил сербов для решения собственных, внутренних задач. Все вопросы, которые Орфелин поднимал в своей книге в связи с Россией, имели актуальное значение для самих сербов. Это были вопросы хозяйственного развития и положения отдельного народа в многонациональной структуре государства, веротерпимости и свободы отправления культа, статуса церкви и состояния светской науки и образования, связей и контактов с другими народами. Современная Россия предстала в труде Орфелина как конкретный, реальный образец решения проблем, животрепещущих и болезненных для сербского общества. Раскрывая перед сербами возможность их разрешения, монография Орфелина будоражила умы и души сербов, возбуждала общественную активность и показывала направление действий. Политическая окраска этого труда не ускользнула от официальной Вены. Цензор А. Дмитриевич Секереш запретил ввоз “Истории ... Петра Перваго” в монархию⁶⁷. Российский материал позволил Орфелину попутно изложить свои теоретико-политические взгляды, правда, не всегда систематизированные и лишь по некоторым вопросам.

Во второй главе “Древняя Российская история” З. Орфелин осветил историю России с древних времен до XVII в. Это было первое у сербов систематическое изложение прошлого России. В основу его периодизации Орфелин положил династический принцип, что получило отражение в разбивке главы на две части “Ряд великих князей” и “Ряд царей”.

Сербский историк начал изложение с вопроса об исторических корнях славян и русского народа. Проблему происхождения славян историческая мысль XVII–XVIII вв. решала, исходя из библейского сказания о разрушении разгневанным богом “столпа вавилонского” и разделении им людей, строивших его, на отдельные народы. В плену подобных представлений находился и Орфелин. Изложив различные точки зрения на проблему и подвергнув критике позицию западных авторов за предвзятость в освещении древней истории славян, он поддерживал мнение, высказанное в русской литературе. Согласно ему, славяне вели свое происхождение с востока и расселились на север и запад в Европу через Армению и Малую Азию. Что же касается истоков русского народа, он сложился, считал Орфелин, “из двоих знатнейших народов, то есть из славян и скифов”. Последних он отождествлял с чудью⁶⁸. Все эти сложнейшие проблемы Орфелин освещал в соответствии с научными воззрениями своего времени, весьма туманными и приблизительными в части древнейших судеб славян. Он высказывал собственные суждения по некоторым частным вопросам, приводя порой дополнительные свидетельства в пользу наиболее убедительного, с его точки зрения, мнения (например, о славянской принадлежности “венетов” или “венедов”)⁶⁹. Главное, что Орфелин стремился донести до читателя, было представление о древности и глубоких корнях славянства⁷⁰.

В середине XVIII в. острая полемика разгорелась в русской историографии по вопросу о возникновении Русского государства. Именно в это время Г. Ф. Миллер и другие ученые, приглашенные из немецких княжеств в Россию, сформулировали “норманнскую теорию” – идею заимствования государственности славянами у северогерманских племен, против которой резко выступил М. В. Ломоносов. Орфелин принял точку зрения о призвании новгородцами, охваченными раздорами, на княжение варягов, родственных, по его словам, новгородцам по роду и языку и непревзойденных в храбрости⁷¹. Представление о создании древнерусской государственности, почерпнутое Орфелиным из литературы, корнями уходило в переработанный в проваряжском духе вариант знаменитой летописи Нестора “Повесть временных лет”.

В труде сербского автора исторические события излагались в соответствии с принципом причинно-следственной связи. Разделение князем Владимиром Святославичем Руси между его сыновьями с целью предотвращения

распрей, писал он, “привело Россию в безсилие и зделало позорищем властолюбия, мерзостнейшаго свирепства и почти конечныя погибели”⁷². Такое толкование было дано в книге наступлению эпохи так называемой средневековой раздробленности, которая в действительности охватила Русскую землю с XII в.

Однотипное освещение получило и начало образования единого Российского государства. Князь Иван Васильевич (Иван III), по словам Орфелина, дабы положить на родине конец междоусобицам и кровопролитию русских князей, подчинил все удельные княжества власти “Московского престола”⁷³. Хотя от Орфелина были скрыты глубинные предпосылки сложных процессов, его пытливый ум искал объяснения историческим явлениям и событиям в самой жизни, в деяниях людей. В сербских условиях его труд представлял новый уровень исторических знаний.

Большое место в сочинении Орфелина заняло описание правления Бориса Годунова. Эта страница русской истории привлекала его внимание и как мыслителя. Свою трактовку трагедии Годунова сербский философ выразил следующим образом: “Он спешил к высоте, и в самом кратком времени возшел на оную. Но како? позволенным ли путем? праведными ли заслугами? Ни как! Путь, по которому он шел к престолу российскому, был путь кровопролития, мучения, утеснения, и словом, самага мерзостнейшаго злодеяния; заслугам его было основание лукавство и обман. Престол его, на которой сел, был подперт толь жалостными воздыханиями, что он никак не мог без поколебания остаться. Сочиняем он был весьма тайно, но поколебание его случилось напротив. Россия зделана театром, на коего вся Европа пришел взошла видети толь страшное поколебание онаго и быти свидетелем преужаснаго падения такого человека, который помышлял о россиянах: и кто есть иже измет вас из рук моих”⁷⁴. Конкретная ситуация в истории России стала для Орфелина исходной основой для постановки философско-этического вопроса об узурпации власти и неизбежности возмездия, о злодеянии и каре. Тот же мотив расплаты присутствовал и при описании истории Лжедмитрия.

Большая заслуга З. Орфелина в развитии сербской исторической науки состояла в том, что он вывел на историческую арену народ, в данном случае русский народ. Особенно ошутимо его присутствие при описании сербским автором Смутного времени. В начале авантюристического пути Лжедмитрия Орфелин изобразил народ как послушную массу, обманутую обещаниями самозванца: “Простый народ, поверя его словам и желая имети у себя природнаго царя, пристали ему весьма добровольно; да и от знатных многие последовали простым, а многие остались в сумнении, и тако казалось, что

оной обманщик конечно придет до своего намерения”⁷⁵. Орфелин показал, что Лжедмитрий бесчинствовал в Москве, потворствовал полякам, иезуитам и католицизму, попирали русские обычаи, “чим он приводил себя в ненависть у народа”⁷⁶. Наконец, под пером Орфелина русский народ предстал как мятежная стихия. Сербский автор так описал восстание 1605 г. в Москве: “В субботу, 17 мая около 3 часы в самую начинающуюся зору, весь град Москва был в движении. Зазвонили в звона на ларму. Вдруг каждой схватил оружие, флнты, пистолы, копия, сабли, топоры, что кому только попалося в руки, и тако побежали скоро поспешно прямо ко двору, между тем, как другие бегали по квартирам, кои еще с вечера означены были, где поляки находились... Князь Василий Шуйской, который был предводителем взволновавшегося народа, держал одною рукою святой крест, а другою меч обнаженной. Сим показывал он своим патриотам, что надобно ратовати за веру святу и отечество”⁷⁷. В труде Орфелина восставшему народу было придано решающее значение в бесславной гибели самозванца.

Описание народного восстания 1605 г. имело и более глубокий философский смысл. Орфелин допускал, пусть и подспудно, народную расправу над узурпаторами власти и сатрапами, попирающими национальное достоинство народа, как возможный исход исторических событий. Он отошел от узкого взгляда на историю как на результат деяний лишь царствующих лиц и охватил исследовательским взором состояние общества в целом.

Народ присутствовал в книге и при последующем изложении русской истории⁷⁸. Но отношение к нему Орфелина было односторонним. Это наглядно проявилось в описании восстания Степана Разина как разбойничьего бунта грабителей и убийц⁷⁹. И все же введение в канву исторического повествования в качестве действующей силы народа было невиданным дотоле в сербской литературе.

По словам Орфелина, он предпринял географическое и политическое описание России, “чтоб благосклонные читатели возимели напред точное понятие о состоянии, о могуществе и о величестве онаго царства...”, а “из древней российской истории увидели б они, коль в глубокой тме неучения и беспорядочнаго правления находилась Россия и что Петр Великий был первой, который собственным своим разумом и собственным своим трудом оную из такой тмы вывел на свет, на котораго без блистания великаго и удивления смотреть не можно”⁸⁰. Хотя Орфелин задался целью показать во второй главе “тму” и дикие нравы допетровского времени, однако реальный материал русской истории – древность русского народа, величие борьбы русских князей против нашествия Батыя за освобождение от ордынского ига, значительность роли Руси в Европе и т. д. – все эти аспекты и сюжеты неиз-

бежно разрушили искусственные рамки придуманной Орфелиным схемы и повели автора по пути раскрытия российской истории в ее сложности и противоречивости. Но в самом стремлении Орфелина показать возвышение России в XVIII в. заключалась великая идея прогресса.

Благодаря Орфелину сербские читатели получили историю России, написанную с позиции заинтересованности в судьбах русского народа. Сербский автор был в курсе современных ему точек зрения, собственными силами разобрался в них, ориентируясь на наиболее обоснованные, по его мнению, суждения петербургских историков. Он отобрал важнейшее в истории страны, окрасив изложение своим эмоциональным восприятием прошлого. Исторический очерк Орфелина отвечал уровню исторической науки. Но он был не просто повествованием о прошлом русского народа, но и воспоминанием о минувшей целостности славян, и примером патриотического противостояния иноземным завоевателям.

В центре внимания З. Орфелина были личность и дела Петра I. Рассказ о нем сербский историк начал с краткого описания детских лет будущего императора. Уже в эти годы, по словам автора, поражала “физиономия” Петра, “которая из взора бистroteкущих очес, из остроты ума, из дерзновенных бесед и из маиестетических ухватк доказывала в самом отрочестве его, что в нем находится дух, который токмо к царствованию сотворен”⁸¹. Орфелин постоянно подчеркивал природную одаренность Петра I.

В книге подробно описаны бурные события конца XVII в., интриги царевны Софьи, кровавые сцены стрелецкого мятежа, преображенские “потехи” молодого царя, “коиими Россия потом вечную себе получила славу”⁸².

Петр I возглавил государство, по словам писателя, “глубочайшею тмою и чрез то крайним неблагополучием обято”. Стремление приобрести необходимые знания, чтобы “просветити свое отечество”, побудило его направиться в Европу. “Средство, толико чрезвычайное, колико удивительное!” – восклицал по этому поводу сербский автор⁸³. Вернувшись в Россию, продолжал он, Петр завел здесь то, “чему он в путешествии своем учился и что с крайним прилежанием в европейских государствах собирал”⁸⁴. В основе трактовки Орфелиным деятельности Петра I лежала принципиально новая для сербских условий, просвещенческая идея силы и могущества совершенного разума. В том же ключе было его понимание путешествий как способа и условия повышения образования.

В книге Орфелина Петр I был представлен прежде всего как убежденный патриот своего отечества, Петр имел “непресечное попечение о благополучии своего государства”, – писал сербский историк⁸⁵. Польза России,

“дражайших своих подданных” была исходным мотивом всех его действий. Такая позиция автора была результатом анализа всей деятельности Петра.

Основное место в историческом труде занимали военные походы российского императора. Петр I воевал много, долго и с разными неприятелями: с Польшей и Швецией, Турцией и даже с Персией. Орфелин изобразил его как одаренного полководца, ведомого интересами своей отчизны. Освещая Азовские походы, сербский историк образно писал, что со взятием Азова Петр “поставил уже ногу на Черное море”. Он оправданно рассматривал военные успехи Петра I в этом районе как начало широкомасштабной борьбы за выход России к морю, который необходим был, уточнял автор, для общения с высококультурными народами⁸⁶.

Новым в понимании Петра I было изображение его как преобразователя России. Царь вводил новшества, говорилось в книге, “к прославлению своего отечества”⁸⁷. Исполненный патриотических чувств, Петр I перестроил Россию с помощью просвещенного разума и через сношения с образованными народами. Но желая показать величие петровских дел, сербский автор занижал уровень развития русского народа в XVII в.

Первым “старанием” Петра I была организация регулярной армии. Цель военной реформы русского царя Орфелин видел в том, чтобы обеспечить безопасность России⁸⁸. Не вдаваясь в подробности реформы, он писал, что Петр создал флот и регулярное “воинство”, “котораго нынешнее преизрядное состояние всю Европу во удивление приводит и котораго помощи большие государства иногда требуют”⁸⁹. Сербский историк подчеркнул важное значение этого преобразовательного дела царя-реформатора: “Обуздал он тем всех соседных российских, да и домашних своих неприятелей; победил онаго, которой почитал себя в Европе непобедимым, распространил пределы своего государства возвращением давно-изгубленных и завоеванием новых провинций, утвердил мир и тишину внутр отечества и оградил безопасности все российские границы”⁹⁰. Орфелин не ограничился вопросом государственной обороны, но отметил воздействие военной реформы на судьбы России.

Бегло была затронута в книге финансовая реформа Петра I. Орфелин рассматривал ее как меру, направленную против самоволия бояр – провинциальных наместников в защиту “бедного народа” и предусматривавшую обеспечение государственных доходов⁹¹. Не раскрывая практической разработки реформы и тем более не вникая в ее глубокие противоречия, Орфелин лишь упомянул о ней, как о факте коренной переделки России.

Орфелин показал усиленные заботы Петра I о развитии торговли и промышленности, о строительстве каналов и благоустройстве городов.

Большое удовлетворение вызывала у сербского историка церковная реформа Петра I. Он правильно понимал ее как ряд мероприятий, направленных на ограничение чрезмерной власти высшего духовенства путем подчинения его государству⁹².

Интересно замечание Орфелина в связи с распоряжением Петра I о снятии колоколов и их использовании на военные нужды: "Государь любил церквей и имел благоговейство к монастырям; обаче казалось ему гораздо умнее быти, чтоб не последовати ни мало примеру греческих императоров и сербских царей, которые больше прилежали о умножении и украшении монастырей, нежели о постоянном содержании государства, следовательно и тех самых в безопасности"⁹³. Ссылка Орфелина на сербскую историю, как и другие многократные упоминания о сербах свидетельствовали о том, что, создавая эпопею о Петре I, он не только не ушел от насущных проблем сербской жизни, но постоянно и непреложно был поглощен заботами о судьбах своего народа.

3. Орфелин много писал о славной роли Петра I в развитии образования и искоренении обветшалых обычаев в России. "Его царское величество имел наипаче желание, — говорилось в книге, — приучити народ свой к обычаям и житию народов, коих он в своем путешествии видел и сам у них учился"⁹⁴. Организация научных учреждений, развитие образовательной сети, просвещение народа — все это стало, в понимании Орфелина, главным залогом процветания России.

С удовлетворением сербский автор рисовал вторжение Петра I в устоявшуюся культуру русских: "Он желил народ свой приучити к такому житию, к такому обращению и к таким обычаям, каких имеют самые ученнейшие народы"⁹⁵. Борьба Петра I против суеверий, устаревших традиций и темных предрассудков, зримо представшая под живым пером сербского писателя, была особенно близка ему ввиду назревшей актуальности этих вопросов у него на родине.

Не ушло от внимания Орфелина и сопротивление правительственной политике в России. Историк нащупал социальную почву противодействия петровским преобразованиям. Намерение молодого царя отправиться за знаниями в Европу натолкнулось, по его словам, на недовольство со стороны духовенства, для которого сохранение суеверий и "глупости отечества своего" было условием "величия" церковников, а также со стороны преисполненного суеверия народа и бояр — тайных сторонников Софьи⁹⁶. Орфелин был прав в отношении духовенства и бояр, что же касается простого народа, для понимания его роли в Петровское время потребовались еще десятилетия развития общественной мысли в Европе и России.

Все в книге Орфелина побуждало к преклонению перед гигантской фигурой Петра I. Сербский автор заключил свой труд словами: "Он имел в едином себе все достоинства, которые делают человека великим пред Богом и пред людьми: а именно, был он совершенный богочец и истинный сын христовыя церкви, по своему усердию и вере к богу и закону православному; был преславный полководец и прехрабрый воин по своим завоеваниям и победам, которых он над внутренними и над внешними своими неприятелями совершенно одержал; был кораблечальник за искусство свое в морском деле; был великий государь и великий политик чрез распространение и исправность своих намерений, и чрез свою крайнюю способность в управлении дел; был государственный министр от средстии, которых он умел употреблять ради приведения в цветущее состояние купечества, наук и всех художеств; наконец был отец отечества по благополучию, которым от него пользовались все его подданные, и о коем он всегда старался как об истинном совершенстве в своем правлении"⁹⁷.

Историк старался показать читателю неординарность натуры Петра I. Сам внешний облик – "природное его величество, которое из всего его состояния и вида сияло, како и быстротекущая на все страны его очеса"⁹⁸ – обнаруживал в нем человека особенного. Писатель подчеркивал в Петре такие черты, как постоянное чувство долга перед отечеством и твердость в проведении преобразований, энергию и настойчивость, любознательность и трудолюбие, проницательный ум и просвещенность.

Многое в поведении российского императора было непривычно. Вот он на страницах книги, смешавшись с солдатами, роет окопы и возводит валы, выполняет обязанности бомбардира, вот – с молотком и топором в руках трудится на верфи. Не скрывал Орфелин и жестокости Петра I по отношению к тем, кто препятствовал осуществлению его замыслов. Но историк оправдывал ее отсталостью народа⁹⁹.

Итак, воззрения З. Орфелина на Петровскую эпоху сводились в основном к следующему: Петр I, руководствовавшийся патриотическими стремлениями, обогатился знаниями в Западной Европе и преобразовал на их основе Россию, проложив тем самым путь ей к славе, могуществу и процветанию. Казалось бы, подобный ход рассуждений находился в противоречии с русофильством автора и его постоянным стремлением оградить Россию от западных хулителей. Однако понимание З. Орфелиным деятельности Петра I происходило из его широкой мировоззренческой платформы, предполагавшей необходимость, важность и полезность контактов между народами и освоения опыта наиболее развитых стран.

Большой заслугой З. Орфелина было углубление образа Петра I, сложившегося до него в представлении южных славян. В труде Орфелина он выступал как создатель новой России – России, перестроенной на началах знаний. Это был принципиальный факт в развитии сербского общественного сознания, поскольку означал рождение политического идеала в облике просвещенного монарха, что в сущности своей было зародышем социальной утопии умеренного Просвещения.

Что же касается изложения петровских реформ, не следует искать у З. Орфелина, ограниченного уровнем исторических знаний своего времени, проникновения в глубинные предпосылки последних и внутреннюю связь их между собой. Достижением автора, самостоятельным или почерпнутым из литературы, было уже то, что он осознал их влияние на весь строй жизни российского общества. С подлинно литературным даром З. Орфелин раскрыл широкую панораму истории России, представив ее в процессе динамически сменяющихся драматических картин. Писатель мастерски передал напряженность, величие и трагедии российской истории. Его “Житие” не только научный труд, это одновременно и занимательное чтение, захватывающее читателя перипетиями борьбы, и неповторимое литературное произведение, раскрывающее столкновение характеров. Здесь все в движении, все живет, меняет формы.

107 “Житие” З. Орфелина заняло особое место в развитии сербского барокко, хотя восприятие этого сочинения в силу его научного характера в рамках стилистического художественного направления и вызывает определенные сомнения.

В этом труде раскрылись наиболее характерные черты зрелого сербского барокко. Это касалось прежде всего интереса к славянству и обостренности исторического сознания. Общественная неудовлетворенность положением сербов питала пристрастный интерес к истории не только сербской, но и шире – южнославянской и русской как источнику веры и надежды. Обращение к истории порождалось современными проблемами сербской жизни и поиском ответа на них.

З. Орфелин проявил барочное понимание истории как цепи героических поступков и событий. Образ Петра I был создан автором, исходя из поэтики барокко с ее приподнятостью, масштабностью и внутренним напряжением. По существу, это – портрет “просвещенного” монарха, в какой-то степени обобщенный и идеализированный. Он воплотил в себе государственный гений, нравственное величие, мощь и возможности человеческой натуры. Гравюры с изображением памятных медалей в честь побед Петра I подчеркивали героизированный образ полководца-победителя. Но если в выборе

объекта исследования и литературного изображения Орфелин отдал должное панегирическому характеру "стиля эпохи", то в решении образа Петра I он вышел за рамки его эстетики. В лице Петра I был воплощен нравственный и политический идеал, отмеченный уже чертами Просвещения.

В соответствии с эстетикой барокко З. Орфелин придал Петровской эпохе ярко выраженный театрализованный характер, питавшийся драматизмом реальной жизни. З. Орфелин с особым вкусом изображал торжественно-парадные картины – триумфальные шествия по случаю военных побед, великолепные фейерверки, царские приемы, церемонии, официальные аудиенции, обеды, скрупулезно описывал батальные сцены, а также жестокие расправы, похоронные процессии.

Щедро представлен в книге античный материал, в основном в качестве источниковой базы, но также и образно-выразительных средств. Для усиления эмоционального воздействия на читателя Орфелин прибегал к сравнениям, используя для этого исторических лиц древнего мира и античности. Вот как Орфелин описывал вступление Лжедмитрия в Москву: "Торжественный Ростригин въезд ... в царствующий град Москву был самый велелепный. В идолопоклоннические времена было во обыкновении, чтоб в такие и подобные радостные случаи приносить в жертву разных скотов в возблагодарение богам. Но Гришка Рострига хотел тогда лучше последовать законам картагенских народов, которые не скотов, но людей на жертву отдавали"¹⁰⁰. Тот же прием писатель использовал, изображая бесчинства самозванца в Москве: "Рострига между тем чинил в Москве все то, что ему дурачество его напоминало. В сребролюбии, в роскошестве, в обжирстве, в пьянстве, в безчинных увеселениях и в сквернейшей нечистоте не уступал он нисколько ассирийскому царю Сарданпалу, да еще и превосходил"¹⁰¹. Писатель прибегал и к гиперболизации, например, при описании прибытия русского посла в 1699 г. на своем фрегате в Константинополь: "Сей фрегат, приближившись к граду, богатым своим украшением и сильною пушечною стрельбою толь славный вид показывал, что султан Мустафа осердился и приказал было многия барки яничарами вооружити, тако будто бы един сей корабль был целый флот, кои престолу его грозит крайним разорением"¹⁰².

Писателю не была чужда некоторая экзальтированность, которой изобиловала книга, особенно в трагических сценах. Склонилась в слезах царица над телом убитого Дмитрия. Мать Федора Романова, получив сообщение об избрании сына царем, "не могла без слез предложение оных бояр слышати". У Петра I при известии о смерти Лефорта слезы "из очес его тотчас струями потекли". И во время похорон царь "непрерывно слезы проливал"¹⁰³ и т. д. Это была внешняя характеристика эмоционального состояния лиц, но от нее

было недалеко до восприятия мира посредством чувств и его отражения через ощущения и впечатления.

В книге Орфелина русские исторические лица XVII–XVIII вв. выглядели живыми людьми – сложными натурами. Автор дал им меткие и образные характеристики. Он писал о Годунове как о муже “такого пронизательного разума и таких хитростей, каковы нужны бывают к произведению в действо дальновидных замыслов”. А вот Софья – “дама великого разума и высокомерных замыслов”. Орфелин пытался даже ввести элементы психологического правдоподобия. Он передал ужас и замешательство князя Голицына, вызванные замыслами Софьи убить Петра, его поиски пути и способов, чтобы можно было “соединити честолюбие с добродетелию”¹⁰⁴.

В труде постоянно ощущается присутствие автора – повествователя. Орфелин подчас прерывал изложение такими фразами: “Но возвратимся к Лъжедимитрию, видети, что с ним было”; или: “Оставим мы утружденного нашего гхероя (Петра. – *И. Л.*) в своих ново-завоеванных градах несколько отдохнуть, а обратимся в Польшу...”¹⁰⁵.

Орфелин использовал разнообразные литературные приемы барокко – принципы контраста (Петр I – Карл XII, варварство – цивилизация), сопоставления (Россия до и после Петра I), антитезы (добро – зло) и т. д. В иллюстративной части широко представлена излюбленная барокко эмблема.

Благодаря всем этим приемам серьезный исторический труд был написан Орфелиным как взволнованное повествование о необычной жизни гениального преобразователя России, его победах и поражениях, свершениях и несостоявшихся надеждах, как захватывающая повесть о возвышении великой славянской державы.

Труд З. Орфелина по истории России в стилевом отношении, тем более с учетом его иллюстративной части, представлял собой сложное явление. “Житие” показало возможности национального барокко, позволившие ему приспособиться к решению и научных задач. Вместе с тем именно в силу зрелости этого стиля интуиция писателя и художника повела его дальше, по пути преодоления барочной эстетики. Художественные начала, пронизывающие научную ткань сочинения, делали труд З. Орфелина более доступным для восприятия среднего читателя.

В Предисловии к двухтомнику З. Орфелин скромно писал: “... Но притом предъуведомляю, что в сей Истории разсуждений моих или во все нет, или весьма мало...”¹⁰⁶. Он назвал себя лишь “собирателем” исторического материала. Несомненно, сербский автор с точки зрения фактологии, трактовки событий, а возможно, и художественных приемов многим был обязан исторической литературе. И тем не менее он внес в это сочинение так много лич-

ных раздумий, так мастерски оживил минувшие века России, так щедро одарил его творческой индивидуальностью, что можно вполне обоснованно рассматривать "Житие" как самостоятельное творение созидательного духа сербского автора. Именно поэтому оно стало первой сербской книгой, привлекавшей к себе внимание за рубежом и удостоившейся перевода на русский язык. К труду З. Орфелина обращался сам А. С. Пушкин во время работы над историей Петровского времени.

Значение труда З. Орфелина в истории сербской культуры состояло также в том, что в нем, хотя и в скрытой форме, была изложена историко-философская концепция развития народа, начертан путь в будущее – через овладение знаниями и преодоление всего дремучего и окостеневшего. Тем самым книга З. Орфелина вводила в новый период истории сербской культуры – период Просвещения.

Философской основой понимания Орфелиным России был рационализм. Его творчество расширило аспекты восприятия России – не только в ее противопоставлении Турции, но и с точки зрения ее исторического опыта. Для него Россия была и источником знаний, литературы, опыта, и близкой и понятной сербам моделью процесса цивилизации общества.

Исходя из нового понимания России, З. Орфелин осваивал российский культурный опыт. Он обращался к русскому интеллектуальному и художественному богатству для преодоления культурной отсталости своего народа. Сербский деятель значительно расширил спектр используемой русской литературы, введя в круг сербского освоения книги, отмеченные чертами рационализма. З. Орфелин был личностью переходной поры, поэтому в его заимствованиях из русской культуры сочетались позднесредневековые элементы и новаторство. Он искал в русской практике опору для осовременивания сербской культуры.

Контакты З. Орфелина с русской культурой имели форму переводов и переложений литературных произведений, использования фактов и идей, заимствования методики и конструкции учебных пособий, воспроизведения графической композиции и рисунка и т. д. В русских переводах Орфелин знакомился, нередко с произведениями европейской литературы. Все это означало большую интенсивность восприятия культуры России и обогащение российско-сербских культурных связей.

Творческие заимствования Орфелина из русской литературы и изобразительного искусства принесли тематическое и жанровое обогащение сербской литературы и графики. Включение России как объекта исторического познания способствовало развитию сербской исторической науки, переходу от богословской трактовки к рационалистическому пониманию истории. Заро-

ждалась светская философия истории – взгляд на человеческое деяние как основу исторического процесса. Данная З. Орфелиным интерпретация прошлого России отвечала современному ему уровню исторических знаний.

Образ России, представший в научном, литературном и изобразительном творчестве З. Орфелина, нес идейно-воспитательную нагрузку. Он подготавливал современников к жизненным переменам, убеждал их в возможности и необходимости обновления жизни. Россия в изображении З. Орфелина внушала сербам веру в движение человечества к счастью. Это была утопия, но утопия, дававшая людям духовную силу. С помощью русского материала писатель воспитывал и эстетический вкус своих читателей в соответствии с духом нового времени.

¹ Российско-сербским культурным связям в XVIII в. посвящена большая литература. Последние работы общего плана: *Вулетих В.* Улога Русије у културном и националном развоју Срба у 18. и 19. веку // Славянские культуры и Балканы. София, 1978. Т. 2; *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 182–226; *Сохань П. С.* Киев в духовном общении славянских народов (традиции и современность) // IX Міжнародний з'їзд славистів. Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. Доповіді. Київ, 1983; *Наумов Е. П.* Из истории русско-сербских культурных связей конца XVIII – первой трети XIX в. // Балканские исследования: Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XX вв. М., 1987. и др.

² *Младенович А.* Русскославянский язык и формирование литературного языка у сербов во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Славянские культуры и Балканы. София, 1978. Т. 2; *Гудков В. П.* Русский язык в истории литературного языка у сербов // Вестник Московского университета. Филология. 1983. № 4.

³ Библиографию жизни и деятельности З. Орфелина см.: *Маринковић Б.* Bibliographia Orpheliniana // Годишњак Филозофског факултета. Нови Сад, 1973. Књ. XVI. Св. 2; *Он же.* Bibliographia Orpheliniana (II) // Годишњак ... Нови Сад, 1975. Књ. XVIII. Св. 2.

⁴ *Маринковић Б.* Извори за Орфелинову преписку (I). Прилози // Споменица о 250-годишњици рођења Захарије Орфелина. Београд, 1976. С. 116; *Остојић Т.* Захарија Орфелин: Живот и рад му. Београд, 1923; *Паланчанин С.* Data Orfeliniana // Орфелиново Житије Петра Великог. 1772–1972. Нови Сад, 1972.

⁵ *Дурковић-Јакић Л.* Орфелинова библиотека // Споменица... С. 43, 46, 48.

⁶ *Остојић Т.* Захарија Орфелин ... С. 44, 45.

⁷ Там же. С. 199, 213, 216.

⁸ Там же. С. 209, 210, 211, 212.

⁹ *Бошков М.* Захарија Орфелин и књижевност руског просветитељства // Зборник за славистику. Нови Сад, 1974. Св. 7. С. 33.

¹⁰ *Чурчић Л.* Захарија Орфелин и српска књига // Споменица... С. 8.

- ¹¹ *Михаиловић Г.* Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964. С. 59.
- ¹² См.: Славено-сербский магазин. В Венеции, 1768. Т. I. Ч. 1. С. 77; Житие и славныя дела ... Петра Великого. В Венеции, 1772. Ч. I. Предисловие (б/с).
- ¹³ См.: Славено-сербский магазин. С. 6, 9, 13, 86.
- ¹⁴ *Орфелин З.* Представка Мазии Терезии. Нови Сад, 1972.
- ¹⁵ Там же. С. 33, 87.
- ¹⁶ См.: Славено-сербский магазин. С. 4, 5.
- ¹⁷ О языковой ситуации у сербов в XVIII в. см.: *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Вук С. Караджич и его реформа сербохорватского/хорватосербского литературного языка. Л., 1984; *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988; *Гудков В. П.* Сербская лексикография XVIII века. М., 1993.
- ¹⁸ *Толстой Н. И.* История... С. 181, 189, 192.
- ¹⁹ *Гудков В. П.* О славенском языке Захария Орфелина // Вестник Московского университета. Филология. 1973. № 3; *Он же.* Особенности воспроизведения русских текстов в "Славено-сербском магазине" // Вестник Московского университета. Филология. 1977. № 1.
- ²⁰ О сербском барокко см.: *Медаковић Д.* Путеви српског барока. Београд, 1971; *Васић П.* Доба барока. Београд, 1971; *Павић М.* Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII век). Београд, 1970.
- ²¹ *Давидов Д.* Српски бакоррезеи 18. века. Нови Сад, 1983. С. 32.
- ²² *Форишковић А.* Две белешке о Захарији Орфелину // Зборник за књижевност и језик. Нови Сад, 1969. Књ. XVIII. Св. 2. С. 259.
- ²³ *Давидов Д.* Бакоррезне илустрације Захарије Орфелина у Историји Петра Великог // Зборник ликовних уметности. Нови Сад, 1974. Т. 10.
- ²⁴ *Михаиловић Г.* Српска библиографија... С. 105.
- ²⁵ *Стојнић М.* Филолошки радови Захарија Орфелина // Зборник за књижевност и језик. 1956–1957. Нови Сад, 1958. Књ. IV–V. С. 95.
- ²⁶ *Михајловић В.* О Орфелиновом латинско-руско-српскохрватско-немачком речнику из 1767. године // Споменица... С. 61–65.
- ²⁷ Славено-сербский магазин. С. 6–7.
- ²⁸ Там же. С. 10, 15.
- ²⁹ *Бошков М.* Захарија Орфелин... С. 50, 51, 71.
- ³⁰ *Михаиловић Г.* Српска библиографија... С. 80–81.
- ³¹ Об отражении деятельности Петра I в югославянских литературах см: *Заболотский П. А.* Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. Варшава, 1908. Т. I. Кн. 1: Русская струя в литературе сербского возрождения. С. 32–33, 37, 39–42, 48; *Костић М.* Култ Петра Великог међу Русима, Србима и Хрватима у XVIII веку // Историјски часопис. Београд, 1959. Књ. VIII; *Радойичић Г. С.* Отражение реформ Петра I в сербской письменности XVIII в. // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.–Л., 1966. С. 56 и др.
- ³² *Паланчанин С.* Указ. соч. С. 12.
- ³³ *Бошков М.* Житије Петра Великог у Бакмајстеровом часопису 1778. године. Прилог проучавању руске рецепције // Споменица... С. 90.

- ³⁴ Житие и славныя дела Петра Великаго. СПб., 1774. Предуведомление.
- ³⁵ *Михаилович Г.* Српска библиографија ... С. 104–105.
- ³⁶ См.: *Губерти Н. В.* Материалы для русской библиографии: Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия. М., 1878. Т. I. С. 186.
- ³⁷ Житие. Ч. I. Предисловие (б/с).
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Михаилович Г.* Српска библиографија ... С. 116, 118–120, 124–126.
- ⁴⁰ Житие. Ч. I. Предисловие.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 13.
- ⁴³ Там же. Предисловие.
- ⁴⁴ Житие. Ч. I. С. 241, 251.
- ⁴⁵ *Бошков М.* Захарија Орфелин... С. 50.
- ⁴⁶ Житие Ч. I. С. 1.
- ⁴⁷ Там же. С. 2.
- ⁴⁸ Там же. С. 34.
- ⁴⁹ Там же. С. 35, 36.
- ⁵⁰ Там же. С. 37.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 37, 38.
- ⁵³ Там же. С. 38.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 25.
- ⁵⁶ Там же. С. 3.
- ⁵⁷ Там же. С. 32.
- ⁵⁸ Там же. С. 5.
- ⁵⁹ Там же. С. 6.
- ⁶⁰ Там же. Предисловие.
- ⁶¹ Там же. С. 30, 31.
- ⁶² Там же. С. 31, 32.
- ⁶³ Там же. С. 40.
- ⁶⁴ Там же. С. 42, 43.
- ⁶⁵ Там же. С. 43.
- ⁶⁶ Там же. Посвящение.
- ⁶⁷ *Чурчић Л.* Захарија Орфелин и српска књига. С. 26.
- ⁶⁸ Житие. Ч. I. С. 51, 52, 54, 63–64.
- ⁶⁹ Там же. С. 56.
- ⁷⁰ Там же. С. 59.
- ⁷¹ Там же. С. 67, 68.
- ⁷² Там же. С. 74.
- ⁷³ Там же. С. 87.
- ⁷⁴ Там же. С. 111.

- ⁷⁵ Там же. С. 117.
⁷⁶ Там же. С. 125.
⁷⁷ Там же. С. 128.
⁷⁸ Там же. С. 163, 164.
⁷⁹ Там же. С. 150.
⁸⁰ Житие. Ч. I. Предисловие.
⁸¹ Житие. Ч. I. С. 155.
⁸² Там же. С. 164.
⁸³ Там же. С. 204.
⁸⁴ Там же. С. 238.
⁸⁵ Там же. С. 281. См. также Ч. II. С. 73.
⁸⁶ Там же. Ч. I. С. 259.
⁸⁷ Там же. С. 237.
⁸⁸ Там же. С. 238.
⁸⁹ Там же. С. 191–192.
⁹⁰ Там же. Предисловие.
⁹¹ Там же. С. 254–255.
⁹² Там же. С. 282.
⁹³ Там же. С. 276.
⁹⁴ Там же. С. 250.
⁹⁵ Там же. С. 259.
⁹⁶ Там же. С. 205–206.
⁹⁷ Там же. Ч. II. С. 361.
⁹⁸ Там же. Ч. I. С. 218.
⁹⁹ Там же. С. 238.
¹⁰⁰ Там же. С. 121–122.
¹⁰¹ Там же. С. 124–125.
¹⁰² Там же. С. 249.
¹⁰³ Там же. С. 143, 246, 247; Ч. II. С. 184.
¹⁰⁴ Там же. Ч. I. С. 100, 156, 163.
¹⁰⁵ Там же. С. 307.
¹⁰⁶ Там же. Предисловие.

Дубровницкая республика и Россия: от конфликта к взаимопониманию (российско-дубровницкие отношения в XVIII – начале XIX в.)

В историографии сложилась устойчивая традиция рассматривать отношения между Россией и Дубровницкой республикой^{*} как враждебные. Такой подход характерен для русской историографии второй половины XIX – начала XX в., разработавшей целостную концепцию этих отношений, известную в историографии как “макушевская”, по имени ее крупнейшего представителя В. В. Макушева. Согласно ему, российское правительство стремилось покровительствовать православному населению Дубровницкой республики, что встречало противодействие со стороны дубровницких властей. Это и послужило главной причиной конфликтов. Дополнительным фактором враждебности В. В. Макушев считал протурецкую позицию республики в русско-турецких войнах второй половины XVIII в. Автор концепции возложил всю ответственность за враждебный характер отношений на дубровницкую сторону¹. Фактически этот взгляд разделяли все русские исследователи дубровницкой истории того периода². Если же обратиться к хорватской историографии данного вопроса, то мы увидим, что фактически все исследователи истории Дубровника XVIII – начала XIX в. связывают падение независимости республики в 1808 г. с крахом традиционного внешнеполитического курса Дубровника – политики нейтралитета в войнах Османской империи с европейскими державами, произошедшим, по их мнению, по вине России в ходе русско-турецких войн второй половины XVIII в.³ Таким образом, принципиальные различия между исследователями возникают по вопросу: “Кто виноват во враждебном характере двусторонних отношений?” Однако из поля зрения исследователей до сих пор ускользала другая сторона проблемы: был ли конфликт неизбежен, не противоречил ли он интересам каждой из

^{*} Латинское название Дубровника – Рагуза.

сторон? Ответ на эти вопросы требует привлечения сведений об уровне взаимной информированности сторон, т. е. выяснения того, что знали в правящих кругах России о Дубровнике, а в дубровнических — о России в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и как впоследствии накопление информации повлияло на изменение характера двусторонних отношений. Накануне русско-турецкой войны 1768–1774 гг. уровень осведомленности российского правительства и военного командования о политическом и военном положении в Средиземноморье был крайне низким. Из переписки Екатерины II с управляющим Адмиралтейской коллегией И. Г. Чернышовым и с главнокомандующим русскими военными силами в Средиземноморье А. Г. Орловым известно, например, что в начале войны в России не было даже хороших карт Средиземного моря и Архипелага; неизвестно было, какими гаванями можно воспользоваться, где брать продовольствие⁴. Перечень вопросов, предложенных в 1771 г. главнокомандующим А. Г. Орловым сербскому патриарху Василию Бркичу, красноречиво подтверждает весьма слабое знание местных условий русским военным командованием. В вопросе предлагалось перечислить турецкие провинции и народы, проживающие в них; указать размеры их территорий и границы, численность населения, его основные занятия, раскрыть форму правления, описать города, указать численность и состояние военных сил, морского флота, пристаней. Составителя вопросника интересовал даже “образ жизни в обществе” и характер увеселений⁵. Неудивительно, что на общем фоне весьма слабого знания ситуации в православных югославянских землях, информация о католическом Дубровнике, имевшаяся в России, была поверхностной, противоречивой, а зачастую и просто неверной.

Накопление информации о Дубровницкой республике происходило в первой половине XVIII в. в России двумя путями: во-первых, благодаря дубровчанам, поступившим на русскую дипломатическую и военную службу. Помимо широко известного Саввы Владиславича Рагузинского, здесь служили представители дубровнических патрицианских семейств Беневени, Натали, Стулли, Альтести, Водопичей⁶. Во-вторых, информация о Дубровнике поступала в Россию благодаря деятельности российской дипломатической службы. Первые из известных ныне сведений о Дубровницкой республике представил Петру I дворянин Г. Г. Островский, посетивший Далмацию в 1697 г. с целью набора на русскую службу офицеров и матросов из местного населения. Он писал: “Рагузы город вольной Речи Посполитой дань платят туркам для вольного купечества”. В путевом дневнике П. А. Толстого, побывавшего в Дубровнике в следующем, 1698 г., отмечена существенная черта дубровницкой дипломатии: “Войны никогда рагузяне ни с кем не имеют,

дают дары цесарю римскому, королю гишпанскому, князю венецкому, салтану турецкому”⁷. Спустя несколько лет, уже в качестве российского посла в Османской империи, П. А. Толстой охарактеризовал отношения Порты с Дубровницкой республикой в своем статейном списке 1703 г. Он отметил, что в пределах Османской империи республика пользуется широкими торговыми привилегиями, за что платит Порте дань⁸. В дальнейшем в Константинополе А. А. Вешняков, А. М. Обресков время от времени представляли информацию, благодаря которой в России постепенно накапливались сведения о Дубровнике, которые, впрочем, не совсем верно отражали сущность взаимоотношений республики с Османской империей. Зависимость Дубровника от Порты выдвигалась в них на первый план, а ее формальный характер (в отличие от других, действительно вассальных балканских территорий) замалчивался. Впрочем в этом нет ничего удивительного: дубровчане никогда не отрекались от вассалитета Порты. Так, например, в 1753 г. А. М. Обресков сообщал в Петербург о торговом соперничестве Дубровника и Венеции в Адриатическом море, при этом указывая, что дубровчане ищут покровительства у Порты, что подтверждается текстом их прошения: “Уже с четырехста лет... в послушании Блистательной Порты находимся и, не преступая рабской нашей должности, вассалами быть честь имеем”⁹. Так постепенно в правящих кругах России возобладало мнение о том, что Дубровницкая республика является вассалом Порты и, следовательно, ее союзницей в возможной русско-турецкой войне.

На самом же деле отношения Дубровника с Портой не были столь однозначными. В XIV в. признание турецкого султана в качестве покровителя позволило городу предотвратить военное вторжение османов, а в XV в. была найдена взаимоприемлемая форма двусторонних отношений: Дубровник обязался выплачивать султану ежегодную (позднее – трехгодичную) дань, а взамен получал такие существенные привилегии, как освобождение от уплаты пошлин в сухопутной торговле на территории Османской империи, значительное снижение морских таможенных пошлин и, наконец, защиту дубровницкого судоходства от пиратов в Средиземноморье (это право предоставлялось дубровницким капитанам в соответствии с султанским ферманом 1745 г., сыгравшим исключительную роль в деле возрождения дубровницкого морского судоходства в XVIII в.)¹⁰. В этом столетии вассальная зависимость Дубровницкой республики от Порты стала практически номинальной. В рамках этой формальной зависимости республика пользовалась самостоятельностью в осуществлении своей внутренней и внешней политики. Еще в конце XVII в., в период обострения австро-турецкого противостояния на Балканах, Дубровник заручился покровительством Венгерского королевства,

оформив в 1684 г. секретное соглашение с Леопольдом I¹¹. Значение договора 1684 г. для республики трудно переоценить. Он означал наступление нового периода в ее внешней политике. Признав одновременно двух непримиримых врагов – Австрию и Турцию – своими покровителями, она отказалась от прежней ориентации исключительно на Порту, подтверждая тем самым закрепившееся за ней название “sette bandiere” – семифлажной. Республика тем самым обеспечила гарантии своего выживания независимо от исхода австро-турецкого соперничества на Балканах. Такая игра стоила свеч, хотя и несла с собой ряд издержек материального (выплата дани) и морального плана. О последних следует сказать особо. Иностранные наблюдатели не раз указывали на моральные последствия политики лавирования для дубровчан. Их можно условно разделить на прямые и косвенные. Прямой моральный урон состоял в “необходимости терпеть публичные унижения и прямые угрозы Порты, скрытую враждебность христианских государств, относящихся к дубровчанам как к пособникам и сторонникам Порты”. Под косвенными последствиями современники понимали влияние этой политики на формирование характера дубровчанина, его лъстивость, осторожность, лукавство, корыстолюбие, коварство и т. д.¹²

Вторым важным внешнеполитическим принципом Дубровницкой республики был нейтралитет в военных конфликтах между европейскими государствами и Османской империей. Он нашел свое юридическое закрепление в “Положении о национальном мореплавании” 1745 г., запрещавшем перевозить войска, оружие и боеприпасы для воюющих сторон на дубровницких кораблях. Благодаря этому принципу республика сумела обеспечить свою фактическую самостоятельность и даже превратиться в своего рода буфер между христианским и мусульманским мирами. Принцип нейтралитета позволял дубровницким властям держаться как бы в стороне от бурных политических и военных потрясений в Средиземноморском регионе, хотя христианские государства выражали по этому поводу явное неодобрение (особенно обострились отношения с Венецией в период войны Священной лиги и Турции 1684–1698 гг.).

Итак, внешняя политика Дубровницкой республики исходила из двух основных принципов: признания покровительства со стороны могущественных соседей и соблюдения нейтралитета в войнах между европейскими странами и Османской империей. Однако эти внешнеполитические принципы “не работали” в начавшейся в 1768 г. русско-турецкой войне. Что же произошло? Не останавливаясь на деталях, проследим лишь за основными моментами в развитии событий.

В феврале 1770 г. была осуществлена операция по переброске русской военно-морской эскадры из Балтийского моря в Средиземное. Ее блестящее, с соблюдением строжайшей конспирации, завершение стало полной неожиданностью для Порты, как впрочем и для многих европейских правительств. В Дубровнике весть о появлении российского флота в районе греческого Архипелага была воспринята за “чистый вымысел” петербургского двора. Но когда эти сведения подтвердились, дубровнические сенаторы всерьез забеспокоились. Как нередко бывает в таких случаях, возникли слухи о тайных планах России овладеть Дубровником как удобной военно-морской базой¹³. Но, кроме слухов, были и более веские основания остерегаться появления русской эскадры. Дубровницкий сенат опасался политических осложнений по двум обстоятельствам. Во-первых, из-за конфискации в Генуе русского частного судна, совершенной властями в мае 1769 г. по инициативе дубровницкого консула Д. Мэстра¹⁴. Во-вторых, из-за имевших в 1769–1770 гг. место фактов перевозки на частных дубровницких судах для Турции продовольствия, войск и оружия. Первоначально сенат смотрел на эти нарушения как бы сквозь пальцы, что, вероятно, связано с нежеланием дубровчан ссориться с Портой, а также с тем, что эти перевозки давали капитанам хороший заработок. Но после появления русской военной эскадры в Средиземном море ситуация изменилась. Сенат предпринял энергичные действия по предотвращению подобных действий в будущем. Всем дубровницким консулам (а их к этому времени насчитывалось уже около 80) было разослано извещение о появлении русских военных кораблей у острова Корфу с указанием строжайшего выполнения условий нейтралитета, т. е. соблюдения Положения о национальном мореплавании. Напомним, что пункт восьмой этого Положения содержал запрет на перевозку для воюющих сторон войск, оружия и боеприпасов. Но и после этого, весной и летом 1770 г., дубровнические суда неоднократно были замечены в составе сопровождения турецких военных кораблей: шесть дубровницких кораблей при турецкой флотилии, атаковавшей русский флот близ порта Навплион; еще несколько судов были захвачены в плен у крепости Корони; и наконец, четыре дубровницких судна были “взяты в приз” при Чесме¹⁵. Каждый раз дубровнические капитаны протестовали против конфискации их кораблей, пытались доказать, что, являясь гражданами нейтрального государства, они имеют право на перевозку продовольствия¹⁶. Но русское военное командование обвиняло их в том, что, кроме доставки продовольствия, они осуществляли перевозку “заповедных (т. е. запрещенных) товаров” и участвовали в военных действиях на стороне Турции. В Петербурге позиция Дубровника как нейтрального государства не была принята во внимание. Об этом свидетельствует рескрипт Екатерины II,

выданный на имя контр-адмирала Арфа 5 (16) июня 1770 г. Указав на то, что “республика Рагузская состоит под протекциею турков и дань им платит”, императрица сделала существенную оговорку: “Правда, отрекается она от качества подданной и стороною забегала уже ко двору нашему с просьбой, чтобы ее навигация от неприятельской отлична была”. Но эта просьба не была услышана Екатериной и дальше она рекомендовала адмиралу следующую модель поведения с республикой: “Сначала обходиться с ней дружелюбно, полагая, что она со своей стороны не отречется от допущения кораблей наших и от учинения им за деньги всякой потребной помощи; в противном же случае можете вы оное себе по необходимости и силою доставить, трактуя тогда рагузейские земли и мореплавание неприятельскими... но чтоб сие было сделано с согласия гр. Орлова”. Последнее условие – не простая формальность. Главнокомандующий имел уже четкие инструкции Екатерины о “крайней осторожности” в обращении с нейтральными судами¹⁷. Выполнение этих требований должно было укрепить позиции России среди “местных торгующих наций”. Однако вопреки распоряжению Екатерины II, А. Г. Орлов пошел по пути нагнетания конфликта. Под предлогом борьбы с контрабандой он приказал задерживать все транспорты, следующие по пути в Константинополь и другие турецкие города. Выполняя этот приказ, русские военные суда задержали с 1770 г. по 1774 г. 287 торговых кораблей нейтральных государств¹⁸. В ноябре 1770 г. от имени Екатерины II главнокомандующий объявил дубровницкому консулу в Ливорно, что отныне республика рассматривается как неприятельская и русскому военному флоту будет отдан приказ захватывать все дубровницкие корабли в открытом море, а к самому городу для его осады будет послана русская эскадра¹⁹. Дубровник и Россия оказались на грани войны.

Если отказаться от традиционной постановки вопроса “кто в этом виноват” и попытаться беспристрастно оценить ситуацию, то следует признать, что в возникновении этого кризиса главную роль сыграли следующие обстоятельства:

1. Накануне русско-турецкой войны 1768–1774 гг. русская дипломатия располагала весьма скупой информацией о Дубровницкой республике. В определении характера ее отношений с Османской империей преобладало ошибочное мнение о Дубровнике как вассале Порты. Это дало свои плоды уже на начальном этапе войны в 1769–1770 гг. Столкнувшись с фактами, не укладывавшимися в рамки намеченного сотрудничества с “единоверными и единоплеменными” народами Балканского полуострова, русское военное командование отнеслось к Дубровнику как к заведомо враждебному государству.

2. Дубровницкая сторона не сумела добиться от России признания ее нейтралитета в начавшейся русско-турецкой войне. Это в свою очередь объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, недооценив военную мощь России и не ожидая появления ее военного флота в Средиземном море, дубровницкие власти не обеспечили в 1769-1770 гг. беспрекословного соблюдения нейтралитета всеми дубровницкими капитанами. Во-вторых, и это более существенно, в то время еще не было единого общепринятого толкования морского нейтралитета. Под ним, как правило, понимали политику неучастия в вооруженных конфликтах – так называемый традиционный нейтралитет. В ситуации, возникшей в 1770 г. между Россией и Дубровником, проявились разные взгляды на сущность морского нейтралитета. Россия трактовала его в соответствии с положениями англо-русского Коммерческого трактата 1766 г., по которому нейтральным судам запрещалось перевозить все виды оружия, порох, сырье для его изготовления, а также воинскую аммуницию. Такой подход в целом соответствовал дубровницкому. Но, помимо этого, Россия оставляла за собой право осматривать нейтральные суда и конфисковывать их, если они везут к неприятелю “все то, что в военное время считается контрабандой”²⁰. Разное понимание морского нейтралитета способствовало углублению конфликта.

3. И наконец, сыграли свою роль обстоятельства такого порядка, которые с известной осторожностью можно назвать “роковыми случайностями”. К ним следует отнести действия дубровницких капитанов, не подчинившихся указаниям властей о безусловном соблюдении нейтралитета, что позволило русскому военному командованию расценить действия частных лиц как доказательство враждебной позиции властей республики. Еще более пагубное влияние на нагнетание обстановки имели действия главнокомандующего А. Г. Орлова, превысившего свои полномочия. Его приказ задерживать все корабли под нейтральным знаменем не только парализовал дубровницкую торговлю в Средиземном море, но и поставил двусторонние отношения на грань войны.

Таким образом, есть все основания утверждать, что русско-дубровницкий конфликт явился результатом целого ряда политических просчетов, совершенных в значительной степени из-за крайне низкой осведомленности сторон друг о друге. Благодаря энергичным действиям дубровницкой дипломатии удалось предотвратить перерастание конфликта в открытое военное столкновение²¹. В целом же, русско-турецкая война 1768–1774 гг. наглядно показала, что успех политики России на Балканах в значительной степени зависит от того, насколько полно в ней учтены особенности развития и интересы отдельных балканских народов. По отношению к Дубровниц-

кой республике главной задачей должно было стать обеспечение ее безусловного нейтралитета в случае возникновения новой русско-турецкой войны.

Реальные возможности для этого открылись с подписанием русско-дубровницкого договора 1775 г., признавшего Дубровницкую республику нейтральным государством. По настоянию России договор предусматривал открытие российского консульства и православной церкви в Дубровнике²². Договор стал принципиальной основой для конструктивного развития двусторонних отношений в будущем.

Следующий этап русско-дубровницкого сближения в конце XVIII в. пришелся на период деятельности первого российского консула в Дубровнике А. Джики (1788–1800), хотя она неоднократно критиковалась исследователями. Джикю то обвиняли в бездействии, непоследовательности в защите российских интересов, заигрывании с дубровницкой аристократией²³, то представляли российским шпионом²⁴. Но именно деятельность по накоплению, осмыслению и представлению в Россию обширнейшей информации о Дубровницкой республике представляется самой существенной стороной его двенадцатилетнего пребывания на посту российского генерального консула²⁵. Он собрал и систематизировал сведения об истории, государственном строе, внутривластном положении и экономическом развитии, международных связях республики. Достоверность этих сведений в большинстве случаев не вызывает сомнений. Сопоставление представленных А. Джикой материалов с данными из аналогичных источников того времени подтверждает это²⁶. Назовем лишь наиболее важные вопросы, в которых информация А. Джики прояснила ситуацию для российского правительства.

Первостепенное место в его донесениях занимает вопрос о характере внешнеполитических связей Дубровника с соседними государствами: Османской империей, Австрией, Венецией. Изучение этих связей было необходимо для определения международного статуса республики, ее места в политической жизни на Балканах. Нескрываемый интерес проявил российский консул к дипломатической истории Дубровника, наиболее примечательную черту которой он увидел в том, что республика “смогла избежать грустной участи всех своих соседей и сохранить свою свободу среди властных и жестоких османских деспотов”. Он точно определил суть внешнеполитических принципов Дубровника, которая состояла в том, чтобы “вовремя сменить покровителя, отдавая предпочтение более сильному”²⁷. Такими покровителями Дубровника были Византия, Венеция, Венгрия, Османская империя. Отношения с последней А. Джика определил как “протекцию” Порты, как бы подчеркивая при этом, что, в отличие от соседних земель, Дубровницкая республика зависела от султана лишь номинально и его покровительство не

препятствовало самостоятельности Дубровника. В рамках этой формальной зависимости республика пользовалась самостоятельностью во внутренней и внешней политике. В то же время покровительство султана обеспечивало ей надежную защиту от притязаний европейских государств. Российский консул весьма тонко подметил, что искусство дубровницкой дипломатии состояло в том, чтобы “прибегнуть к помощи одних (христианских государств), когда ей угрожали другие (турки); взывать к помощи турок и сделать их своей опорой, когда она боялась христианских правителей”²⁸. Проанализировав основные направления внешней политики Дубровницкой республики, российский консул пришел к выводу, что, благодаря искусной дипломатии и умелому использованию враждебных отношений Османской империи с католическими государствами – Венецией, Испанией, Австрией и римской курней, она умело сохраняла нейтралитет в их нередких военных конфликтах. Формальное покровительство со стороны Османской империи, а позже Австрии, так же как и выплата чисто символической дани Венеции и Неаполю, на деле скрывали самостоятельность республики.

Можно предположить, что реальным результатом усилий А. Джики по разъяснению сущности отношений Дубровницкой республики с Османской империей стало появление в арсенале российской дипломатии идеи о создании греческой республики “по образцу Рагузы”, которая считалась бы вассалом Порты, платила ей дань, но фактически пользовалась бы самостоятельностью во внутренних делах и правом внешних сношений. В Константинопольскую конвенцию 1800 г. по настоянию России вошло положение о том, что “Рагузская республика должна служить образцом при создании республики Семи Островов”²⁹. Следовательно, усилия А. Джики не остались незамеченными и способствовали складыванию отчетливого представления русского двора о Дубровнике и его политике.

Второй по значимости темой донесений А. Джики следует считать изучение перспектив российско-дубровницкой торговли, что предписывалось инструкцией Коллегии иностранных дел, выданной ему при назначении на должность генерального консула в Дубровнике в 1788 г. Она предлагала изучить состояние внешней торговли, ее географию, структуру экспорта и представить рекомендации о “лучшем и выгодном устройстве нашей торговли”³⁰. Эта сторона деятельности консула долгое время недооценивалась, в научной литературе существовало мнение, что он либо не интересовался экономикой, либо считал, что эти сведения не интересуют российское правительство³¹. На самом деле это не так. Материалы фонда Коммерц-коллегии опровергают эту гипотезу. Особенный интерес представляет донесение А. Джики, направленное на имя президента Коммерц-коллегии

А. Р. Воронцова в июле 1792 г., в котором содержится подробная характеристика дубровницкой внешней торговли и торгового мореплавания³². В нем А. Джика раскрыл характер торговых операций республики, которая состояла в осуществлении посреднической роли в товарообмене между балканскими владениями Турции и странами Европы. В предместье Дубровника Плоче по суше прибывали купцы из Боснии, Албании, Сербии, Болгарии. Они везли сюда шерсть, кожу, пшеницу, воск, кукурузу, кофе, шелк и прочие товары. Основная их часть скупалась дубровницкими купцами и переправлялась по морю в порты Италии: Анкону, Венецию, Геную, Ливорно, Неаполь, а также в приморские владения Австрии (чаще всего в Триест), во Францию и германские государства. Для внутреннего потребления в Дубровнике закупалась лишь небольшая часть продукции. Как правило, это была пшеница, доставлявшаяся сушей из турецких провинций, — ее перепродажа на экспорт была запрещена. Обратным путем в Боснию и Албанию через Дубровник шли самые разные товары. Российский консул называл свыше 30-ти их наименований, среди которых — американский кофе, кожа, меха, посуда, олово, свинец, индиго, сукно, мыло, мебель. Среди прочих товаров в Албанию через Анкону ввозили русский лев. По подсчетам российского консула, ежегодный торговый оборот Дубровницкой республики равнялся 200 тыс. цехинов (т. е. 32 млн. турецких грошей), причем собственные продукты составляли лишь одну треть вывоза. Это были оливковое масло и виноградное вино, вывоз которых не облагался пошлинами. Наряду с этим, традиционным для Дубровника видом торговли, А. Джика указал на возрастающее значение каботажного плавания: “Рагузские суда... ставят за лучшее плавать возле берегов от пристани до пристани, перевозя товары по Средиземному морю”. Российский консул видел реальные перспективы развития двусторонней русско-дубровницкой торговли. По его мнению, в России, несомненно, нашли бы сбыт оливковое масло, виноградное вино и сушеные фрукты из Дубровника. Республика в свою очередь была заинтересована в тех товарах, которые необходимы для кораблестроения и мореплавания: парусине, пеньке, канатах, смоле, мачтовом лесе, якорях, холсте — “всеми этими товарами рагузинцы снабжаются из чужих рук и по высоким ценам”. Известно, что эти товары составляли значительную статью экспорта России, и, следовательно, русская сторона была заинтересована в торговле ими с республикой не меньше, чем дубровницкая. А. Джика не исключал возможности превращения Дубровника в центр коммерческой связи между Россией и портами Адриатического и Средиземного морей, ведь через Дубровник возможен выход в Италию, Австрию, Далмацию, турецкие владения — Боснию и Албанию, куда “именно из Рагузы удобнее доставлять российские товары”. Не

последнюю роль в этом должно сыграть “наличие здесь хороших и спокойных гаваней, где можно починить судно, пополнить его продовольствием, найти матросов и лоцманов”. В последующие годы, по мере расширения дубровницкого торгового мореплавания, его убежденность в выгодах торговли с Дубровником усилилась. В 1795 г. консул направляет в Петербург донесение с информацией по этому вопросу: “Этот народ сейчас ослеплен значительными барышами, которые он извлекает из каботажной торговли, используя благоприятные возможности нынешней морской войны. Пользуясь полным доверием со стороны турок, они увеличивают число своих судов и, безостановочно тратя все средства, строят новые. Если война продлится еще длительное время и если флот (республики. – Н. Л.) не вызовет недовольства со стороны воюющих держав, прибыли и деньги, которые притекают в эту страну, станут бесчисленными”³³.

В донесениях А. Джики содержится довольно полная картина состояния сухопутной и морской торговли Дубровника, выявлена его роль в средиземноморской торговле. Какой же отклик нашла его информация в правящих кругах России? На специальном заседании Коммерц-коллегии в феврале 1794 г. рассматривался вопрос о необходимости расширения торговых связей с Дубровником. Было принято решение ознакомить с предложениями А. Джики Екатеринославского и Таврического губернатора П. А. Зубова и рекомендовать ему довести их до сведения купечества во вверенных ему областях. Отныне по всем вопросам, связанным с торговлей, консул должен был обращаться к П. А. Зубову³⁴. На практике налаживание русско-дубровницкой торговли оказалось весьма сложным делом. Лишь в 1802 г. были предприняты конкретные меры по ее организации. Сама же постановка вопроса о необходимости включения Дубровника в сферу торговых интересов России представляется совершенно правомерной. Спустя сто лет, когда в 90-х годах XIX в. встанет вопрос о целесообразности сохранения российского консульства в Дубровнике, известный и авторитетный исследователь славянства П. А. Ровинский выступит в его защиту и укажет на торговые интересы России в этом регионе³⁵.

В целом, период конца 80-х и 90-е годы XVIII в. в развитии контактов Российской империи с Дубровником следует охарактеризовать как время накопления информации о Дубровницкой республике в правящих кругах России. Деятельность А. Джики способствовала стабилизации двусторонних связей, выработке реалистического курса по отношению к республике, корректировке отношений с Османской империей.

Двусторонние отношения России и Дубровника в начале XIX в. развивались на фоне резкого обострения международной обстановки на Балканах,

итогом которого для Дубровницкой республики стало падение ее независимости. Усиление политической активности в этом регионе вновь привлекло пристальное внимание российского правительства к Дубровнику.³⁶ В Петербурге не только нуждались в полной и объективной информации о ситуации в республике и вокруг нее, но также в налаживании дипломатических каналов связи между командующим русской военно-морской эскадрой в Средиземном море адмиралом Ф. Ф. Ушаковым и черногорским митрополитом Петром I Негошем, а это потребовало укрепить консульскую службу в Дубровнике, через который осуществлялась эта связь. В ноябре 1801 г. генеральным консулом там был назначен Карл Фонтон, получивший инструкцию “не упускать из виду происков Венского двора, клонящегося к привлечению рагузинцев под иго австрийское”, и конкретные задания по выяснению объема и содержания дубровницкой торговли³⁷. Главный результат его деятельности в Дубровнике исследователи видят в том, что он добился открытия здесь православной церкви³⁸. Но чтобы оценить его вклад в развитие двусторонних отношений, нужно учесть, что его пребывание в Дубровнике пришлось на весьма своеобразный период истории республики. Это было время экономического бума и одновременно глубокой политической агонии. Перед консулом стояла задача использовать эту весьма противоречивую ситуацию для укрепления русского влияния в Дубровнике. Как К. Фонтон справился с этой задачей?

Первые годы XIX в. стали временем практической реализации намеченных ранее планов налаживания русско-дубровницкой торговли. Ее инициатором стал дубровницкий консул в Константинополе Ф. Кирико, получивший от российского и турецкого правительств официальные разрешения на право свободного плавания дубровницких торговых кораблей в Черном море³⁹. Первые суда закупили пшеницу в портах Одессы и Севастополя уже в 1802–1803 гг., а в 1804 г. эта торговля активизировалась. Как правило, путь дубровницких купцов в Россию начинался из Константинополя, откуда плавание до Одессы продолжалось от 4 до 8 дней, а до Таганрога – 8–10 дней⁴⁰. В июне 1804 г. при проходе через проливы было зарегистрировано 12 дубровницких кораблей, а через год – уже 46⁴¹. Так было положено начало дубровницкому торговому судоходству в водах Черного моря.

В Таганроге с момента возникновения дубровницкая торговля носила организованный характер. Интересы дубровницкого купечества осуществляли здесь специальные представители торговых компаний Антун Флорий и Мельхиор Драшкович, а также австрийский вице-консул, таганрогский купец первой гильдии Балтазар Драшкович, одесский купец Чуле, таганрогский купец Вучетич⁴². Сам факт пребывания в Таганроге представителей дубров-

нических торговых компаний показателен. В то время многие иностранные корабли из-за трудностей, связанных со сбытом товаров и отсутствия представителей в русских портах, вынуждены были идти в южные города России с баластом в трюмах⁴³. Именно решением проблемы сбыта, а также закупкой зерна занимались представители дубровнических торговых компаний: Антун Флорий – представитель мощной торговой компании Степана Керши, Мелхиор Драшкович – представитель компании Балтазара Трояна⁴⁴. Открытие дубровнических торговых представительств в Таганроге говорило не только об опытности дубровнических торговцев, но и об их серьезных планах на будущее.

Самые значительные успехи в деле организации закупок зерна были достигнуты в Одессе, куда направлялась большая часть дубровнических кораблей. Одно за другим учреждались здесь иностранные консульства – австрийское, испанское, итальянское. Показательно, что среди первых иностранных консульств в Одессе было и дубровническое⁴⁵.

В 1804 г. дубровнический консул в Константинополе Ф. Кирико обратился к губернатору Одессы А. Э. Ришелье с просьбой разрешить исполнять обязанности дубровнического консула Феликсу де Рибасу, родному брату “устроителя Одессы” Иосифа де Рибаса, майору русской службы. К сожалению, надлежащее оформление де Рибаса в должности дубровнического консула в Одессе не состоялось из-за бурных внешнеполитических событий 1806–1808 гг., закончившихся оккупацией Дубровника французскими войсками и падением его независимости. Тем не менее даже без официального оформления Ф. де Рибас исполнял обязанности дубровнического консула в Одессе вплоть до падения республики в 1808 г.

Зарождение российско-дубровнической торговли в начале XIX в. явилось подтверждением позитивной тенденции развития двусторонних отношений. Однако она была прервана вследствие внешних обстоятельств. А вот политическое сотрудничество расширить не удалось, несмотря на то, что именно в это время в Дубровнике появилась группировка дубровнической аристократии – сторонников прорусской ориентации, так называемая “русская партия”. Ее возглавил Карл Натали – сын знаменитого Иеронима Натали, дубровчанина, долгое время состоявшего на русской службе. После окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. сыновья Иеронима Натали – Петр и Карл – вернулись в Дубровническую республику, стали сенаторами. В организованную им “русскую партию” вошли также представители семейств Геталдичей, Градичей, Заманья. Но несмотря на усиление позиций России в Дубровнике в начале XIX в., его судьба уже была предрешена всем ходом развития поли-

тической ситуации на Балканах, в 1806–1808 гг. республика стала жертвой французской агрессии.

Для России ее отношения с Дубровницкой республикой были как бы побочным продуктом русско-турецкого, а в начале XIX в. – русско-французского соперничества. Рассматривая развитие русско-дубровницких связей этого периода с точки зрения событийной, мы имеем возможность убедиться в прерывистом, скачкообразном характере этого процесса. Правящие круги России проявляли активный интерес к республике лишь в периоды военных конфликтов (и их подготовки) в Средиземноморье: в годы русско-турецких войн конца XVIII в., наполеоновских войн. Но это лишь внешняя сторона. Одновременно протекал процесс накопления информации о Дубровницкой республике в кругу российских официальных лиц. Именно это позволило стабилизировать двусторонние отношения, вывести их за рамки чисто политических, начать взаимовыгодную торговлю и, наконец, включить эти знания в дипломатический арсенал России.

¹ Макушев В. В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой. М., 1865; *Он же*. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867.

² Петкович К. В. Исторический очерк сербской православной общины в Рагузе // Русская беседа. М., 1859. Т. 3. Кн. 15; Добрянский С. Ф. К истории сношений Рагузской республики с Россией в XVIII–XIX вв. М., 1909.

³ Vojnović L. Pad Dubrovnika (1807–1815). Zagreb, 1908. Knj. 1–2; Foretić V. Povijest Dubrovnika do 1808 g. Zagreb, 1980. Knj. 2; Mitić I. Dubrovačka država u međunarodnoj zajednici (od 1358 do 1815). Zagreb, 1988; Ivančević V. Prilog poznavanju dubrovačkog pomorstva u razdoblju francuskog zaposjedništva (1806–1813) // Anali Histozijskog Instituta u Dubrovniku. Dubrovnik, 1979. Sv. XVII. S. 365–430 (далее – Anali).

⁴ Русский архив. М., 1871. N 9. Стлб. 1327, 1329. Сборник Русского исторического общества (далее – Сборник РИО). СПб., 1867. Т. 1. С. 7–8.

⁵ Опис турских области, и у њима хришћанских народа, а нарочито народа српскога, состављен год. 1771 српским патријархом Василијем Бркићем // Споменик Српској Краљевској академији. Београд, 1891. Т. X. С. 40–66.

⁶ Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 г. М., 1986. С. 12–28; Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 52; Фрейденберг М. М. Дубровник и Османская империя М., 1989. С. 240–246.

⁷ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 12–17.

⁸ Русский посол в Стамбуле П. А. Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., 1985. С. 92–93.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1753. Д. 4. Л. 209–210.

¹⁰ *Mović-Perić V. Fermani Dubrovačkim pomorcima* // *Anali*. 1989. Sv. XXVII. S. 149–150.

¹¹ *Фрейденберг М. М.* Дубровник и Османская империя. С. 227–229.

¹² АВПРИ. Ф. Сношения России с Пагузой. Оп. 59/1. 1792 г. Д. 1. Л. 45, 47 об; *Novak M. Dubrovnik u drugoj polovici 18st.* // *Anali. Dubrovnik*, 1978. Sv. XV–XVI. S. 138.

¹³ *Добрянский С. Ф.* С. 14–15.

¹⁴ *Jireček K. Poselstvi republiku Dubrovnícke k císařovně Kateřině II v l. 1771–1775. Praha*, 1893. S. 28; *Foretić V. Povijest Dubrovnika. Knj. 2.* S. 256–257.

¹⁵ *Макушев В. В.* Материалы для истории... С. 21; *Добрянский С. Ф.* Указ. соч. С. 16; *Морской сборник*. СПб., 1853. Т. 9. С. 282.

¹⁶ *Ivančević V. Luka Livorno i Dubrovačke brodovi za prvog rusko-turskog rata (1768–1774)* // *Pomorski zbornik. Zagreb*, 1962. Sv. II. S. 1727. notae 21.

¹⁷ *Сборник РИО*. Т. 1. С. 123–124, 130.

¹⁸ Там же. С. 56–57; *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 г. СПб., 1874. Т. 3. С. 282–283.

¹⁹ *Дубровачка акта и повеле. Београд*, 1951. Кн. 5. N 289. С. 408.

²⁰ *Коммерческий трактат 1766 г.* опубликован в сб.: *Россия и США: становление отношений. Сб. документов*. М., 1980. С. 61; *Сборник РИО*. Т. 1. С. 23; *Pravilnik Dubrovačke republike o nacionalnoj plovidbi 1745 g.* // *Građa za pomorsku povijest Dubrovnika. Dubrovnik*, 1972. Knj. 5. S. 84.

²¹ См. об этом: *Ivančević V. O dubrovačkom diplomatu Franu Ranjini (1713–91)* // *Historijski zbornik. God. XXV–XXVI (1972–1973). Zagreb*, 1974. S. 203–228.

²² *Акта*. № 329. С. 475.

²³ *Макушев В. В.* Материалы... С. 42–43; *Петкозич К. В.* Указ. соч. С. 9.

²⁴ *Mitić I. O konzularnim i pomorsko-trgovačkim vezama Dubrovačke republike i Rusije krajem XVIII i početkom XIX st.* // *Dubrovačke horizonti. Zagreb*, 1987. Br. 27. S. 105.

²⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Пагузой. Оп. 59/1. 1789–1800 гг.; РГАДА. Ф. 276. Коммерц-коллегия. Оп. 1. Д. 368.

²⁶ *Le Mair Andre Alexandre. O Dubrovníku i dubrovčanima u sedamdesetim godinama XVIII st.* // *Anali. Dubrovnik*, 1957–1959. Sv. VI–VII. S. 267–282; *Idem. Dubrovnik u drugoj polovici XVIII st.* // *Anali. Dubrovnik*, 1978. Sv. XV–XVI. S. 137–179.

²⁷ *Джика А.* Описание Дубровницкой республики. Л. 40 об., 46.

²⁸ Там же. Л. 47–49 об.

²⁹ См. об этом: *Станиславская А. М.* Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. С. 65, 128, 138; *Внешняя политика России (далее – ВПР). Серия первая*. М., 1960. Т. 1. С. 667.

- ³⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Рагузой. Оп. 59/1, 1788 г. Д. 1. Л. 4.
- ³¹ *Mitić I.* Op. cit. S. 105; *Фрзйденберг М. М.* Русский консул в Дубровнике в конце XVIII в. // Югословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С. 179.
- ³² РГАДА. Ф. 286. Коммерц-коллегия. Оп. 1. Д. 368. Л. 44.
- ³³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Рагузой. Оп. 59/1. 1795. Д. 1. Л. 19 об.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 368. Л. 39 об.
- ³⁵ Архив АН. СПб. отделение. Ф. 123. П. А. Ровинский, этнограф (путешественник) и славист. 1831–1916 гг. Оп. 1. Д. 73.
- ³⁶ РГА ВМФ. Ф. 192. Походная канцелярия адмирала Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море. 1798–1800 гг. Оп. 1. Д. 16. Л. 61–63.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 276. Коммерц-коллегия. Оп. 2. Д. 371. Л. 6–11.
- ³⁸ *Макушев В. В.* Материалы... С. 43–45; *Петкович К. В.* Указ. соч. С. 10–11.
- ³⁹ ВПР. Серия первая. Т. 1. С. 174; *Mitić I.* Op. cit. S. 100.
- ⁴⁰ *Сикар Г.* Письма об Одессе. СПб., 1818. С. 81. РГИАЛ. Ф. 13. Коммерц-коллегия. Оп. 2. Д. 712. Л. 5 об.
- ⁴¹ *Ivančević V.* Pomorsko-trgovinske veze starog Dubrovnika s rusko-crnomorskim lukama // Pomorski zbornik. Zadar, 1967. Knj. 5. S. 515.
- ⁴² *Трегубов Н.* Замечания о гаганрогском порте и производимой в оном торговле до 1802 г. // Северный архив. 1822. Ч. 2. С. 426.
- ⁴³ *Ivančević V.* Stjepan Kersa Antunov – dubrovački brodovlasnik // Anali. Dubrovnik, 1983. Sv. XXI. S. 215–216.
- ⁴⁴ *Ivančević V.* Baltazar Trojani. Dubrovački veletrgovac na razmeđu 18 i 19 st. // Naše more. 1971. Br. 1. S. 25–26.
- ⁴⁵ Сборник РИО. Т. 54. С. 9

Османская империя начала XVIII в. и преобразования Петра I в России (военный аспект)

Османская империя XVII в. — мощная держава и, хотя признаки упадка уже давно не были секретом для внимательных иностранных наблюдателей, да и для самих турок, до поражения под Веной (1683 г.) она воспринималась еще как непоколебимая твердыня. Наступавший после этого события перелом в сознании европейцев можно охарактеризовать как исчезновение средневекового “турецкого страха” и переход от тревоги, “что сделают с Европой турки” к размышлениям о решении “турецкого вопроса”. Россия в том же XVII в. находилась в более сложном положении, чем Османская империя: ее теснили западные соседи, на юге еще приходилось откупаться от крымских татар. Сравнение с реалиями жизни на Западе, опыт общения с европейцами породили в России “страшные слова” — “у них лучше”. “Страшными” назвал эти слова русский историк С. М. Соловьев, поскольку они “необходимо указывали на приближающееся время заимствований, учения, время духовного ига, хотя и облегченного политической независимостью и могуществом, но все же тяжелого”¹. Россия при Петре I уже не стала пренебрегать “самопознанием и деятельностью”², а сделала огромный шаг навстречу Западу. Для Османской империи встать на путь подобных преобразований было гораздо сложнее.

Христианская Россия была привлечена в “Священную лигу” (1684–1699 гг.), которая была задумана как “крестовый” поход против турок-мусульман. Османские султаны при восхождении на престол по-прежнему обещали янычарам “встретиться в стране Золотого яблока”, т. е. подтверждали решимость бороться с христианами. Россия с населением, усвоившим такую христианскую добродетель, как терпение, и хорошо знавшим, что гордыня греховна, была более расположена освободиться от “китаизма”, т. е. от высокого самомнения и презрительного отношения к другим народам, более способна “прояснить сознание о собственных недостатках и достоинствах других народов”³, чем Османская империя, с момента своего возник-

новения ощущавшая себя победоносным государством в войне с “неверными”, учиться у которых мусульманам вообще не пристало. Естественно, что неприятие Османской империей Запада было гораздо сильнее, чем у России, а между тем отношение к нему становилось показателем способности к преобразованиям.

Итак, в силу того, что Османская империя к началу XVIII в. оставалась достаточно мощным государством с сильной армией и духовно отстояла от Запада дальше, чем Россия, ее правящей верхушке было очень сложно преодолеть инерцию мышления и усвоить уроки поражений от “европейского” оружия, “признать превосходство Запада”⁴ до такой степени, чтобы заставить себя “примерить западные одежды”.

Преобразования Петра I (в Турции его называли “Дели”, т. е. “Безумный” или “Яростный”, но чаще “Бюйюк” – “Великий”) вызвали не только тревогу Порты (на первых порах значительно ослабленную поражением русских войск на Пруте в 1711 г.), но и ее растущую заинтересованность. В 1732 г. турецкий первопечатник И. Мютеферрика выпустил книгу, которая увидела свет в русском переводе в 1777 г. (СПб.) под названием “Изображение тактики, или Искусный образ войск установления”, а в уточненном переводе – “Основы мудрости в устройстве народов”. Русский перевод получил известность в Европе и содержал призыв к султану (по форме это было рисале – “поучение” или “зерцало”) и вообще к мусульманам “очнуться от сна беспечности”, “прекратить пребывать в невежестве”, оставить “ярый фанатизм” и “заняться собиранием сведений о всех сторонах жизни христиан”⁵. Большая часть книги посвящена военному делу (в XVIII в. ее и воспринимали за пределами Османской империи как пособие для его изучения): разбирались причины, по которым “презренные гяуры”, “люди ада”, т. е. христиане, научились одерживать победы над войсками “непобедимой” Порты. Книга И. Мютеферрики явилась важнейшим “документом европеизации” Османской империи и по сути дела содержала программу будущих реформ страны с использованием европейского опыта.

В качестве успешного примера подобного заимствования турецкий первопечатник рассказывает о деятельности Петра I – “умного и ученого монарха”. Петр I изучил состояние разных народов, их государственные законы и, главное, организацию армий. В короткое время он создал мощную армию и добился усиления своей державы, привлекая на службу опытных в военном искусстве иностранцев. При помощи мастеров из Англии и Голландии Петр I создал мощный флот на Балтийском море, построил корабли на Каспийском море и т. д.⁶

Порта, конечно, имела сведения о преобразованиях Петра I из разных источников, в том числе одного весьма авторитетного. В 1709 г. султан предоставил убежище разбитому под Полтавой Карлу XII, который вместе со своей свитой приложил огромные усилия для вовлечения Османской империи в войну против России. Порта получила массу информации об усилении русской армии и опасности, которую она представляет или будет представлять для Турции. Шведский король и его окружение сыграли немалую роль в развязывании русско-турецкой войны 1710–1711 гг., однако добиться доверия Порты он не смог по многим причинам и по существу так и остался для нее лишь одним из правителей-“гяуров”, т. е. людей лживых и недостойных доверия.

Шведская “партия” попыталась предложить свои услуги в качестве военных советников. Личный представитель Карла XII – Станислав Понятовский в ноябре 1710 г. предложил султану через великого везира (садразам) Балтаджи Мехмед-пашу “проект с указанием на то, как сделать турецкие войска регулярными и непобедимыми”. Австрийский посол Леопольд фон Тальман, сообщивший своему правительству об этом проекте, доносил также, что французский посол граф Дезалье́р “похваляется, что более всего способствовал этому”⁷. Тальман, выражая большую тревогу по поводу возможного усиления османов, писал: “Если турецкие войска под шведским руководством переймут европейские правила ведения войны, оттоманская держава вновь окажется страшной опасностью для христианства”⁸. Опасениям Тальмана не суждено было сбыться, поскольку великий везир Балтаджи Мехмед-паша не принадлежал к сторонникам каких-либо преобразований в государстве или армии; не сидели без дела австрийские и русские дипломаты, а позиции Франции еще не были так сильны, как при последующих везирах. Никаких последствий этот “проект” не имел, однако остался в истории как первое “западное” предложение о реформировании османской армии. Иностранцы (окружение “последнего рыцаря Европы” Карла XII) предлагали Порте не какое-либо новшество для армии, а ее структурное изменение, введение новой тактики или уставов (“европейских правил”).

Однако вернемся к важнейшему “документу европеизации” – книге И. Мютеферрики. История ее появления весьма показательна: она явилась плодом “интернационального” сотрудничества. Сам первопечатник был уроженцем Трансильвании и принял ислам уже в зрелом возрасте. В Османской империи он состоял на государственной службе (мютеферрика, по определению Гаммера, – гофкурьер) и, в частности, много лет осуществлял связь между Портой и Ф. Ракоци, руководителем антигабсбургской освободительной войны венгров в 1703–1711 гг. Ф. Ракоци приехал в Османскую

империю во время австро-турецкой войны 1716–1718 гг. и находился здесь до самой смерти в 1735 г. Он и его приближенные составляли небольшую венгерскую эмиграцию, которая надеялась на освобождение Венгрии от Габсбургов с помощью турок. Предполагалось, что он займется организацией армии, состоящей из венгров, куда входил бы и турецкий корпус, для борьбы с Австрией. Война вскоре окончилась поражением Турции, и он стал лишней фигурой в международной политике Порты. Между тем Ф. Ракоци мог бы стать одним из зачинателей преобразований в османской армии. Как сообщал в Петербург русский посланник И. Неплюев в 1726 г., “князь Рагоцкий” обратился к Порте с предложением об организации воинского корпуса из венгров, запорожцев и албанцев для боев на персидском фронте. “Учрежденный регулярно”, т. е. по-европейски, этот корпус мог бы продемонстрировать преимущества обученного и дисциплинированного войска и стать полезным на европейском театре. Естественно, что подобный контингент в османской армии способствовал бы ее модернизации. И. Неплюев писал, что предложения Ф. Ракоци не были приняты, поскольку “то по состоянию здешняго народа без крайней нужды учиниться не может”⁹. Его вывод справедлив, однако создание такого корпуса немедленно обострило бы отношения с Австрией, что в условиях тяжелой войны с Персией могло лишь усугубить общее тяжелое положение государства. Одним словом, Порта не захотела (или не могла) использовать венгерскую эмиграцию для борьбы с Австрией или для преобразований собственной армии. Тем не менее эти идеи уже “носились в воздухе” и, несомненно, подготовили фон, на котором и возникла книга И. Мютеферрики.

Надо сказать, что в европейских странах вообще существовало мнение (или надежда) о готовности османской верхушки к преобразованиям по типу петровских. Некоторые основания для этого существовали (зарождение турецкого книгопечатания, расширение контактов с западными странами, активный перевод на турецкий язык книг иностранных авторов и т. д.), но воспринимать подобные явления как аналогии происходившему в России следует очень осторожно.

В случае поворота Османской империи, подобно России, лицом к Западу для предприимчивых людей в Европе открывалось новое поле деятельности. Известны имена двух представителей протестантских общин, предлагавших Порте свои услуги в различных областях. Выходец из Саксонии, богослов и врач Иоганн Фридрих Бахштрот (в Турции в 1728–1729 гг.) привез проект создания Медицинского и физического общества¹⁰, но его обращение к османским властям осталось без отклика. Более известен проект французского пехотного капитана Рошфора, представителя одной из протестантских об-

щин Франции, о создании протестантских колоний и “корпуса военных инженеров”. В проекте были учтены относительная веротерпимость султанского правительства и разнородность населения империи: производственные колонии, призванные помочь в развитии различных ремесел и “наук”, в устройстве шелковых мануфактур и прочего, предполагалось разместить в Молдавии и Валахии, где доминировало христианское население. В качестве “идеологического” обоснования Рошфор приводил обычные аргументы в пользу близости протестантизма и ислама: неверие в святых, отсутствие икон или статуй в храмах и т. д. Проект корпуса военных инженеров, по Рошфору, предусматривал создание при османской армии двух рот, состоявших из минеров, саперов и кузнецов. С помощью офицеров-протестантов (согласно проекту, они сохраняли вероисповедание и даже имели бы своего капеллана) османский состав проходил бы 5-недельную подготовку по геометрии, механике и фортификации, а весной проводили учения на полигонах по штурму крепостей, созданию полевых оборонительных сооружений, для совершенствования минного дела и т. д. Летнее время отводилось также для занятия картографической съемкой, разработки проектов различных сооружений. Рошфор обещал, что через несколько лет каждая янычарская орта (рота) и другие подразделения турецкой армии получат значительное число отечественных инженеров (саперов)¹¹.

Даже если бы Порты сама намеревалась создать именно такое подразделение в своей армии, то и в этом случае проект Рошфора не мог рассчитывать на успех: его автор был никому не известен, не пользовался поддержкой. Не допускать выезда гугенотов из Франции имел инструкции его соотечественник – французский посол маркиз де Боннак; появлением Рошфора была обеспокоена и Австрия, получившая сообщение о нем от своих агентов (из-за войны она не имела представительства в Стамбуле). Две известные (не исключено, конечно, что их было больше) попытки протестантов обосноваться в Османской империи закончились ничем. Однако направление на создание военной школы, как выяснилось через несколько лет, было выбрано вполне реально.

Здесь необходимо вновь вернуться к сочинению И. Мютеферрики. Основная его часть, как было уже сказано, посвящена военным вопросам и написана со знанием дела, так как сотрудником И. Мютеферрики был профессиональный военный Александр Клод де Бонневаль, один из самых известных авантюристов XVIII в.¹²

История его появления в Османской империи поистине приключенческая. Французский граф, дальний родственник Бурбонов, прославившийся в войне за испанское наследство, он вызвал на дуэль всесильного генерального

контролера Шамильера и перешел на сторону противника – Австрии. Под знаменем Евгения Савойского он вновь прославился в войне против турок (Ж.-Ж. Руссо посвятил оду его подвигу под Петроварадином в августе 1716 г.), за что его простили на родине. После войны он вступил в конфликт с австрийскими властями, что стало причиной его годичного заключения (хотя могло окончиться виселицей). И тогда Бонневаль объявил Евгения Савойского и весь австрийский правящий дом своими врагами и составил план расчленения дунайской монархии с помощью восстаний в Венгрии, Трансильвании, Валахии и других местах, поддержанных Францией и Османской империей.

Спасаясь от преследования австрийцев, Бонневаль бежал в османские владения и после принятия ислама был принят на службу. Тянулись долгие месяцы ожидания аудиенции у великого везира, во время которых он подготовил много разных “записок” (некоторые из них хранятся в АВПРИ) для османской верхушки о политической и военной ситуации в Европе, о состоянии европейских армий, о современных способах ведения войны, о том, как модернизировать османскую армию и т. д. По некоторым данным, он занимался в Боснии поисками золота и обнаружил залежи каменного угля; составлял какие-то технические проекты (в прошлом он зарекомендовал себя как способный инженер). Наконец, ему удалось приехать в столицу, а в 1732 г. устроить (с помощью нескольких находившихся при нем офицеров) показательное метание ручных гранат и испытание еще каких-то взрывных устройств. Испытания прошли успешно, и Бонневаль – теперь он именовался двухбунчужным Ахмед-пашой – получил вознаграждение от султана и разрешение на организацию гренадерской роты. Поначалу он с помощью нескольких своих соотечественников взялся за обучение “по-европейски” (т. е. так, как проходило обучение в хорошо знакомых ему французской и австрийской армиях) около 1000 человек, затем его “корпус” увеличился до 4000 человек. Занятия проходили в Скутари, на азиатском берегу Босфора (подальше от глаз янычар). В дальнейшем этот состав был отправлен на персидский фронт, где показал неплохую выучку, а также использовался в начавшейся войне с Австрией.

В 1734 г. Бонневаль получает разрешение на организацию первого в истории Османской империи военного учебного заведения с “европейской” программой: это была артиллерийская школа под названием “Хендесхане” (Дом геометрии или Инженерный дом, в Европе ее называли Математическим корпусом). Вполне возможно, что за образец были взяты полковые артиллерийские школы, появившиеся во Франции в конце XVIII в.¹³ Известно, что Бонневаль руководил этой школой до самой смерти в 1747 г.

Мы не будем останавливаться здесь на роли Бонневалья в австро-турецкой войне 1737–1739 гг. – в его лице Порты приобрела опытного военного и политического советника, знатока австрийской армии. Скажем только, что на австрийском фронте османы добились впечатляющего успеха.

Обратив внимание на малоизвестные факты предыстории “европеизации” Турции, на схожесть этих явлений с происходившими переменами в России, необходимо отметить, что в изучаемое время разница между историческими путями обоих государств была очевидна (Россия усиливалась и расширялась, Турция слабела и теряла свои владения). Именно поэтому менее заметна общая тенденция их развития. Процесс реформ в России получил широкую огласку, а сходные явления у османов проходили подспудно или как бледное подобие петровских преобразований. Однако следует учитывать совсем разное положение обоих государств, неодинаковые “стартовые” условия при вступлении в процессы европеизации.

Можно пояснить положение Османской империи следующими сопоставлениями: поражения конца XVII в. сменились для Порты Прутским успехом 1711 г., когда один сильнейший монарх Европы был фактическим ее пленником (хотя и почетным), а другой – чудом избежал османского плена. Далее Порты, в нарушение Карловицкого договора 1699 г., берет реванш у Венеции и, несмотря на поражение от Австрии, удерживает Морею. Между 1718 г. и 1736 г. начинается некоторая активизация военно-реформаторской деятельности – вплоть до создания корпуса гренадер и школы Бонневалья. С 1736 г. Порты вступает в новую, победоносную для нее войну с Австрией, на итоги которой очень мало повлияли поражения от российских войск. (Позволим себе высказать предположение, что успешная для Порты война 1737–1739 гг. стала для нее и главным препятствием на пути военных реформ). Одним словом, борьба с “европейскими” или “по-европейски” обученными армиями шла еще с переменным успехом. Сторонники же реформ не имели еще “критической массы” аргументов в пользу коренных преобразований. В этом отношении примечательна книга И. Мютеферрики “Изображение тактики”, которая в сжатом виде содержала обоснование и программу “модернизации” Османской империи.

И, наконец, отметим активность Запада в процессах преобразования в обоих государствах. Широкое участие европейцев в военных реформах Петра I известно, аналогичные явления у османов менее заметны, да и скрывались (переход Бонневалья на сторону турок был “европейским” скандалом), хотя на военной службе у Порты всегда было немало иностранцев. В начале же XVIII в. ей начинают предлагать целые проекты, причем даже царственные особы (Карл XII), а основное западное влияние шло через Францию

(позиции ее дипломатии обязан Бонневаль своему успеху), и “христианнейший король” не останавливался перед помощью “врагам веры” – мусульманам, воздерживаясь лишь от формальных союзов с Портой. Мощным катализатором западной помощи, да и будущих османских реформ в целом, явилось усиление России.

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VII. С. 135.

² Выражение Ф. Шлоссера о причинах упадка Франции // Шлоссер Ф. К. История XVIII столетия и XIX до падения французской империи. СПб., 1858. Т. 1. С. 19.

³ Соловьев С. М. Указ соч. С. 155.

⁴ Типауа Т. Z. Türkiyenin siyasi hayatında batılilâşma hareketi. İst., 1960. S. 19.

⁵ Ибрагим Мютеферрика. Усул ал-хикам фи низам ал-умам (Основы мудрости в устройстве народов) / Перевод, вступ. статья и примеч. Ю. А. Каменева // Письменные памятники Востока. М., 1984. С. 132–133.

⁶ Ибрагим Мютеферрика. Указ. соч. С. 153.

⁷ Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). М., 1977. С. 84.

⁸ Там же. С. 87.

⁹ АВПРИ. 1726 г. Д. 6. Л. 344.

¹⁰ О нем см.: Ulrich H. Johann Friedrich Bachstrom // Euphoriön. Leipzig und Wien, 1909. Bd. 16. S. 28–58, 320–349.

¹¹ Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1831. T. VIII. S. 476; Benedict H. Der Pascha-graf Alexander von Bonneval, 1675–1747. Graz-Köln, 1959. S. 154–155.

¹² Краткие сведения о нем см.: Витол А. В. А.-К. Бонневаль – основатель первой турецкой военной школы // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1985. Ч. 1. С. 111–114.

¹³ Витол А. В. Указ. соч. С. 113.

Черное море: “русские берега у турецкого озера”? (Заметки о XVIII веке)

Целое поколение турок-османов, родившееся в 1740–1750-х годах, до седых волос не знало мирной жизни. Войны внешние и военные экспедиции в разные внутренние области великой империи полностью поглотили это поколение, да и не только в Османской империи. Султаны и Порты все еще верили в решающее слово ятагана.

Вместе с тем последнее тридцатилетие XVIII в. явилось для правящих кругов Османской империи временем серьезной переоценки внешнеполитического курса. Выпадали из-под контроля целые регионы империи; это происходило под воздействием роста антитурецких освободительных движений, иностранного вмешательства, сепаратизма правителей отдаленных областей, нередко вступавших в прямые контакты с державами за спиной Высокой Порты.

На протяжении XVIII в. Османская империя оставалась, наряду с Польшей и Швецией, одним из трех опорных столпов в политике Парижа. В свою очередь Высокая Порта видела во Франции традиционного союзника. В Константинополе внимательно следили за распространением британского влияния в империи Великих Моголов. Еще более опасным для Высокой Порты, считавшей себя единовластной “владычицей Черного моря в качестве турецкого озера”, было твердое стремление России получить проход через Черноморские проливы и разрушить османскую гегемонию в Причерноморье. В этом бескомпромиссном столкновении Высокая Порта рассчитывала прежде всего на поддержку Франции, с полным основанием считая ее естественным противником Англии в сопредельных туркам странах Востока и одновременно – противником России в стремлении той к Черному и Азовскому морям и далее – в Средиземное море¹.

Дипломатические отношения Высокой Порты с Парижем строились на основе односторонне дарованных Портой державам привилегий – капитуляций, воплощавших основные принципы наибольшего благоприятствования.

Нараставшее экономическое отставание Османской империи от западноевропейских стран, а также значительно меньшая, чем в странах Дальнего Востока, но проявлявшаяся вполне определенно тенденция к самоизоляции в области науки и культуры, наконец, военные неудачи конца XVII – первой половины XVIII в. – все это отнюдь не способствовало выработке стабильных приемов и методов османской политики.

Международно-правовые нормы и обычаи сношений между западными державами и суверенными государствами Востока строились в эту эпоху на основе прецедентов и традиций. Османская империя не составила исключения. Однако расширение политических связей с европейскими державами с середины XVIII в. требовало соответствующего дипломатического обеспечения. Отсутствие постоянного представительства Османской империи в европейских столицах не могли заменить специальные посольства по конкретным поводам ко дворам европейских монархов. Отчеты послов – скорее литературные произведения, чем строгие дипломатические документы, – не давали Порте всесторонней информации об изменениях в политике держав. Посланники западных держав в Константинополе давали султану и Порте выгодную для своих держав информацию, не гнушаясь дезинформацией. Маневрирование в весьма узких пределах профранцузской ориентации приносило Османской империи в первой половине XVIII в. столь же мало пользы, как и военное участие в борьбе за австрийское наследство в 1740-х годах и закулисные дипломатические комбинации периода Семилетней войны (1756–1763 гг.).

С точки зрения диагностики конфликта России и Турции, связанного с черноморскими проблемами можно сказать, что невыработанность внешнеполитического курса Турции и участие в военных столкновениях в Европе, как правило, бесконечно далеких от подлинных интересов страны, отражали общую отсталость империи Османа, кризис центральной власти и падение авторитета султанов, быстро сменявших друг друга и подпадавших под влияние противоборствующих дворцовых группировок. Во второй половине XVIII в. для внешней политики Османского государства основное значение приобрела борьба за возврат или сохранение отдаленных областей империи, прежде всего в Европейской (Балканской) Турции, за укрепление основного ядра османских владений в Малой Азии; наконец, за сохранение военного и хозяйственного (дань, торговля на особо выгодных условиях) влияния на вассальных землях Северного Причерноморья и Кавказа.

Подобные целевые установки политики Порты расходились с интересами ее временных западноевропейских партнеров по всем направлениям, кроме одного – северного. Жизненные интересы России требовали защиты

безопасного развития южнорусских и центральных областей, выхода к Черному морю. Частичное совпадение интересов Османской империи с интересами Англии и Франции заключалось в противодействии этих держав дальнейшему превращению России в мощную морскую державу, обладавшую к тому же возможностью оказывать через общность православной религии влияние на судьбы находившегося под османским управлением православного населения в Юго-Восточной Европе.

Вместе с тем англо-французский антагонизм и затем англо-русские противоречия (90-е годы XVIII в.) оставляли османской дипломатии большую свободу для маневра и выбора союзников, для создания определенных условий безопасности во имя решения внутривосточных задач. Формирование внешнеполитического курса Османской империи в целом, и в отношении России в частности, затянулось на многие десятилетия. Оно совпадало с глубинными процессами преобразований эпохи Селима III (1789–1808) и Махмуда II (1808–1839), отражало их во многом непоследовательный и противоречивый характер. При этом в Константинополе хорошо понимали исключительную важность османских территорий – моста из Западной Европы в Восточную Африку и Индию, на Дальний Восток.

Пути колонизаторов на Средний и Дальний Восток, равно как и рынки Юго-Восточной Африки и Леванта держала в своих слабевших руках Высокая Порта. Поглощенные борьбой в отдаленных колониях Канады, Вест-Индии и Ост-Индии Англия и Франция в конце XVIII в. заботились скорее о нейтральности Порты и сравнительной налаженности османами путей к индийскому, персидскому, восточно-африканскому рынкам, чем к захвату Османской империи. Западные державы видели в ней перспективный резерв дальнейших колониальных разделов и комбинаций и одновременно преграду активной ближневосточной политике России.

Однако Османская империя неизменно сохраняла положение субъекта международных отношений, а ее дипломатия сумела на рубеже XVIII и XIX вв. приобрести определенную гибкость. Во второй половине XVIII в. Порта все еще самостоятельно определяла главные приоритеты своей внешней политики и пути их достижения, включая военные меры. При этом территориальная целостность и успех внутренних преобразований приходились на период союзных и дружественных отношений с Россией. Обострение внутреннего кризиса, как правило, было следствием очередной войны в коалиции или под воздействием западноевропейских держав, что в полной мере проявилось в период войн 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг.

Взаимоотношения Порты с западноевропейскими державами и с Россией во второй половине XVIII в. развивались в рамках Восточного вопроса или,

как пишут турецкие историки, “Западного вопроса” с позиций Османского государства.

В контексте исторической конфликтологии Восточный вопрос понимается как условный собирательный термин группы противоречий и проблем в истории международных отношений последней трети XVIII – начала 20-х годов XX в. Оформление его как узловой внешнеполитической проблемы западных держав, Турции и России относится к 60–80-м годам XVIII в. Общемировым фоном развития Восточного вопроса были: промышленный переворот в Англии, Франции, позднее Австрии и России, зарождение индустриального общества на покоренных турками-османами территориях в Юго-Восточной Европе и национально-освободительные движения здесь, наконец, реформаторское движение в Османской империи, уходящее истоками на Балканы, и ее вовлечение (поначалу лишь наиболее развитых балканских и левантйских периферий) в мировые хозяйственные связи и в мировое разделение труда. В рамках Восточного вопроса выделяются три основные составные части:

1. Взаимодействие Турции с Россией и с европейскими державами (впоследствии и с США) по поводу османского господства прежде всего на Балканах, в Черноморских проливах и на Леванте.

2. Политика статус-кво России и других великих держав в отношении так называемых контактных зон на Балканах, где османское владычество соприкасалось с территориями или владениями держав.

3. Национально-освободительные и религиозные движения нетурецких народов Османской империи, находившие в определенные периоды помощь и поддержку со стороны России, в иные периоды – других держав.

Отличительной чертой Восточного вопроса были его исключительный динамизм, определявшийся многообразием и противоречивостью интересов всех его участников, асинхронностью исторического развития процессов в Европейской Турции и на других территориях империи османов, нараставшим стадийно-формационным разрывом между державами, с одной стороны, и Османской империей, с другой.

* Содержание и периодизация Восточного вопроса даны по статье В. И. Шеремета в кн.: Отечественная история с древнейших времен до 1917г. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 408. Графическая модель Восточного вопроса разработана Л. В. Зелениной и опубликована в кн.: Шеремет В. И. Босфор. М., 1995. С. 69–70.

Поливариантность проектов решения Восточного вопроса Россией, Турцией и всеми другими заинтересованными сторонами, а ими были по существу все европейские государства (включая с середины XIX в. и малые – Швецию, Данию, Испанию и др.), и несовпадение общеевропейских исторических вех с региональными делают крайне условной его периодизацию: I этап – с 60-х годов XVIII в. до Венского конгресса 1815 г.; II этап – до Парижского мира 1856 г.; III этап – до окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; IV этап – до окончания первой мировой войны и революций – 1917 г. в России и 1918–1923 гг. в разгромленной и распавшейся Османской империи.

На I этапе Восточного вопроса Россия обеспечила своему торговому флоту постоянный выход в Черное и Средиземное моря, оградила свои политические и экономические интересы в Северном Причерноморье; в 1799–1805 гг., в период действия русско-турецкого союзного договора, первой из великих держав получила право прохода своих военных кораблей через Проливы; получила и реализовала право на покровительство христианскому православному населению Османской империи; право покровительства Сербии и Дунайским княжествам; признание Турцией и державами де-факто политики России на Северном Кавказе и в Закавказье. В свою очередь мирные (с 1791 г.) и союзные (в 1799–1806 гг.) отношения с Россией обеспечили Османской империи успех начального этапа реформ Селима III и помогли устоять под ударом Наполеона Бонапарта в 1798–1799 гг.

Что касается османских государственных деятелей эпохи зарождения Восточного, или Западного, вопроса, то они, как и долгие годы спустя турецкие авторы, акцентировали лишь одно, “русское” направление в политике Порты 1760-х–1800-х годов, сводя к нему и основное содержание указанной проблемы. “Западный вопрос” сузился до военной борьбы с Россией.

Борьба с Россией трактовалась как основное направление внешней политики Высокой Порты. Ключевым был вопрос о выходе России в Черное море, к Босфору и Дарданеллам. Возникал своеобразный “порог страха” в кругах, ответственных за принятие решений на государственном уровне.

Османская империя осуществляла противодействие России на двух направлениях: через Крым, с помощью Крымского ханства, и через Северный Кавказ и Каспийское побережье при поддержке некоторых ногайских и кабардинских правителей, беков и ханов Северного Кавказа и Закавказья.

Наиболее важным направлением политики Порты в этот период было европейское и крымско-черноморское. Во-первых, реальная власть Константинополя на европейских территориях империи вблизи границ Австрии, России и других держав была слабее, чем, например, в Малой Азии, и для ее

укрепления были необходимы решительные и более срочные меры как в отношении своевольных пашей и аянов, так и в отношении бунтующей райи, т. е. подданных-христиан. Решать эти проблемы было привычно для Порты в ходе военных действий в Балканской Турции с помощью местных мусульманских ополчений и переброски янычарских и сипахийских формирований из других регионов. Кроме того, Мустафа III (1757–1774), как и его ближайшие предшественники, стремился играть, по словам видного турецкого историка Акдеса Н. Курата, если не ключевую, то, по крайней мере, значительную роль в Центральной и Юго-Восточной Европе².

Наиболее благоприятным предлогом для участия в европейских конфликтах было, в глазах Мустафы III, нестабильное положение в Польше. Турецкие историки султанской эпохи поддерживали тезис о защите Османской империей независимости и неделимости Польши как главной причины войны с Россией в 1768–1774 гг. При этом Барские конфедераты описывались как “истинные патриоты Польши и примерные реформаторы”. В действительности, речь шла о частичном и временном совпадении интересов наиболее агрессивной части правящих кругов Османской империи и участников Барской конфедерации из числа магнатов старошляхетской формации. Эти силы надеялись отторгнуть в союзе с Францией и Турцией часть восточноукраинских земель от России. По инициативе участников Барской конфедерации Мустафа III подписал в конце 1768 г. секретное соглашение о передаче Подолии Порте, а части восточноукраинских земель – силам конфедератов. Немаловажную роль в сближении султана и конфедератов сыграло также обещание Франции финансировать военные действия турецких войск против России, если таковые найдутся³.

Верхушка улемов во главе с шейх уль-исламом Пари-заде Сахиб Моллой, особенно рьяно ратовавшего за возвращение Подолии, утраченной Турцией по Карловацкому миру 1699 г., и большинство везиров поддерживали воинственно настроенного султана и оттеснили умеренных государственных деятелей, призывавших сосредоточить внимание на внутренних проблемах страны и воздержаться от войны с Россией. Среди них были великий везир Коджа Рагиб-паша и его преемник Мухсин-заде Мехмед-паша, реисулькютаб Гиритли Ресми-эфенди. Все они посещали в разное время европейские страны в составе османских чрезвычайных посольств и выступали за обновление турецкой армии с учетом военного опыта европейских стран, в том числе России, но без прямого участия в военных конфликтах.

В начале октября 1768 г. в присутствии султана состоялось мушавере-совещание высших сановников Османской империи. Под давлением султана и шейх уль-ислама было принято решение объявить войну России. Населе-

нию зачитывали фетвы: священной целью войны объявлялась защита османских границ, включая Крым и подвластные грузинские земли на Кавказе, а также фактически независимые черногорские — на Балканах. 23 джемазиульэввелы 1182 г. х. (4 октября 1768 г.) новый великий везир Хамза-паша огласил перечень претензий к России, составленный незадолго до совещания с помощью посланника Франции в Константинополе де Вержена. На него в свою очередь оказывал большое влияние другой яркий противник России, укрывавшийся в это время в Турции, — видный польский магнат А. Потоцкий. Среди претензий значились нарушения турецких границ; достаточно неопределенно сформулированные, и постройка крепостей между Днестром и Бугом, отнюдь не запрещенная России Белградским договором 1739 г., а также повторявшиеся много раз впоследствии “подстрекательства Россией христианских подданных Турции” и, наконец, разорение русскими местечка Балта во владении крымского хана. Все претензии не предназначались для дипломатического обсуждения с русским правительством⁴.

Некомпетентность и узость круга лиц, обладавших реальным правом принятия решений, отразились на стремительном движении от “порога страха” к фазе неконтролируемых “ложных образов” и напрямую — к третьей фазе конфликта — “разрушения механизма сопротивления противника и нанесения удара в нервный центр”.

Утром 6 октября 1768 г., когда во всех мечетях Константинополя читали суру “Победа”, русскому дипломатическому представителю А. М. Обрескову в ультимативной форме было предложено вывести русские войска из Польши: русский посланник под гарантией представительств Дании, Пруссии, Англии и Швеции должен был взять на себя от имени правительства России обязательство не вмешиваться в польский вопрос. Естественная просьба А. М. Обрескова, не имевшего необходимых инструкций на случай столь резкого обострения отношений, дать ему возможность получить в двухмесячный срок указания из Петербурга была представлена как стремление затянуть решение вопросов. Посланник России и его сотрудники были отправлены в заточение, где и пробыли вплоть до мая 1771 г.⁵

Спустя полгода после объявления войны, в марте 1769 г., турецкая армия выступила из Адрианополя, традиционного места сбора сипахийского вой-

* Непримиримый противник России, слабый военачальник, но удачливый царедворец и покровитель странствующих мусульманских дервишей Хамза-паша был назначен великим везиром еще в сентябре 1768 г. по настоянию улемов. Все даты даются по новому стилю.

ска, и в конце апреля – начале мая 1769 г. прибыла в район Хотина. Предполагалось, что здесь произойдет ее соединение с татарско-турецким войском Ибрагим-паши. Он был послан в звании сераскера – главнокомандующего в конце осени 1768 г. в Крым во главе небольшого отряда янычар для формирования войска в Крыму. Третья группа турецких войск должна была выступить из Восточной Анатолии в направлении Кизляра–Астрахани, что впрочем осуществить вообще не удалось.

Одновременно Порты предприняла определенные усилия по дипломатическому обеспечению войны с Россией. Выяснилось, что лишь Франция поддерживает ее военные планы. Вопреки ожиданиям Порты английский король Георг III не поддержал претензий Турции. Австрийский посол в Константинополе Иоганн Амадей Тугут выразил от имени своего правительства сожаление по поводу разрыва Турцией отношений с Россией. Он предложил свои “мирные, посреднические услуги”. Тем самым была заложена возможность обращения Турции к австро-прусскому посредничеству позднее, летом 1770 г. Определенные надежды Порте внушала лишь уклончивая позиция прусского посла. Порты знала, что связанный союзным договором с Россией король Фридрих II Великий (1740–1786) стремился к расширению Пруссии за счет участия в разделе Польши и тайне противодействовал России. Сближаясь с Австрией по широкому кругу европейских проблем, Фридрих II с осени 1768 г. исподволь готовился участвовать в предстоящих мирных переговорах между Россией и Турцией.

Однако для Порты все эти комбинации мало что значили. Пока европейские державы готовились использовать, каждая в своих интересах, войну на Востоке, Высокой Порте приходилось думать о своих границах в Закавказье. Озабоченный внутренними распрями в Персии шах Керимхан Зенд не мог и не стал, несмотря на несколько турецких предложений о военном союзе против России, поддерживать Турцию. Мустафа III настойчиво, но безуспешно призывал к совместным военным действиям против России всех азербайджанских ханов. Однако наиболее значительные и сильные из них, такие, как Карабах и Куба, укрепляли местные связи с соседними закавказскими царствами и ханствами, были заняты в первую очередь борьбой с Персией и персидскими правителями в южном Азербайджане, взаимными распрями. Они уклонялись в очередной раз от участия в войне с Россией. Тем не менее сотни страниц рапортов кизлярского и астраханского губернаторов, донесений консулов из различных закавказских городов свидетельствуют о том, что с весны 1768 г. и вплоть до конца войны Турция не оставляла надежды на мощную экспедицию через район Кизляра и Терека на Астрахань силами многочисленных мусульманских правителей Закавказья и Северного Кавка-

за. При этом широко пропагандировались идеи “газавата”, под знаменем халифа правоверных султана Мустафы III и предотвращения выхода России на Ближний Восток.

Параллельным направлением закавказско-астраханского стратегического плана Турции должна была стать непокорная Грузия. Однако ни Ираклий II, осторожно, но независимо державшийся с Турцией, ни Соломон I, подписавший в 1766 г. договор о формальном протекторате Турции, не считали себя обязанными придерживаться турецкой ориентации в русско-турецкой войне или тем более оказывать помощь султану в войне с Россией, на покровительство или защиту которой они рассчитывали. Слабость стратегических и политических позиций Порты в Закавказье была очевидна⁶. Полагаться на полунезависимых правителей балканских или арабских пашалыков и вовсе не приходилось. Из вассальных правителей, на немедленное выступление которых мог рассчитывать Мустафа III, оставался только крымский хан. Впрочем с ним возникли осложнения.

Нежелание крымцев вставать под знамена присланного из Константинополя чужака – турецкого сераскера заставило Мустафу III вернуть из ссылки и поставить во главе крымского воинства Кырым Гирея из рода Чингизидов, неоднократно в прошлом возглавлявшего набеги татар и ногайцев на русские земли. В качестве военного советника с ним в поход был отправлен находившийся на турецкой службе барон Ф. де Тотт. Дипломатическое представительство Франции при Кырым Гирее осуществлял П. де Рюффен, впоследствии посол Франции в Турции⁷. Обласканный султаном Кырым Гирей, помимо разрушительного деморализующего рейда по русским и украинским землям, которые Порта надеялась приобрести, должен был также подавить

Кырым Гирей-хан получил в подарок от султана коня, личное оружие и... несколько прелестных невольниц из “запасников султанского сераля”. Таковых тщательно отбирали и холили, чтобы при случае подарить от имени султана за верную службу. Нежные гурии вдохновляли нового хозяина, но при случае могли подсыпать малую толику яда в чашечку кофе неверного слуги престола. Восток... Интересно отметить, что после присоединения Крыма к России бывший хан был награжден русским орденом св. Андрея Первозванного. Ему была выделена также ежегодная пенсия, и его заставили переселиться в Россию; в дальнейшем хану было разрешено поехать в Турцию. После его приезда туда в 1786 г. он был выслан султаном Абдул Хамидом I на остров Родос, где и был удушен в 1787 г., т. е. в начале второй войны с Россией.

прорусскую оппозицию среди части мурз и “принцев крови” и не допустить вовлечение Крыма в политическую и экономическую сферы влияния России⁸.

Война, начатая Турцией как превентивная в борьбе с растущим влиянием России и как метод решения внутривосточных проблем, оказалась столь неумело и слабо подготовленной, что до сих пор упоминается в турецкой историографии как образец упадка и разложения в янычарских и сипахийских войсках, как “образец чистого безумия со стороны Мустафы III”. Более чем полумиллионная, по спискам-дефтерам, армия не превышала весной 1769 г., когда фактически начались военные действия, и половины списочного состава. Тем не менее для России это был грозный противник, благодаря многовековым навыкам массированного применения кавалерии и высокой приспособленности к климатическим и географическим условиям как Дунайского, так и Кавказского театров военных действий. К преимуществам османской стороны можно было отнести также большой, до 250 вымпелов в 1769 г., флот. Он безраздельно господствовал на всей акватории Черного моря от устьев Дуная до Керчи и Тамани и базировался в удобных гаванях Крымского полуострова.

Обширные планы наступательных операций в турецком военном ведомстве оказались не подкрепленными необходимыми войсками, однако оборонительный потенциал оказался неожиданно высоким.

В первый период военных действий, с апреля по сентябрь 1769 г., русским войскам под командованием А. М. Голицына после ряда неудачных маневров удалось занять крепость Хотин только тогда, когда она была покинута турецким гарнизоном. Кубанский русский корпус П. Ф. Медема и Закавказский экспедиционный корпус русской армии Готлиба-Курта Тотлебена в то же время столкнулись с ожесточенным сопротивлением турецких иррегулярных войск.

В действиях Кубанского корпуса успех наметился фактически с весны 1770 г., не в последнюю очередь – благодаря благожелательному отношению местного населения. Несмотря на усиленную агитацию Кырым Гирея, турецких эмиссаров и части местных феодалов, население Кабарды отказывалось идти воевать под знаменем халифата. Кабарда добровольно вошла в состав Российской империи. Одновременно начался переход ногайских племен в подданство России. Действия корпуса П. Ф. Медема и Второй русской армии П. И. Панина, прикрывавшей южнорусские земли в направлении Азова и Таганрога, с осени 1769 г. были поддержаны ногаями.

Менее успешными были действия корпуса Г.-К. Тотлебена в Грузии. Расколотая турецко-персидскими соглашениями на два царства и ослаблен-

ная междоусобной борьбой местных правителей Грузия в планах Екатерины II занимала подчиненное место по сравнению с Крымом и Дунайскими княжествами. В Петербурге с удовлетворением воспринимали сообщения о желании населения Имеретинского и Картли-Кахетинского царств вступить под покровительство России. Однако это могло повлечь за собой войну с коалицией Турции и Персии. В Петербурге было решено поддержать благожелательный нейтралитет Ираклия II, а к Соломону I в Имеретию и был направлен упомянутый отряд Г.-К. Тотлебена. Численность отряда составила в 1770 г. около 3700 человек. Предполагалось, что население обеих частей Грузии “собственный жребий свой обретет в вооруженной борьбе против Турции”. Не исключался при благоприятных условиях поход отряда Г.-К. Тотлебена при поддержке грузинских войск в Малую Азию, что в тех условиях было уже из области восточных сказок Петербурга.

Неверная ориентация Тотлебена, вопреки инструкциям, на оппозиционные Ираклию II и Соломону I силы князей Дадияни и их сторонников, нередко объединявшихся с турецкими пашами, безуспешная долгая осада Поти, где погиб не от пуль, а от болезней почти весь русский отряд (май–октябрь 1771 г.), определили фактическую неудачу экспедиции Закавказского корпуса.

Впрочем относительную, поскольку ни занятие Закавказья, ни присоединение каких-либо территорий на Кавказе не входило в ближайшие планы России. “Усердие русскому духу, оказанное населением” в Грузии, в Северном Азербайджане и на Северном Кавказе, а также в Прикаспии, заставило Высокую Порту стянуть большие силы в Закавказье, сняв их с Дунайского театра.

Попытка опереться на третью силу в конфликте, а именно на формально не вовлеченные народы, а лишь номинально зависимые от султана, привела османскую сторону к той ситуации, когда конфликт развивается по своей внутренней логике, выйдя из-под контроля центра. Создавая “образ врага” – в данном случае России – и формируя абсолютную ответственность противника за приписываемые ему действия, Высокая Порта фактически спровоцировала трудно управляемый фактор в региональном конфликте: этносоциальные и религиозно-политические предпочтения своих подданных. Поскольку внутренний конфликт империи “метрополия – периферия” был на грани взрыва, осложнения внешнего характера последовали с неизбежностью.

Покровительства и защиты России в предвоенные годы искали грузины и армяне, сербы и греки, другие османские подданные. В ходе войны, по мере продвижения русских войск в глубь османских территорий и появления анд-

реевского флага в османских водах, к России обращались не только христианские народы. Мамлюкский правитель в Египте Али-бей и эмир Ливана Юсеф Шехаб вступали в контакты с А. Г. Орловым, руководившим средиземноморской экспедицией, просили помощь войсками и оружием в войне с Портой. Али-бей получил такую помощь оружием и боеприпасами. При поддержке русского десанта в 1773 г. шейх Дагер и эмир Шехаб изгнали, по крайней мере на время, турок из Дамаска. Однако действия этих сановных мятежников носили спорадический характер, нередко выливались в местные конфликты и не могли всерьез рассматриваться в Петербурге, как не могли существенно изменить положение подвластных Порте нетурецких народов на Леванте.

Обращения за помощью и защитой, исходившие от балканских народов, особенно те, в которых выражалась готовность с оружием в руках поддерживать единоверную Россию, рассматривались Екатериной II более благожелательно, учитывались при выработке курса в русско-турецких отношениях, особенно в период их обострения. Так, Совещательный Совет, собранный Екатериной II для обсуждения вопросов войны и мира с Турцией (позднее известный как Особый комитет по восточному вопросу), изучал планы военных действий с Турцией и проекты мирного договора с учетом перспективы массовых вооруженных выступлений прежде всего в Греции и Черногории. Русскими исследователями отмечено, что предпринятый поход эскадры балтийских кораблей в Средиземное море и поддержка греческого восстания, равно как и обращения-“манифесты” к подданным Турции на Балканах и в Закавказье содержали “разглашения целей защиты христианского закона” и призывали христиан к борьбе с турками-поработителями⁹.

Камуфлируя истинные цели войны – занять берега Черного моря и вскрыть Проливы – и рассчитывая на “учинение Турции чувствительной диверсии” восстаниями на главном театре военных действий – вблизи “нервного центра” Османской империи, т. е. в Балканской Турции, царизм отнюдь не призывал к полному освобождению христианских подданных султана. Вместе с тем уже в самом начале войны “манифесты русской царицы” содержали обещание защитить их интересы в будущем. Таким образом, два разнородных направления антисултанских движений – самое широкое по составу, условно говоря – народное и феодально-сепаратистское – искали поддержки царского правительства. На втором этапе войны 1768–1774 гг. Россия не только не поддерживала сепаратизм феодальных правителей, сколь бы значительным ни было это движение, но оказывала или предлагала помощь Порте против них. С точки зрения конфликтологии, русская сторона, вполне осознанно соскользнув на фазу “вооруженного противоборства”,

гораздо лучше сохраняла контроль за ситуацией: сдерживала конфликт на ступени “ограниченного разрушения”.

Выгодность этой ситуации в политическом плане воспоследовала с очевидностью. В отношении антисултанских выступлений на Балканах и на Ближнем Востоке позиция России изменялась в соответствии с общим фоном развития международных отношений в Европе и на Ближнем Востоке. Несмотря на непоследовательность, нередкие отступления от взятых перед османскими христианами обязательств, эта политика объективно содействовала активизации борьбы балканских подданных Османской империи, ибо совпадала с их национальными чаяниями.

Совместная вооруженная борьба под руководством и в составе русских войск содействовала формированию организационных принципов и навыков военных действий греков, сербов, черногорцев, арабов Ливана и других народов. Обстоятельство принципиально важное, если учесть, что на протяжении нескольких веков османская государственная система последовательно подавляла саму память об оружии в руках покоренных народов.

Боевым действиям, подготовке и проведению мирных переговоров между Россией и Турцией в 1770–1774 гг. посвящена большая отечественная литература. Имеются обширные публикации русских архивных материалов, мемуаров и дневников. Это – единственная из войн между Россией и Турцией, известная широкому кругу русских читателей с конца XVIII в. по переводам турецких авторов-участников военных действий и мирных переговоров¹⁰. При очевидной разработанности темы, позволяющей нам не останавливаться на ходе военных действий и поэтапной выработке мирных переговоров, некоторые положения историографии требуют особого внимания. Это касается, во-первых, влияния беспримерных по героизму и мужеству побед русского оружия в 1770–1773 гг. на окончательное согласие Порты приступить к мирным переговорам; во-вторых, выяснения степени самостоятельности Высокой Порты во внешнеполитической ориентации во время военных действий и мирных переговоров.

“Османская история” патриарха турецкого османоведения Исмаила Х. Узунчаршылы в части русско-турецких отношений конца XVIII в. служит более полусотни лет для современных турецких историков и ряда западных османистов основой для многих выводов; к ней обращаются читатели-турки по вопросам этого, действительно переломного для Османской империи периода. Ничуть не умаляя значение в качестве первоисточника турецких документов “Османской истории”, следует заметить, что неточности из этого труда вошли в работы 1980-х – начала 1990-х годов. Описывая военные действия в июле 1770 г., И. Х. Узунчаршылы отдавал должное русским солда-

там под командованием П. А. Румянцева, но называл преувеличенные данные о силах русской армии и ее потерях. Делались позитивные выводы о слабости командного состава османских войск и о превосходстве регулярной русской армии над иррегулярным войском сераскера Халиль-паши. Тем не менее едва не вся кампания 1770 г. сводилась к одному сражению. И. Х. Узунчаршылы называл место боя Картал (Ларга) и далее – Картал.

Ночное сражение 7 (18) июля 1770 г. в долине р. Ларги при ее впадении в р. Прут, предпринятое П. А. Румянцевым против авангардных турецких частей под командованием Каплан Гирея, и неожиданное для великого везира Халиль-паши наступление русских на его главные силы в 2–3 км от оз. Кагула, на р. Кагул, левом притоке Дуная, на рассвете 21 июля (1 августа) 1770 г. за несколько часов до запланированного массированного удара по русским войскам 120-тысячного конного турецко-татарского корпуса – суть два разных сражения. Победило русское военное искусство – прогрессивная маневренная тактика ведения боя, принятая П. А. Румянцевым¹¹.

Другое сокрушительное поражение Турции в июне 1770 г. на море, в Чешменской (Чесменской) бухте, остается и поныне в поле зрения турецких историков. Признание общеизвестного факта – разгром османского флота русской эскадрой, более чем вдвое уступавшей противнику по численности и огневой мощи, – сочетается, однако, с попытками принизить инициативный характер действий русского флотского командования и отвагу русских моряков, представить исход сражения как фатальную предопределенность. Исследования отечественных и зарубежных авторов однозначно трактуют операцию при Чесме, задуманную и исполненную при деятельном участии контр-адмирала Эльфинстона, англичанина на русской службе, С. К. Грейгом, Г. А. Спиридовым и А. Г. Орловым, как образец русского военно-морского искусства нового времени¹².

Эти сухопутные и морские поражения вынудили Порту искать мира. Однако анализ конфликтных ситуаций на примере русско-турецких войн, особенно войны 1768–1774 гг., убедительно доказывает, что та сторона, которая соскользнула на последнюю ступень конфликта – ступень “тотального разрушения, включая саморазрушение”, и не контролирует либо слабо контролирует его, представляет серьезную опасность не только как противник, готовый к фатальной экспансии конфликта, но и как партнер с неадекватной реакцией на позитивные предложения по разрешению конфликта.

В действительности, в заключении мира нуждались обе стороны. Для Османской империи он означал спасительную передышку, для царского правительства – возможность сосредоточить все силы для борьбы с проявлениями массовых волнений, которые в 1773–1775 гг. вылились в народную

войну под руководством Е. И. Пугачева, и предотвратить углублявшуюся конфронтацию с европейскими державами.

Мирную инициативу в сентябре 1770 г. проявила русская сторона, направив к великому везиру Халиль-паше одного из офицеров штаба П. А. Румянцева с надлежащими полномочиями. Пока Халиль-паша затягивал ответ и сочинял “дружественное послание русскому маршалу” Румянцеву, османское правительство получило заверение Австрии и Пруссии о готовности выступить посредниками на переговорах между Россией и Турцией.

Стремясь закрепить достигнутый успех, Порта заключила с Австрией так называемый “Тугутов” тайный договор. Ценой уступки Австрии Малой Валахии и выплаты ей 10 млн курушей на военные действия в Европе Османская империя рассчитывала, что Австрия “политическим давлением или военными действиями” заставит Россию отказаться от занятых османских территорий. Посредничество Австрии и Пруссии Россией, однако, было отвергнуто. Переговоры не состоялись, но, как отмечено в турецкой хронике, Австрия “так и не оказала реальной помощи, хотя получила Буковину и большие денежные средства”. Следует подчеркнуть, что, воспользовавшись попыткой Порты поставить русско-турецкие переговоры под контроль третьей стороны, Австрия в первый, но не последний раз под условием военного союза вырвала у Османской империи капитуляционное право наибольшего благоприятствования. Этот прием впоследствии неоднократно применялся европейской дипломатией в отношении Турции.

Последующие годы, вплоть до подписания Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г., были и для Османской империи, и для России годами поиска приемлемой формулы мирного договора. России приходилось идти на определенный компромисс при выработке окончательных условий мирного трактата. Турция отчаянно боролась за свой статус владычицы “Белого (Средиземного) и Черного морей”, за безоговорочный суверенитет, причем не на землях, непосредственно входивших в состав Османской империи, о них не шла речь на переговорах. Порта стремилась удержать за собой населенные частично исламизированными народами Крым, Северный Кавказ, часть Закавказья, т. е. территории, непосредственно примыкающие к русским владениям и постепенно входившие в состав Российского государства, чаще всего по доброй воле народов.

В зарубежной историографии неоднократно повторялась мысль, высказанная американским османистом Г.-Л. Льюисом, что война 1768-1774 гг., вообще войны XVIII в. в определенной мере способствовали формированию более осторожного внешнеполитического курса Селима III и Махмуда II.

Сдвиги в этом направлении начались в 70-х годах под влиянием военных и политических неудач Мустафы III. Его планы на военное сотрудничество с Австрией и Пруссией рухнули в 1772 г., когда Иосиф II в одностороннем порядке прервал действие "Тугутова договора". Порты еще пыталась поддерживать честолюбивые амбиции Барской конфедерации поляков; сообщила, например, конфедератам, что неудача фокшанских переговоров с Россией связана с твердой решимостью Порты отстаивать независимость Польши. Однако это был не более чем дипломатический демарш в интересах больше Франции, чем самой Турции. Судьба Польши решалась Австрией, Россией, Пруссией без участия Турции¹³.

Что же касается переговоров в Фокшанах, которые в августе–сентябре 1772 г. вели с турецкой стороны реисулькютаб Осман-эфенди и от столичных улемов муллы Айя Софьи (Святой Софии) Яссинджизаде-эфенди, с русской стороны – Г. Г. Орлов и А. М. Обресков, то ни в русских, ни в турецких материалах вопрос о Польше отражения не нашел. Важно подчеркнуть другое – и те и другие отвергли как "неосновательные" претензии послов Австрии и Пруссии на посредничество. Складывался принцип прямых переговоров между Россией и Османской империей, который более всего отвечал их интересам.

На переговорах в Фокшанах и затем в Бухаресте (октябрь 1772 г. – март 1773 г.) были сформулированы основные положения будущего мира. При этом русская сторона отступила от первоначального требования полной независимости Крыма. Однако потребовалась еще одна военная кампания, в ходе которой турецкая армия потерпела сокрушительные поражения под Базарджиком, Козлуджи и Шуменом. В июне 1774 г. турецкое командование запросило перемирия. В начале июля в местечке Кючук-Кайнарджи для подписания мирного трактата выехали опытный дипломат Нишанджи Ресми Ахмед-эфенди и новый реисулькютаб Ибрагим Мюниб-эфенди. С русской стороны участвовали П. А. Румянцев и генерал Н. В. Репнин, через два года возглавивший посольство в Турцию. Поскольку основные положения были согласованы на предшествующих переговорах, то на завершение оформления договора потребовалось всего пять дней.

10 (21) июля 1774 г. мирный трактат был подписан¹⁴. Самый обширный и детализированный из всех русско-турецких договоров, Кайнарджийский – послужил основой всех последующих мирных трактатов между Россией и Турцией. Он включал двадцать восемь гласных и два сепаратных артикула (статьи). В группе территориальных вопросов была утверждена полная неза-

висимость Крымского ханства в политическом отношении^{*}. Сохранялась в формулировке общего характера религиозная зависимость мусульман от халифа-султана Османской империи. К России перешли Керчь, Еникале и Кинбурн, а также Азов – крепости ключевого значения с обширными прилегающими территориями. Большая и Малая Кабарда и, следовательно, осетинские земли, зависимые от кабардинских феодалов, утверждались как вошедшие в состав Российской империи. Отныне Крым и все Северное Причерноморье перестали быть плацдармом турецко-татарской агрессии в отношении южнорусских земель. Военному и политическому давлению османского халифа-султана на южном направлении Россия противопоставила последовательную военно-хозяйственную политику закрепления на новых землях, расширения связей с дружественными народами Северного Кавказа и через них с Закавказьем.

Балканское направление в русско-турецких отношениях после 1774 г. приобрело самостоятельное значение и было закреплено в другой группе артикулов. Возвращенные под сюзеренитет султана Дунайские княжества должны были получить ранее упраздненные привилегии – фиксированную дань, свободу вероисповедания, владение недвижимостью в городах, несменяемость господарей без особого согласования России и Турции, запрещение туркам селиться на территории княжеств.

Важное политическое значение имели статьи (артикулы) о праве русских дипломатических представителей в Константинополе “говорить в пользу сих княжеств”.

Два артикула (7 и 17) предусматривали строительство православной общедоступной, вне резиденции русского представительства, церкви в Галате на улице Бейоглу с правом “делать по всем обстоятельствам” в пользу этой церкви представления. “Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам” (арт. 7). Тем самым обеспечивалась определенная правозащита всех христианских подданных Турции. За счет переселенцев на юг России существенно расширились возможности применения вековых трудовых навыков греков, молдаван, валахов и других народов в многотрудном деле освоения приобретенных Россией причерноморских земель. Укреплялось сотрудничество балканских и северокавказских народов с русским. По двум артикулам (11, 12) на Российское государство распро-

* В трактате перечислялись собственно татарские и ногайские племенные группы, населявшие Крымский полуостров и кочевавшие в Причерноморье и на Кубани.

странялись все льготы и привилегии, которые имели другие европейские державы на основе капитуляционных соглашений, предоставленных им Портой в 1535–1740 гг.

Черное и Средиземное моря открывались для русского торгового судоходства. Через Проливы получили право проходить торговые суда под российским флагом, но не свыше определенного тоннажа. Учреждалась консульская служба. Царское правительство отступило от выдвигавшегося до марта 1774 г. требования военного судоходства в Проливах. Однако были обеспечены равные с Англией и Францией права на военный флаг в Средиземном море, а также узаконенное строительство российского флота в черноморских портах и крепостях России. Договор 1774 г. превращал Российскую империю в средиземноморскую державу, не умаляя значения Турции как влиятельной силы в мировой морской политике.

Отдельная группа артикулов фиксировала морально-политические аспекты отношений двух соседних держав. Турция признавала императорскую (падишахскую) титулатуру русских царей (арт. 13). Повышался до ранга посланника (эльчи) статус русского представителя в Константинополе (арт. 5). Престижный характер носила контрибуция в 15 тыс. кесе (4,5 млн сереб. руб.), включенная в сепаратный артикул¹⁵.

Стороны оговаривали также ряд вопросов по скорейшей нормализации отношений, включая обмен чрезвычайными посольствами. Договор в целом имел прогрессивное значение. Были заложены основные международно-правовые нормы развития всего Причерноморья. В то же время договор способствовал развитию освободительных движений на Балканах и в Закавказье. Черное море обрело на севере русские берега, на юге – турецкие.

¹⁵ И. Х. Узунчаршылы, патриарх современной турецкой османистики, писал, что на протяжении всего XVIII в. османское правительство занимало резко отрицательную позицию в отношении русских судов в Черном море и появления России на его берегах. Аналогичные взгляды можно найти и в работах других авторов. См.: *Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi*. Ankara, 1947. С. III. К. 2. S. 165–176; *Derin F. Osmanlı devletinin siyasi tarih // Türk dünyası el kitabı*. Ankara, 1976. S. 997–998.

Примечательно, что арабские авторы, вполне объективно оценивая расстановку сил на Ближнем Востоке в конце XVIII в., рассматривают как заблуждение ориентацию Высокой Порты на политику Франции, которая, по словам, например, Исмайла Серхенга, была сугубо эгоистичной и связанной с европейскими проблемами. См. оценку работ арабоязычных авторов по восточной политике России и западной –

Османской империи в кн.: *Шеремет В. И.* Империя в огне: Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994. С. 61.

² *Kurat A. N.* Prut seferi ve barış. Ankara, 1951, 1953. С. 1–2; *Kurat A. N.* Türkiye ve Rusya. XVIII yüziil sonundan kurtulus savaşına kadar türk-rus ilişkileri (1789–1919). Ankara, 1970. S. 30–33.

³ *Uzunçarşili I. H.* Op. cit. С. V. К. I. S. 360; *Derin F.* Osmanli devletinin... S. 997. *Meram A. K.* Türk-rus ilişkileri tarihi Istanbul. 1969. S. 120–121. Следует заметить, что это мнение поддерживает американский славист, см.: *Wandycz P. S.* The Lands of Partitioned Poland 1795–1918. Seattle and London, 1974. P. 9–18. См. также: *Юсупов Р. Р.* Внешнеполитические планы польского господствующего класса в годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1978. С. 205.

⁴ Деятельность в Константинополе представителя Франции де Вержена и Польши – Потоцкого отражала курс Франции: любой ценой предотвратить активизацию России и в европейских, и в ближневосточных вопросах. См.: *Broglie A.* Le secret du roi. Paris, 1878. Т. II. P. 12–13.

⁵ *Перминов П.* Посол III класса. М., 1992. С. 68–70.

⁶ К сентябрю 1768 г. в Турции стало известно, что еще в июне 1768 г. Соломон I обращался к России с просьбой о “покровительстве или подданстве, как другие цари были приняты”. См.: *Цагарели А.* Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. СПб., 1891. Т. I. С. 7, 9, 18–19; *Абдуллаев Г.* Азербайджан в XVIII веке и его взаимоотношения с Россией. Баку. 1965. С. 504; *Маркова О. П.* Россия. Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 135–138.

⁷ Об этих планах поведал в своих мемуарах Ф. де Тотт: [*Tott de.*] Mémoires du baron de Tott. Amsterdam, 1785. Т. II. P. 144–145.

По мнению английского историка Алана Дж. Фишера, в задачи миссии де Тотта входило поддерживать контакты между конфедератами и ханом. См.: *Fisher A.* Russian annexation of Crimea, 1772–1783. Cambridge, 1970. P. 52; а также: *Трачевский А.* Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве кемеда в Крыму // Университетские известия. Киев, 1873. № 10. О прорусских настроениях в правящих кругах Крымского ханства см.: *Uzunçarşili I. H.* Op. cit. S. 405.

⁸ См.: История Крыма. Стамбул, 1911. С. 305 (на османско-тур. языке); *Шеремет В. И.* Империя в огне... С. 62.

⁹ *Uzunçarşili I. H.* Op. cit. S. 392. 395; *Duran T.* Op. cit. S. 23. В турецкой и части арабской историографии можно отметить очевидное намерение объяснить происками России, ее стремлением выйти к теплым морям подъем освободительного движения на Балканах в годы русско-турецкой войны, выступления против Порты мамлюков Египта и даже междоусобные конфликты эмиров и шейхов Ливана и Сирии. *Шеремет В. И.* Империя в огне... С. 62.

Влияние внешнего фактора в развитии структурного кризиса в Турции этого периода осветил *М. С. Мейер.* Османская империя в XVIII веке. М., 1991. С. 171–202. К

сожалению, самое общее упоминание этих проблем содержится в другой книге. См.: *Петросян Ю. А. Османская империя: Могущество и гибель. М., 1990.*

¹⁰ Как писал И. Х. Узунчаршылы, горсточка русских солдат (17 тыс. человек) победила 100-тысячную армию необученных и недисциплинированных. Третья часть обратившейся в беспорядочное бегство османской армии пала, в руки победителей попало более 140 пушек и огромный обоз с продовольствием (*Uzunçarşılı İ. H. Op. cit. S. 386–387.*)

¹¹ См.: Ларга и Кагул (материалы о полководческой деятельности Румянцева-Задунайского) / Вступительная статья Н. М. Коробкова // Красный архив. М., 1940. Т. 6. С. 166–176 и сл.; *Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 гг. СПб., 1866. Т. II. С. 110–139; Военная история Отечества. М., 1994. Т. I. С. 324–326.*

¹² *Петров А. Н. Указ. соч. Т. II. С. 380; Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М.-Л., 1947. С. 44–60; Золотарев В. А., Козлов И. А. Флот государства Российского. М., 1992. С. 112–113.*

¹³ Участие в разделе Польши и внушительные победы русского оружия над Турцией заставили Австрию отказаться от договора с Портой. См.: Сборник русского исторического общества. СПб., 1891. Т. 72. С. 100; *Уляницкий В. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 343, 373; Lewis G. L. Turkey. New York, 1994 (2-d ed.). P. 31; Uzunçarşılı İ. H. Op. cit. S. 426–427.*

¹⁴ Текст договора неоднократно публиковался (См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. XIX, № 14164). Анализ договора, его значение см.: *Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955; Она же. 200-летие Кючук-Кайнарджийского мира // Вопросы истории Дагестана: Досоветский период. Махачкала, 1975. Т. 2; Шеремет В. И. Империя в огне... С. 41–42.*

Достоверный турецкий текст договора отсутствует по мнению крупного знатока турецких архивов американского османиста Р. Дэвисона (*Davison R. H. Russian Skill and Turkish Imbecility // Slavic Review. 1976. Vol. 35. P. 469*). Видимо, только этим и можно объяснить тот факт, что в своей “Османской истории” И. Х. Узунчаршылы назвал дату подписания договора – 17 июля 1774 г. Подробнее см.: *Шеремет В. И. Война и бизнес. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1995. Гл. 1.*

¹⁵ Военные расходы России в 1771 г. оценивались в 25 млн рублей. В 1773 г. А. М. Обресков называл турецким представителям сумму контрибуции в 40 млн рублей. См.: Сборник. РИО. Т. 97. С. 252. Ср.: *Соловьев С. М. Европа в конце XVIII века // Русский вестник. 1852. № 5. С. 37–38.*

Сафьяновы портфель М. И. Кутузова

В числе важнейших мероприятий Высокой Порты после завершившего войну России и Турции 1787–1791 гг. Ясского мира была организация серии чрезвычайных дипломатических представительств в европейских столицах. Их главной задачей стал сбор международной информации, чтобы, как говорилось в турецкой инструкции, избегать односторонней ориентации Турции и предотвращать вмешательство держав при переговорах Высокой Порты с одной из них. В числе первых состоялся обмен чрезвычайными посольствами с Россией и Англией. Тем самым определились главные внешнеполитические ориентиры султана Селима III (1789–1807). В марте 1793 г. посольство в Россию возглавил лично доверенный Селима III, его стремянной – “кетхуда августейшего стремени” 35-летний Мустафа Расых-эфенди.

Расыху-эфенди вменялось в обязанность: всемерно свидетельствовать о мирном и дружеском расположении Османского государства к России, добиваться скорейшего освобождения пленных, содействовать решению вопросов восстановления торговых отношений, собрать максимум сведений о взаимоотношениях европейских держав в связи с Французской революцией¹.

Одновременно с миссией Расыха-эфенди в октябре 1793 г. в Лондон было направлено посольство во главе с видным сотрудником турецкого ведомства иностранных дел Юсуфом-эфенди. Порты полагала найти в Англии дальнейшую помощь в военных преобразованиях. Однако турецкий посланник вскоре выяснил, что готовится англо-русское соглашение об использовании английских вооруженных сил против Порты в случае нападения Турции на Россию. Подобных намерений Порты иметь не могла ввиду отсутствия сил, но недоверие к Англии было посеяно.

Естественно, что обе державы – Россия и Турция, пережившие подряд две тяжелейшие войны и едва начавшие оформлять свои политические и экономические отношения на основе Кючук-Кайнарджийского и Ясского договоров, уделяли большое внимание личностям своих чрезвычайных представителей. Если Селим III доверил эту миссию одному из ближайших конфиденентов, но без существенного дипломатического опыта, то в России к делу подошли иначе.

Чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь Екатерина II своей волей назначила еще 6(17) ноября 1792 г. М. И. Голенищева-Кутузова. Выбор был сделан императрицей, как всегда, наилучший. 47-летний герой взятия в декабре 1790 г. Измаила (орден св. Георгия III степени) и “громкого дела при Мачине” в июле 1791 г. (орден св. Георгия II степени) находился на Дунайском театре военных действий почти непрерывно с 1768 г.

Он отличился еще в сражениях 1770–1772 гг., в том числе при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле (орден св. Георгия IV степени).

С 1777 г. М. И. Кутузов находился в непосредственном подчинении у А. В. Суворова, командовавшего в то время русскими войсками в Крыму. При А. В. Суворове развернулось второе, после полководческого дара, блестящее дарование М. И. Кутузова – умелое использование данных военной разведки в дипломатической деятельности. Именно в эти годы М. И. Кутузов по собственной инициативе (хотя есть косвенные данные, что подвигнул его на это сам Суворов) начал изучать турецкий язык, “дабы в переговорах с крымцами и турками по охране побережья Крыма все наивозможнейшие пользы извлечь”.

Разговорный язык, обычаи и навыки расшифровки замысловатой арабской графики для чтения османских документов без толмача или драгомана М. И. Кутузов приобрел непосредственно у башкятиба, сиречь старшего письмоводителя двора последнего крымского хана. Тот отказался и человеком симпатичным, и знал много: “грамоту турецкую постигаю, – признавал сам Михайло Ларионович, – на живых бумагах, только вчера полученных из османской столицы...”². А у башкятиба замечались то ковшик серебра с золотом, то табакерка дивной работы... Получены они были им за усердие в обучении кривого на один глаз, полноватого в талии, но живого и отменно внимательного к местным жителям и их заботам русского подполковника.

При А. В. Суворове (и М. И. Кутузове) Крым постепенно и практически бескровно вживался в русскую сферу влияния с 1783 г.

Став в 1784 г. генерал-майором и командиром Бугского егерского корпуса, М. И. Кутузов находил время для практики в турецком языке, заботился о приближении к своему штабу “людей неприметных, но смысленных и к познанию полезных вещей способных”. Двое таких людей сопровождали М. И. Кутузова в ходе посольства в Константинополь, совершенно затерявшись среди свиты в 650 человек, но появляясь в нужный момент.

Известна любовно-шутливая оценка А. В. Суворовым военно-дипломатических успехов М. И. Кутузова в многолетних общениях с крымскими татарами: “Ой, умен, ой, хитер, его никто не обманет”.

Несомненные дарования Кутузова в столь деликатной сфере военной деятельности, как систематический сбор разведывательных данных о турецком противнике, подметил другой выдающийся русский военный и государственный деятель – Г. А. Потемкин. Именно распоряжением Потемкина от 7 (18) апреля Кутузову было приказано организовать наблюдение за тылами турок в Придунавье (война 1787–1791 гг.)³.

Кутузов успешно наладил агентурную и оперативную разведывательную службу, летучую почту. Это внесло немалый вклад в успех суворовской измаильской операции, о чем свидетельствуют малоизвестные документы из военных архивов. Есть основания предполагать, что Потемкин, незадолго до своей безвременной кончины, сообщил Екатерине II о незаурядных дарованиях будущего коменданта Измаила (в 1790 г.) и будущего чрезвычайного посла в Турцию – всего три года спустя.

Только такой человек, как М. И. Кутузов, мог возглавить посольство в страну, с которой война продолжалась с малыми перерывами со времен Петра I.

Главная задача М. И. Кутузова была “сохранить мир и доброе согласие с Портой, нужное для отдохновения в трудах и беспокойствах, империей нашей понесенных”. Эта миссия была выполнена с присущим ему блеском. Он расположил к себе умного, образованного и проникательного султана-реформатора Селима III, предотвратил нежелательное в тот момент для России сближение Константинополя с Парижем и, по существу, заложил предпосылки первого союзного договора России с Турцией (1799 г., обновленного в 1805 г.). Он содействовал развитию торговли, удачно разменял пленных. Еще многое сумел сделать, находя в том и для себя “превеликое удовлетворение”. “...Дипломатическая карьера сколь ни плутовата, но, ей-Богу, не так мудрена, как военная. Ежели ее делать как надобно”, – писал он жене⁴.

М. И. Кутузов во многом преуспел благодаря тщательно организованной им службе информации. Так, после размена посольств в первых числах июня 1793 г. в районе г. Дубоссары на р. Днестре М. И. Кутузов растянул недальнюю, всего недельную дорогу от Днестра до Константинополя на три месяца и прибыл в османскую столицу только 26 сентября (7 октября) 1793 г. Добравшись до особняка посольства, передохнул, а после вечернего намаза к нему было допущено “неустановленное лицо из турок, с которым посол имел разговор на ихнем басурманском языке, всех прежде удалив...”⁵.

Информация была и впрямь наиважнейшая. На завтра предстояла встреча с великим везиром, и “лицо” сообщило М. И. Кутузову о привычках второй персоны в имперской иерархии: “Ахмет-паша немного знает по-французски, чем очень гордится; терпеть не может шербегу и не сидит на мягком...”

Встреча русского посла с великим везиром Мелеком Ахметом-пашой состоялась и “поразила всех сердечностью и взаимным политесом”.

Когда же во время первой аудиенции везиры и сам султан Селим III слегка посетовали, что так долго двигалось посольство, М. И. Кутузов застал, заохал и, будучи отличного здоровья (как бы иначе перенести две сквозные раны в голову), назвал хворобы, которыми маялся и болел молодой султан, — прострел в спине и жжение в правом боку.

Ах, поэт и реформатор Селим III! Знать бы ему, что наш Михайло Ларионыч не двинулся в путь, пока в любимом сафьяновом портфеле аккуратно не улеглись словесные портреты всех придворных и “характеристические черты” самого султана. Вряд ли знал султан, что более двух десятков молодых людей, составивших позднее ядро Военно-топографического бюро при Главном Штабе России, тщательно снимали во время неспешного посольского движения планы местностей, места возможных стоянок войск, колодцы и прочее, что пригодится русской армии при возможном движении к османской столице.

Нельзя было спешить и потому, что М. И. Кутузову надлежало самому собрать сведения и доложить в Петербург о привычках и намерениях едущего гораздо скорее в русскую столицу турецкого посла. А то, что при Расыхе-эфенди среди проводников по России, рекомендованных ему крымскими мурзами, оказался отменно знакомый Кутузову, знавший и по-русски, и по-турецки человек, так на то и есть служба...

Российский посол с большим вниманием отнесся к реформаторским начинаниям Селима III. Именно через М. И. Кутузова были получены первые достоверные сведения о военных преобразованиях в Османской империи, особенно в области военного судостроения. В свою очередь в беседах с султаном он ненавязчиво, но твердо проводил мысль о необходимости для России иметь теперь сильный флот, базирующийся в Крыму. О судьбе самого Крыма говорил как о неразрывной отныне с судьбой России. Говорил почти твердо, но твердо. Султан Селим III отмалчивался.

Проход русских военных кораблей через Черноморские проливы Кутузов затронул в переговорах с турками только один раз, как бы между прочим. Встретил жестокое сопротивление со стороны реала-бея (вице-адмирала) Шеремет-бея, в ведении которого находились Проливы и оборона побережья, и больше к этой теме не возвращался. Упомянул только одно: будь русские и турки заодно — никто на Проливы бы не покусился...

Кутузов установил контакты с большим кругом придворных, особенно тех, кто ориентировался на реформы. Среди них были Рамиз-эфенди и Манук-бей (А. Манукян), нашедшие потом, в период янычарского бунта 1807 г.,

убежище в России. Как докладывал султану современник-турок, у российского посла перебивала целая колония армянских купцов. “Зачем приходили – неясно, но многие уходили воодушевленные...” Этим современником был реала-бей Шеремет-бей, один из немногих противников Кутузова в Константинополе. Причем Шеремет-бей не доверял русскому послу настолько, что на свой страх и риск учредил наблюдение за всеми передвижениями русского дипломата-генерала. Но сделано это было непрофессионально. М. И. Кутузов быстро заметил, что, вопреки обычаям, несколько одних и тех же дервишей бродят в христианском квартале, вблизи русского особняка. Щедрые подаяния были опущены в их уныло пустовавшие кружки. И снова “... прибежал турок Ахметка, сидели запершись, а чаю истребовали шесть чайников...”⁶.

Когда, казалось, зашли в тупик переговоры по торговому тарифу и по определению размеров пошлины за проход через Проливы, М. И. Кутузов вновь уединился над документами из заветного зеленого сафьянового портфельчика. На этот раз перелистал список имен и приметы самых любимых и влиятельных султанских жен, всемогущих затворниц гарема. Рискнул один войти в сад гарема. Мужества этому человеку было не занимать, а учтивостью и турецким красноречием, обильно приправленным драгоценными украшениями, точно рассчитанными на личные вкусы его обитательниц, он покориł “розарий падишаха”.

Султан-валиде, матушка Селима III*, и две ее наперсницы вполне поняли прозрачные намеки на важность развития торговли в Константинополе. Приветливо ободрили тучного, важного, одетого в парадную форму русского посла, в продолжении целого часа скромно не поднявшего от земли своих глаз на трех прелестнейших женщин Востока⁷.

Неслыханная дерзость произвела потрясение в османской столице. Но как смеялся умница Селим III, когда начальник охраны с самым серьезным, но потерянным видом докладывал ему, что русский посол – главный евнух самой императрицы Екатерины II. А достовернейший слух об этом и о подарках от императрицы султанским женам, что роздал Кутузов, пустили все тот же шустрый Ахметка и еще два-три молодых человека из картографического бюро при посольстве. Турецкая одежда очень шла к их загорелым

* Матерью Селима III, т. е. султан-валиде, была Михри-шах, образованная и умная женщина. Дочь православного священника из Грузии, похищенная разбойниками и проданная в Сераль, она стала любимой женой, другом и негласным советником султана Мустафы III.

черноусым лицам, а разговорную практику где и шлифовать, как не на всеведущем и любопытном Капалы-Чарши – Крытом рынке Стамбула, действующем и поныне...

Автору этой статьи потребовалось более двадцати лет, чтобы достоверно узнать имена двух женщин, которые вместе с Михри-шах встретили русского посла. Одной из них была Нахш-идиль (в девичестве – Эме де Ривери, 1763–1818), любимая супруга предшественника Селима III на троне султана Абдул Хамида I и, что более важно, мать султана-реформатора Махмуда II (1808–1839). Бездетный (из-за перенесенной в юности свинки) Селим III воспитывал Махмуда как родного сына, чему всячески способствовала и Михри-шах. Через Нахш-идиль, симпатизировавшую ему во всех начинаниях, Селим III поддерживал негласные контакты с Францией. Ведь любимой кузиной Нахш-идиль была сама Жозефина де Богарнэ, во втором браке – Бонапарт...

Второй собеседницей была родная сестра Селима III, дочь Михри-шах Хадиджа-ханум, блестяще образованная женщина, знавшая европейские языки и обычаи, принимавшая в своих покоях жен европейских дипломатов⁸.

Все торговые вопросы были улажены в неделю. По случаю невиданной и не повторившейся в османской истории беседы иностранного посла с затворницами гарема Селим III вручил М. И. Кутузову для передачи Екатерине II бесценный комплект снаряжения для верховой езды – седло и сбрую. Таинственным мерцанием старого золота, изумрудов и рубинов можно полюбоваться, если зайти в Оружейную палату Московского Кремля.

Мог ли неискушенный в дворцовых коварствах турецкий посол Мустафа Расых-эфенди сравниться с самим Кутуз-пашой, Голенищевым-Кутузовым! Окруженный нескончаемой чередой военных смотров, разводов караула, балов и маскарадов, потрясенный теплой прелестью обнаженных плеч русских красавиц, Мустафа Расых-эфенди посылал домой все более короткие депешы (они опубликованы в Турции). Потом замолчал на два месяца, увезенный императрицей весной 1794 г. в увеселительную поездку по случаю масленицы. Видимо, он на какое-то время утратил контроль за своим штатом, “начавшим нарушать порядок благочиния”.

В поведении людей из окружения турецкого посла проявились такие отклонения от общепринятых норм, что наша императрица, отнюдь не ханжа, написала канцлеру А. А. Безбородко гневное письмо. Надлежало принять меры, чтобы турецкий посол “...запретил своим людям шалить в доме князя Вяземского (резиденция посольства. – В. Ш.) так, как они шалили на Москве в доме князя Волконского (временная остановка посла. – В. Ш.), где перерезали все фамильные портреты и бюст князя Михаила Николаевича разбили. А если шалить станут – выслать без церемоний”⁹.

В конце концов порядок наладился. Мустафа Расых-эфенди получил указание Селима III считать основные вопросы подлежащими разрешению в Константинополе. При отъезде он был "отмечен знатными подарками" русской царицы и расставался с Петербургом с явным сожалением, хотя другом России так и не стал.

Османский официальный придворный летописец меланхолично записал: Расых-эфенди по возвращении из России был обласкан султаном и возведен в звание бейлербея (наместника. – *В. Ш.*) Румелии. "Он в точности выполнил поручение падишаха. А если и не обладал умением разобраться в сложной внутренней обстановке (в России. – *В. Ш.*) и в тонкостях отношений между государствами, так на то воля Аллаха..."¹⁰

М. И. Кутузов же вплел новые ветви в свой заслуженный лавровый венок военачальника и дипломата.

Тогда, в 1793-1794 гг., заветный сафьяновый портфель пополнился бесценными наблюдениями, которые весьмагодились при заключении Бухарестского мира 1812 г.

Мирные отношения в Причерноморье были сохранены и упрочены. Закладывались возможности дальнейшего сближения России и Турции, что и произошло в последний год XVIII в.

¹ *Inalcik H. Yaş muahedesinden sonra osmanli-rus munasebetleri // Ankara Üniversitesi Dil. tarih ve Cografya facultiesi dergisi. Ankara, 1946. Cilt IV. No 2. S. 200.*

² Цит. по: *Шеремет В. И.* Империя в огне. Сто лет войн и реформ Блистательной Порты на Балканах и Ближнем Востоке. М., 1994. С. 66–68.

³ М. И. Кутузов. Документы. М., 1950. Т. 1. С. 91–92; *Гладкий А. И.* Разведывательная деятельность М. И. Кутузова под Измаилом / М. И. Голенищев-Кутузов. Материалы научной конференции, посвященной памяти полководца. СПб., 1993. С. 30–31.

⁴ См. подробнее: *Муньков Н. М.* И. Кутузов – дипломат. М., 1962; М. И. Кутузов. Документы. М., 1950. Т. 2; *Жидин П. А.* Михаил Илларионович Кутузов. М., 1979; *Шеремет В. И.* Война и бизнес. Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996.

⁵ См.: *Шеремет В. И.* Империя в огне... С. 68.

⁶ Там же. С. 69; *Шеремет В. И.* Тайная канцелярия // Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки. М., 1995. № 3–4. С. 45–47.

⁷ *Селим-челеби.* Султанша – сестра императрицы // Геополитика и безопасность. М., 1994. Вып. 1. С. 169–186.

⁸ *Миллер А. Ф.* Мустафа-паша Байрактар. М.-Л., 1947. С. 137. Вклейка с изображением обставленных по-европейски покоев сестры султана.

⁹ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 42. С. 230.

¹⁰ *Тарих-и Джевдет.* Истанбул (1896). Т. 5. С. 395 (арабск. графика).

Чехия и Россия.

(К истории общественных и культурных взаимоотношений)

Истоки чешско-русских связей восходят ко временам Киевской Руси. С тех пор эти связи то усиливались, то ослабевали, но, в сущности, уже никогда не прерывались. Они были как взаимными, хотя порой более активно выступала лишь одна из сторон. Если говорить об изученности отдельных периодов чешско-русских отношений, то более и подробнее других изучены XIX и XX вв., когда эти отношения были особенно интенсивными. Есть немало работ, посвященных времени раннего христианства и эпохе гусизма, менее других, пожалуй, освещены в научной литературе чешско-русские общественные и культурные связи в XVIII в., когда они тоже имели место, хотя в какой-то мере и были sporadическими. Есть исследования по отдельным вопросам чешско-русских отношений того времени, однако специального, подробного и обобщенно-систематизированного их монографического описания пока нет¹. Надо думать, такое исследование появится в будущем. Исходя из сказанного, ниже мы остановимся лишь на некоторых, но, как нам кажется, существенных моментах, характеризующих чешско-русские отношения в XVIII в., когда обозначился рост политического значения России в Европе и активизация интереса образованных русских к западной культуре.

Петр I и Чехия

Годы правления Петра I явились временем оживления чешско-русских связей. В своих реформаторских устремлениях царь пытался установить благоприятные для России отношения с Веной. С этой целью он направил туда ряд посольств, путь которых лежал через входившие в состав Австрии Чешские земли. Так, в 1697 г. он послал в Вену своего сподвижника Б. П. Шереметева, впоследствии генерал-фельдмаршала и графа. В своих записках Шереметев говорит о том хорошем впечатлении, которое произвели на него моравские города Опава и Оломуц. Кроме того, в них отмечено,

что в Вене на приеме посланца русского царя императором присутствовали чешские аристократы, графы Вальдштейн, Мартинец и маршал Штернберг, а на вечернем балу его опекали две говорящие по-чешски дамы².

Поездка Шереметева произошла накануне первого посещения Чехии самим Петром I, которого занимали мысли о возможности привлечения говорящих на близком русскому языке специалистов на службу в Россию. В июне 1698 г. по пути из Англии и Голландии в Вену он специально остановился в Праге, где его уже три недели ожидало многочисленное (более 150 человек) русское посольство во главе с Ф. Я. Лефортом, Ф. А. Головиным и А. Б. Возницким. Отдохнув и осмотрев Прагу (как сказано в путевом дневнике посольства, она произвела на царя сильное впечатление, представилась ему одним из крупнейших, образцово построенных городов Европы), Петр I вместе с посольством, в котором значился рядовым членом, отправился в Вену через чешские города Чешский Брод, Колин, Часлав и Иглава. С их жизнью царь также имел возможность бегло ознакомиться. Известие о востании стрельцов прервало пребывание Петра I в Вене, и он был вынужден срочно через Моравию и Польшу вернуться в Россию.

Более обстоятельное знакомство Петра I с Чехией произошло позже, чему предшествовали поездки туда его шурина дипломата князя Б. И. Куракина, лечившегося в 1705 г. на водах в Карлсбаде (Карловы Вары) и затем посетившего Прагу в 1708 г. Впечатления от пребывания в Чехии, с которыми Петр I был, несомненно, знаком, князь подробно описал в своем дневнике³.

Поездки Куракина, надо думать, усилили интерес царя к Чехии. В 1707 г. он поручил своему поверенному в Вене барону Гуиссену подобрать ему для службы в России 12 офицеров, которые говорили бы по-чешски или по-польски. Поручение это, судя по всему, хотя бы отчасти, было выполнено. Одним из начавших в 1707 г. русскую службу был австрийский офицер чех Ян Бернард Вейсбах. Вначале он получил драгунский полк, в 1709 г. во время Полтавской битвы командовал конницей правого крыла русской армии. Несмотря на ранение Вейсбах участвовал в преследовании шведов и захвате их отряда у Переволочной. Вскоре он получил чин генерал-майора. Во время Прутского похода в 1711 г. Вейсбах руководил постройкой моста через Днестр. В 1720 г. Петр I посылал его в Вену налаживать русско-австрийские отношения, резко ухудшившиеся после изгнания из России иезуитов (1719). Затем уже в чине генерал-лейтенанта Вейсбах командовал армией на Украине. При Екатерине I, в 1725 г., ему присвоили звание генерала от кавалерии, в 1735 г., уже при Анне Иоанновне, он был назначен киевским губернатором, но вскоре (в том же году) умер и был похоронен в

Полтаве. Вейсбах был не единственным выходцем из Чехии, служившим в русской армии⁴.

Второй раз Петр I посетил Чехию в 1711 г. вместе с князем Куракиным (возможно, по его совету). Здоровье царя тогда было сильно подорвано тяготами Северной войны (болезнь желчного пузыря и цинга), и он решил пройти курс водолечения в Карлсбаде. Петр I выехал туда из Киева 3 (14) сентября и прибыл на место 13 (24) сентября вечером. 15 (26) сентября начал, как сказано в его дневнике, принимать “теплые воды”. Вскоре царю стало лучше, к нему вернулись силы и бодрость, и он начал работать. К нему на прием в Карлсбад приезжают посланники Австрии, Польши, Англии, Пруссии и Ганновера. Особенно беспокоил его тогда заключенный с турками на Пруте мирный договор. Ввиду натянутости отношений с Австрией из-за Турции Петр I прибыл в Карлсбад как частное лицо, не предупредив венский двор о своем приезде. Однако, узнав о приезде русского царя, австрийское правительство послало приветствовать его от своего имени представителя Богемии графа А. Ностица.

Первое пребывание Петра I в Карлсбаде закончилось 3 (14) октября. На обратном пути в Торгау, 14 (25) октября, он присутствовал на обручении своего сына царевича Алексея с принцессой Шарлоттой фон Вольтенбюттель-Браугшвейг, сестрой австрийской эрцгерцогини. В конце декабря царь вернулся в Петербург⁵.

В октябре 1712 г. Петр I снова лечился в Карлсбаде. Это было уже третье посещение Чехии. На сей раз его принимали официально с почетной стражей и барабанным боем. Встречавший его бургграф Вратислав передал царю приветствия от Карла VI и посланную им в дар бочку вина.

О втором пребывании Петра I в Карлсбаде сохранилось больше сведений, чем о первом. Царь вел себя непринужденно, общался с простым людом, что очень нравилось карлсбадцам. Ему пришлось по нраву местные празднества, он сблизился с членами Стрелкового общества, участвовал в соревнованиях по стрельбе и добивался на них первого места. Русского правителя живо интересовала жизнь города, вместе с каменщиками он трудился на постройке дома, работал на токарном станке, осваивал кузнечное дело, встречался с ремесленниками⁶.

Находясь в Карлсбаде, Петр I звал на работу в Петербург разных мастеров, увез с собою доктора Шобера, навсегда оставшегося в России. В Карлсбаде царь встретился со знаменитым ученым Г. В. Лейбницем и вел с ним продолжительные беседы о благоустройстве государства. Лейбниц посоветовал Петру I учредить в России академию, астрономическую обсерваторию и четыре университета – в Петербурге, Москве, Астрахани и Киеве. Позже, по

просьбе Петра I, Лейбниц составил для него проекты организации образования и государственного управления в России. В Карлсбаде Петр I познакомился и с известным чешским художником Яном Купецким, который написал серию его портретов. Сохранилось любопытное свидетельство, что Купецкий с царем беседовал по-чешски⁷. Петр I приглашал Купецкого поехать с ним в Россию, но тот после долгих колебаний не решился на это, однако рекомендовал вместо себя художника Донауэра, который предложение принял. Таким образом, на чешском курорте царь не только лечился, но и многому учился, пополнял свои знания, подбирая для работы в России нужных людей. На обратном пути из Карлсбада в Россию Петр I останавливался как гость графа Ф. К. Кляри в курортном городке Теплице. Там он нанял одного чешского мастера-плотника, который построил в России несколько приводимых в движение водой лесопилок⁸.

Три визита Петра I в Чехию имели следствием дальнейшие его усилия по привлечению чехов к участию в осуществлении проводимых в России реформ. В 1715 г. в письме к своему посланнику в Вене А. П. Веселовскому Петр I поручил ему подобрать в Чехии, Моравии и Силезии на русскую службу чиновников, хорошо владеющих “славянским” языком и знающих административное дело. Тогда же он приказал Веселовскому организовать в Праге перевод ряда энциклопедических и учебных книг на русский язык. Такая работа была начата под присмотром ректора пражского университета Яна Либертина. Для участия в переводе книг по приказу царя в Прагу были направлены два знающих латынь русских студента – Иван Воейков и Феофил Кролик – и с ними два писаря. Особенно интересовали царя Всеобщий исторический словарь Буддея, Энциклопедический словарь Гюбнера и Технический словарь Гарриса⁹. Из учебных книг на русский переводились “Видимый свет в картинках” и “Открытая дверь языкам” Коменского.

Еще одним пожеланием Петра I Веселовскому было подыскать историка, который написал бы книгу о происхождении “славянского народа и его языке”. Однако оно осталось втуне.

Общим результатом знакомства Петра I с Чехией, его пребывания в Праге и Карлсбаде явился приход на русскую службу значительного числа чехов-ремесленников, разного рода специалистов, военных, чиновников. Среди прибывших из Чехии были также артисты и музыканты. Первые из них появились в России еще в 1702 г. в составе группы иностранцев, которых Петр I позвал тогда к себе на службу. Они должны были не только сами играть при дворе, но и обучать игре на разных инструментах придворных хористов и солдатских детей. Начиная с 1711 г. по приказу Петра I каждая отдельная

воинская часть в России должна была иметь свой духовой оркестр. Среди военных оркестрантов и капельмейстеров тоже было немало чехов.

В 1720 г., когда Петр I решил основать постоянный театр, русский посланник в Вене граф П. И. Ягужинский получил от него приказ, чтобы в Праге была подыскана, нанята и направлена в Россию труппа чешских актеров. В начале 1721 г. Ягужинский ответил царю, что его агенту в Чехии удалось найти пока четырех чешских актеров, готовых ехать в Россию. Что было дальше, неизвестно. Но даже если замысел Петра I относительно чешских артистов и не был реализован или осуществлен был лишь частично, то в любом случае он интересен для историка. Первая же попытка Петра I создать в Москве театр относится к 1701–1702 гг.

В 1724 г., незадолго до своей кончины, Петр I еще раз вспомнил о Чехии. Намереваясь создать в России академию и университет, он отдал распоряжение своему посланнику в Вене найти для работы в них 12 чешских студентов. Однако этого сделать не удалось. В ответе царю из Вены говорилось, что студенты-славяне не интересуются родным языком и им практически почти не пользуются. Этому не следует удивляться. Напомним, что начало XVIII в. было для Чехии временем глубочайшего культурного упадка, которое вошло в ее историю под названием “Тьма”.

Завершая краткое описание связей Петра I с Чехией, заметим, что неоднократные посещения царем Карлсбада и успешное лечение там открыли туда дорогу целому ряду государственных деятелей России, представителям ее высших кругов. К ним относятся, например, посланник в Мюнхене князь Воронцов-Дашков, посол в Вене Василий Татищев, а также генерал-адмирал граф Алексей Орлов-Чесменский, который побывал на чешском курорте трижды (1768, 1778, 1798). Помимо отдыха, лечения и ознакомления с Чехией, эти люди в какой-то мере одновременно выполняли и дипломатические функции. Так, например, в июле 1798 г. по случаю тезоименитства Павла I (16 (27) июля) граф Орлов-Чесменский устроил пышные, длившиеся несколько дней торжества, в которых участвовал весь цвет Карлсбада, несколько сот человек. По существу же, это был ряд невиданных по роскоши дипломатических приемов¹⁰.

Получили свое развитие и некоторые другие начинания Петра I, в частности касающиеся сотрудничества русских и чешских ученых, правда, в несколько иной форме. Но это особый вопрос, о котором скажем отдельно.

Научные контакты

Чешская наука в XVIII в. находилась в стадии становления и в организационном отношении несколько отставала от русской. В то время как учрежденная Петром I в 1724 г. Императорская Академия наук (Академия наук и курьезных художеств) была открыта Екатериной I в 1725 г. и к середине века уже имела определенный опыт, самое раннее в Чехии научное общество – Общество неизвестных ученых – было основано при Оломоуцком университете лишь в 1746 г. Президентом общества был барон Йозеф Петраш. Оно имело свое периодическое издание “*Monatliche Auszüge alt und neuer Gelehrten Sachen*” (“Ежемесячные извлечения из старых и новых научных предметов”), где часто сообщалось об исследованиях, проводимых в Петербургской академии и вообще в России. Так, в “*Monatliche Auszüge*” сообщалось о камчатских экспедициях Витуса Беринга, которые очень интересовали оломоуцких ученых. Некоторые из них вступали в прямые контакты с петербургскими коллегами. Это относится, например, к занимавшемуся восточными языками графу Франтишеку Джаннини, который переписывался с конференц-секретарем русской академии Г. Ф. Миллером, известным исследователем Сибири. Тот отвечал на вопросы Джаннини относительно языков народов Сибири и всей России. Чешский ученый в свою очередь сообщал Миллеру о состоянии науки в Австрии и деятельности Общества неизвестных ученых¹¹, которое просуществовало, правда, лишь до 1750 г. Несмотря на его лояльность по отношению к правительству Марии Терезии, австрийская бюрократия и клерикалы считали его нежелательным.

Большее, нежели оломоуцкое общество, значение для развития чешской науки и культуры в XVIII в. имело основанное на рубеже 1760-х и 1770-х годов (точная дата неизвестна) в Праге Частное научное общество. Оно явилось тогда наиболее авторитетным объединительным научным центром в Чехии и Моравии. Инициатором образования Частного научного общества считается известный чешский минералог Игнац Борн. Позже, в 1784 г., это Общество стало именоваться Королевским чешским научным обществом¹², а в 1891 г. на его основе была создана Чешская императорская академия.

Чешское научное общество уже в начале своего существования во многом опиралось на организационные принципы и методы проведения исследований, которые использовались в русской академии. Один только пример: проводя геологические и минералогические поисковые работы в Чехии и Моравии, входившие в Общество чешские ученые опирались на практику картографирования и геологических описаний отдельных областей России,

которые осуществлял академик П. С. Паллас¹³. В Петербурге знали о деятельности чешских научных обществ. Один из их основателей Игнац Борн переписывался с Палласом, в марте 1785 г. он информировал русского ученого о новых способах плавки золота и серебра. Член Королевского чешского научного общества профессор Ф. Й. Герстнер послал в Петербург статью о своих астрономических наблюдениях и расчетах передвижения Урана. В связи с пятидесятилетием Петербургской академии И. Борн был избран за свои научные заслуги ее почетным членом. Несколько позже Королевское чешское научное общество приняло в свои ряды известного русского металлурга и специалиста по горному делу И. Ф. Германа, чей технологический опыт был широко использован в Чехии.

В середине XVIII в. в составе членов и сотрудников Петербургской академии было немало иностранцев. Намерения Петра I привлечь к работе в российской академии чешских ученых сбылись лишь минимально. Среди ее сотрудников числился только один чех – физик Иосиф Адам Браун, уроженец западночешского города Аш, которого пригласили в Россию в 1746 г. В ту пору чешским естествоиспытателям нередко приходилось соприкасаться с другими трудившимися в России иностранцами. Это относится и к чешскому изобретателю громоотвода, премонстрантскому монаху и затем сельскому священнику Прокопу Дивишу, о связях которого с представителями русской науки известно несколько больше. Но прежде коротко о нем самом.

Доктор теологии и философии, сын крестьянина, Прокоп (Вацлав) Дивиш (1688–1765) был одним из выдающихся ученых–экспериментаторов XVIII в., хотя и провел значительную часть своей жизни в небольшой деревне близ южноморавского города Зноймо. Современник Эйлера, Рихмана, Ломоносова, Франклина, в свое время Дивиш внес существенный вклад в изучение электрических явлений, стремясь поставить электричество на службу человеку. Спустя год, после того как в Петербурге погиб изучавший вместе с Ломоносовым атмосферное электричество Рихман, ошибку которого Дивиш понял (об этом свидетельствуют его письма к Эйлеру), в июне 1754 г. чешский ученый установил во дворе своего сельского дома изобретенную им “метеорологическую машину”. Это был первый заземленный громоотвод, появившийся за шесть лет до “молниевода” Франклина в Филадельфии. В процессе изучения электричества Дивиш применял его для лечения больных ревматизмом, о чем с гордостью писал в Петербургскую академию. Чешский экспериментатор обрабатывал электричеством семена салата и чечевицы, после чего они всходили быстрее обычного. Теоретическое осмысление опытов Дивиша в области электричества нашло отражение в его

научном трактате “*Magia naturalis*” (“Натуральная магия”), изданном в Тюбингене в 1765 г.

А теперь подробнее о связях Дивиша с русскими учеными. Узнав из газет о безвременной кончине 26 июля (6 августа) 1753 г. петербургского ученого, академика Н. В. Рихмана и характере его эксперимента, Дивиш усмотрел причину поражения русского ученого в изоляции его молниеприемника, т. е. в том, что он не был соединен с землей. В этой связи у чешского ученого и родилась идея создания его “метеорологической машины”. Но прежде чем приступить к ее осуществлению, он обратился в начале сентября 1753 г. к почетному академику Петербургской академии, а позднее ее действительному члену Леонарду Эйлеру с просьбой обсудить его “Сочинение против петербургского электрика о неправильном применении теории” (на лат. яз.), в котором он изложил свои мысли по поводу ошибки Рихмана. Однако Эйлер ему не ответил. В конце октября того же года Дивиш снова написал ему и послал еще одну рукопись на латинском языке “Размышления... о несчастном метеорологическом опыте г. профессора Рихмана в Петербурге 26 июля 1753 г.”, во многом аналогичную первой (она хранится в Архиве АН в Санкт-Петербурге). И снова Эйлер отмолчался. Лишь после того как Дивиш, так и не дождавшись ответа на письма, создал свою “метеорологическую машину” и о его заземленном молниеотводе появились сообщения в газетах, Эйлер проявил внимание к чешскому ученому-экспериментатору. В его письме к Г. Ф. Миллеру (апрель 1755 г.) говорится: “Я также посоветовал господину патеру Дивишу в Моравии, опыты которого, поставленные против грома, привлекли столь большое внимание, послать сообщение об этой материи в Императорскую Академию”¹⁴.

Дивиш, которому Л. Эйлер написал лишь в августе 1754 г., последовал его совету. В июле 1755 г. он обратился в Императорскую академию с письмом, которое начиналось так: “Пишущий эти строки, может быть, неизвестен у Вас, однако, если газеты из Германии достигали до Св. Петра и оплота Вашей науки, то мне довольно и того, что мои труды и плоды моих трудов известны Вам хотя бы по названию”. Далее в письме Дивиша говорится о том, что он занимается “электрическими опытами”, что коллеги-ученые советуют ему составить “теорию электричества”, однако он не решается на это без одобрения какой-нибудь выдающейся академии, а поскольку Петербургская академия “более чем любая в Европе занимается теорией электричества”, то ее “славнейших мужей” он и просит рассмотреть его “рассуждения об электрическом огне”¹⁵. Эти рассуждения под названием “*De uctio theoretica de igne electrico*” (“Теоретические истолкования электрического огня”) представляли собой сжатое изложение основных положений будущего главного

труда Дивиша “Натуральная магия”, который он, не получив отзыва из Петербурга, закончил в 1761 г., но смог издать лишь четыре года спустя (затем его не раз переиздавали).

Рукопись Дивиша “Теоретические истолкования” дважды (в июле и в августе 1756 г.) зачитывалась Г. Ф. Миллером на академической конференции¹⁶, однако каких-либо решений относительно нее принято не было. Тем не менее Дивиш продолжал следить за выходившей в России литературой по электричеству. Об этом свидетельствуют полемические замечания в его “Натуральной магии” в адрес Эйлера младшего (Иоганна Альбрехта), под именем которого в Петербурге в 1755 г. было напечатано латинское сочинение Леонарда Эйлера “Исследования о физической теории электричества”.

В 1772 г. в Петербурге вышел второй том “Писем о разных физических и философических материях, писанных к некоторой немецкой принцессе с французского языка на российский переведенные Степаном Разумовским”, автором которых был Леонард Эйлер. В нем довольно подробно говорилось о Дивише как исследователе электричества, в частности о том, “что он через целое лето отвращал гром и молнию от жилища своего”¹⁷. Это было первое печатное сообщение о Дивише на русском языке¹⁸.

Свою страницу в историю чешско-русских научных отношений вписали и русское Вольное экономическое общество, имевшее в Чехии своих членов и членов-корреспондентов. Одним из первых, с кем установило научные связи оно в Чехии, был пражский профессор М. А. Ветше, ответивший в 1767 г. на его анкету о феодальных повинностях и материальном положении крепостных¹⁹.

Два эпизода из истории чешско-русских научных контактов XVIII в. связаны непосредственно с Екатериной II. В 1769 г. она пригласила в Россию наблюдать за прохождением Венеры уроженца Моравии, гейдельбергского профессора, иезуита Христиана Мейера (1719–1783), который приезжал в Петербург и даже печатал там свои астрономические и географические труды. В семидесятые годы императрицей был задуман сравнительный словарь. Необходимые для него чешские языковые данные принимавшему участие в его подготовке главному сотруднику, библиотекарю библиотеки Академии наук Г. Л. Х. Бакмейстеру присылал из Чехии священник Эйснер²⁰.

Таковы некоторые сведения о научных контактах чешских и русских ученых в XVIII в. Отдельных вопросов чешско-русских связей в области гуманитарных наук мы еще коснемся.

Чешская культурная эмиграция

Как уже отмечалось, еще при Петре I началось привлечение в Россию из Чехии людей искусства, умственного труда и редких профессий. Во второй половине XVIII в., особенно при Екатерине II, их число значительно возросло. Прежде всего это были музыканты, оказавшие немалое влияние на развитие русской музыкальной жизни.

После Петра I музыка, как и другие искусства, становится в России неотъемлемой частью придворной жизни. Фанфарные приветствия и танцевальная музыка постепенно уступают свое место оперным представлениям и камерному концертированию. При Анне Иоанновне уже существовал придворный оркестр.

Сохранились сведения, что среди служивших при дворе музыкантов были и чехи – виолончелист Гашпар, контрабасист Эйзел, валторнисты Шмидс и Киттел, а также Ян Пакорны и Фердинанд Келбел. Много чешских музыкантов трудилось в России при Елизавете Петровне и Екатерине II. Перечислить их всех невозможно, скажем лишь о некоторых.

В 1748 г. по приглашению А. А. Бестужева-Рюмина в Россию прибыл виртуоз игры на валторне (лесном роге) Ян Антонин Мареш (1719–1794). Вначале он служил у А. П. Бестужева-Рюмина, а затем был солистом оркестра императорской оперы. Россия стала второй его родиной. Мареш прославился как капельмейстер рогового оркестра, который он возглавил у С. К. Нарышкина, бывшего директором императорских театров. Этот необычный оркестр, составленный из русских охотничьих рогов, каждый из которых издавал лишь один тон, пользовался большим успехом. Исполнявшаяся им так называемая “охотничья музыка”, которую сочинял сам Мареш, была новшеством и производила сильное впечатление на современников, в том числе на Ломоносова. Он даже написал специальную оду “На изобретение роговой музыки”, которая содержит строки:

Что было грубости в охотничьих трубах,

Нарышкин умягчил при наших берегах,

Чего и дикия животны убежали,

В том слухи нежные приятности сыскали²¹.

Еще одним выдающимся горнистом-рожечником, служившим в 1770-е годы в России капельмейстером у графа Разумовского, был соотечественник Мареша Карел Лау, писавший партитуры для роговых оркестров и впервые применивший при игре на медном роге сурдину. Роговые оркестры в екатерининское время и позже были очень распространены, иногда их состав

доходил до 300 членов, как это было у Потемкина, у которого служил Лау. Роговые оркестры, помимо специально для них написанных сочинений, исполняли произведения Россини, Керубини, Спонтини и даже такие сложные вещи, как увертюра к “Волшебному стрелку” Вебера или же симфонии Моцарта и Гайдна. Так называемая роговая музыка исчезла лишь при Николае I.

Заметной фигурой среди придворных музыкантов-чехов был пианист, барон Арношт Ванчура (1750–1802), сыгравший определенную роль в истории русской комической оперы и театра. Он написал в России музыку к двум операм (“Смелый и отважный витязь Архидеич”²² и “Обманутый поручик”), шесть симфоний, а еще сочинял музыку для танцев.

Прибывший в Россию в 1790-е годы выходец из Чехии композитор, скрипач и дирижер Франтишек Ксавер Блима (умер в 1822 г.) руководил Петровским театром в Москве. В 1798 г. он написал на либретто А. И. Малиновского оперу “Старинные святки”, которая имела большой успех. Блима был едва ли не единственным композитором-иностранцем, который постиг национальное своеобразие русской жизни и музыки. В его опере использованы мелодии русских народных песен. Кроме оперы, Блиме принадлежат 2 симфонии, ряд произведений для скрипки с оркестром и другие сочинения. Надо заметить, что в XVIII в. на русских сценах (придворных и частных) ставились оперы чешских композиторов, не только живших в России, но и таких, как Йозеф Мысливечек, Франтишек Бенуа или Павел Враницкий.

Наряду с увлечением оперой, во второй половине XVIII в. в России увлекались и концертами, что также привлекало чехов в Россию. Иногда приезжали и годами жили в ней целые музыкальные семьи. Так, например, на службе у великого меломана князя Потемкина, помимо учителя музыки и композитора Игнаца Гелда (1764?–1816) и уже упомянутого Е. Лау, находились четыре брата Грдлички, составившие первый чешский квартет в России.

Заметный след в истории русской музыкальной жизни оставили братья Керцели (Керцелли) Франтишек (капельмейстер, композитор, виолончелист), Йозеф (дирижер и композитор), Ян (композитор, капельмейстер), сын Франтишека Михаил (пианист, скрипач, педагог, композитор) и сын Яна – Михаил второй (пианист)²³. Все они жили в России во второй половине века, по преимуществу в Москве. Франтишек, автор виолончельного концерта, руководил концертными выступлениями симфонических и роговых оркестров. Иосиф редактировал первый в России нотный журнал “Музыкальные увеселения” (1774–1775), в 1773 г. он открыл в Москве музыкальное училище, где преподавали его родственники. Яну, как полагают, принадлежит музыка к опере “Свадьба Волдырева” (поставлена в 1794 г.). Михаил (сын Франтише-

ка) считается автором комических опер “Деревенский ворожея”, “Розана и Любим” (на тексты Н. Николаева), “Аркас и Ирос” и др. Он же был автором струнных квартетов, скрипичных дуэтов, оркестровых сочинений и духовной музыки.

Среди чешских концертантов, подолгу живших в России в конце XVIII в., чьи имена дошли до нас, можно назвать еще арфистов Немечека и Фишера, гобоиста и виртуоза игры на лесном роге Кноблоха, горнистов Полака и Зеленку, а также мастера игры на басовой виоле Иозефа Фиалу (1748?–1846). Последний перед отъездом в Москву (1787) встречался в Вене с Моцартом. В Москве он организовал оркестр и на протяжении 3-х лет выступал перед русскими слушателями, играя на инструменте, который они раньше не слышали.

Внесли свой вклад жившие в России чешские музыканты-эмигранты и в усовершенствование музыкальных инструментов. Чешскому горнисту Фердинанду Келбелу, приехавшему в Россию в годы правления Елизаветы, после многолетних усилий удалось установить клапаны на лесном роге, сделав его таким образом многотональным. А чех Ондржей Сыхра (1765–1850), проживший всю жизнь в России, арфист и гитарист, был не только выдающимся музыкантом, но и создателем семиструнной русской гитары, которая потеснила шестиструнную французскую. Сыхра имел в Москве и Петербурге много учеников, издавал специальный журнал для обучающихся игре на гитаре.

Особо следует еще сказать о чехе из Силезии Яне Богумире Праче (1760?–1818), который жил в Петербурге, по всей видимости, с 1770-х годов. Врач по образованию, он проявил себя в России педагогом, музыкантом-пианистом, композитором и собирателем народных песен. Прач преподавал игру на фортепиано в Смольном институте и театральном училище. Он переложил на фортепиано партитуры двух комических опер на тексты Екатерины II (“Бедный богатырь Косоматович” и “Февей”), написал несколько фортепианных произведений и “Школу игры на фортепиано”. Однако главным, чем вошел Прач в историю русской культуры, стала его книга “Собрание народных русских песен с их голосами. На музыку положил Иван Прач” (СПб., 1790), которая много раз переиздавалась (1806, 1815, 1896). Ею пользовались многие, например Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, а также Я. Коллар, П. Й. Шафарик, В. Ганка, обращался к ней и Бетховен.

Разумеется, названные имена чешских музыкантов – это всего лишь часть из тех, кто жил и работал в XVIII в. в России²⁴. Их было значительно больше, и не только в Петербурге и Москве, но и в губернских городах, и в дворянских усадьбах. Не обо всех из них известно. Насколько велика была роль чехов в русской музыкальной жизни, позволяют судить слова знатока

той эпохи П. Безсонова: "Каждый крупный барский, и даже многие мелкие помещичьи дома, имели у себя оркестр домашних музыкантов и хор певчих, большей частью из дворовых мужчин, женщин и детей, между которыми ценились по голосам малорусы под управлением доморожденных артистов, а нередко и нанятых приезжих, из коих выдавались вперед чехи"²⁵.

Наряду с музыкантами, приезжали в Россию в XVIII в. и артисты, и певцы, и художники. Их было меньше, и о них, к сожалению, сохранилось мало сведений. Известно лишь то, что в открывшихся в середине XVIII в. в Петербурге и Москве театрах были чешские актеры. Их имена остались неизвестными. Однако известно, что позже, например в 1780 г., в Петербурге играла популярная чешская актриса Эдмунда Тиллова-Шолцова, а в конце века там же выступала трагедийная актриса Жофие Шредерова.

В театральной жизни Петербурга и Москвы активно участвовал Арношт Ванчура, бывший в 1783 г. директором московского театра при Воспитательном доме, а с 1786 по 1796 г. – директором императорских театров. Работа чешских артистов на русских сценах во второй половине XVIII в. предопределила приезд в Россию из Праги труппы известного чешского актера, режиссера и драматурга Карела Штейнсберка (1757–1806), автора трагедии "Емельян Пугачев" (1777), которая выступала в Петербурге и Москве в 1802–1806 гг.

Приезжали трудиться в Россию и художники, но о них известно еще меньше, чем об артистах. Об одном из них, Донауэре, которого Петр I вывез из Карлсбада, уже говорилось. По приглашению Павла I с 1797 по 1808 г. в России работал чешский художник Мартин Фердинанд Хватал или Квадаль (1736–1808). Он выставял свои картины на русских выставках, в 1804 г. в знак признания мастерства ему, первому их чехов, было присвоено звание академика Российской академии художеств.

Во второй половине XVIII в. в России жил и пользовался большим успехом еще один выходец из Чехии – художник Карел Христинец. Его картины привлекают внимание критиков и любителей живописи по сей день. Примечательно, что Христинец был одним из помощников Ломоносова в работе над известной мозаической картиной, изображающей Полтавскую битву.

К сожалению, обобщающих, синтетических работ о чешской культурной эмиграции в России XVIII в. пока нет. То, что удалось собрать по этой теме, никак не исчерпывает ее. Это лишь явно неполный материал о деятельности чешской эмиграции в России. Не рискуя ошибиться, о ней, пожалуй, можно сказать лишь то, что преобладающую часть чехов-эмигрантов тогда составляли музыканты.

Чешское стекло и сукно

В Историческом музее в Москве есть несколько бокалов с надписью "CZAR CASANIEN ZIBIRIEN ASTRACHANIEN RUSSIA" (Царь казанский, сибирский, астраханский, русский) и изображением русского герба. Там же хранится ваза с изображениями сцен битвы под Полтавой и торжеств в Москве по случаю ее победного исхода. И бокалы, и ваза, и резьба на них – все это материальные свидетельства торговли чешским стеклом в России в XVIII в., которая началась еще при Иване Грозном. Чешское стекло и тогда, и позже было одним из главных товаров, вывозимых из Чехии в Россию.

Оживление торговли стеклом пришлось на петровское время. Одним из крупных чешских поставщиков стекла в это время был Иржи Франтишек Крейбих (1662–1736). В 1689 г. он, проследовав через Силезию, Польшу, Вильно, Минск и Смоленск, в шестой раз посетил Москву с двумя возами своего стеклянного товара, на который был большой спрос у московских дворян. Об этой поездке он позже написал воспоминания: "В Москве я немедленно был принят князем Голицыным, чему посодествовали один генерал и придворный аптекарь. Два немца были моими переводчиками у князя, который для царевича и княжны, которая была на троне, купил у меня за сто твердых имперских таллеров разного стекла, и разрешил остановиться на отдельном дворе, и приказал таможенным чиновникам ... не брать с меня пошлины". Однако так удачно начавшееся пребывание Крейбиха в Москве было нарушено стрелецким бунтом, после которого ему с другими чешскими торговцами стеклом, прибывшими позже, пришлось без особой прибыли возвращаться домой в Чехию. На некоторое время торговля стеклом приостановилась, но, как пишет Крейбих, через шесть лет "многие сотни тысяч стеклянных изделий" из Чехии стали поступать в Россию через Архангельск.

Основание в 1703 г. города и порта Санкт-Петербурга открыло новые возможности для торговли, и чешские купцы оценили это. В 1710 г. известный владелец производящих стекло предприятий и купец Ян Кашпар Киттел направил из Северной Чехии в Россию со своим будущим зятем Кристианом Франтишком Раутенштраухом большую партию стекла. Его везли из Чехии до Гамбурга на подводах, а оттуда на судах прямо в Санкт-Петербург. Есть предположение, что именно с поездкой Раугенштрауха связано большое количество находящихся в русских музеях бокалов, которые уже в России были украшены двуглавым орлом и надписью VIVAT CAR PETR ALESEJEVIČ. Торговля стеклом на какое-то время сократилась, когда в 1715 г. Саксония запретила свободное продвижение судов по Лабе (Эльбе)²⁶.

Не обходилось и без торговых конфликтов. В 1705 г. в Богодухове под Москвой началось строительство бумажной фабрики. В этой связи русские власти в лице графа И. А. Мусина-Пушкина выдали чешскому торговцу стеклом Кристиану Пальме вексель на 1095 таллеров, который обязывал его по договору закупить за границей все необходимое для бумажной фабрики оборудование. Получив в Гамбурге деньги, Пальме ничего на них не купил. Тогда русские власти решили возместить потерю за счет находившихся в России чешских торговцев стеклом. Дело дошло до многолетних дипломатических переговоров по поводу этого инцидента. Однако, несмотря на это, торговля чешским стеклом все же продолжалась.

В архиве г. Каменички Шенов, бывшего центром международной торговли чешским стеклом, сохранились такие записи гражданского состояния: "1737. Ганс Кристиан Ульм в своей поездке остается в России уже второй год, Волтин Горн торгует в Москве; 1761. Франтишек Пальме находится в торговой поездке в Москве более 6 лет; 1765. Я. Г. Вейдlich торгует в Москве (около трех лет), Франт. Антонин Грон уже 16 лет торгует в Москве, Йозеф Крейбих находится в торговой поездке в Москву (около трех лет)"²⁷. Все это имена торговцев чешским стеклом.

Другим пунктом, откуда вывозили стекло, было местечко Засада на Железнодорожск. Его жители торговали не только своим стеклом, но и купленным в других городах Чехии. Тех, кто ездил со стеклом в Россию из Засады на Железнодорожск, называли "мошквани".

Во второй половине XVIII в. объем сбыта чешского стекла в Россию возрос, прежде всего за счет зеркал, которые производила мануфактура графа Кинского. На них был большой спрос. Правда, торговля несколько притормаживалась тем, что расплачивались за чешское стекло русские купцы юфтой и пушниной. Это не наносило чешским торговцам ущерба, но требовало от них постоянного наблюдения за ценами юфты и пушнины в Гамбурге, куда они везли их из России. А это было не очень просто.

Приток чешских изделий из стекла с резьбой оказал определенное влияние и на развитие стекольного дела в России. На основанном купцом Акимом Мальцевым в 1756 г. на р. Гусе знаменитом стекольном заводе (теперь это г. Гусь Хрустальный) выпускались изделия, копирующие мотивы чешских резчиков по стеклу (бегущие олени, львы, барочные розы, маргаритки, горящие сердца и т. д.). На русских стекольных заводах работало немало чешских мастеров. Их эмиграция из Чехии была столь значительна, что австрийские власти запрещали им выезд, а русских вербовщиков предлагали подвергнуть аресту.

Таковы некоторые сведения о торговле чешским стеклом в России в XVIII в. Насколько значительным было это явление, показывает то, что долгие годы, вплоть до нашего века, в России пользовались словосочетанием “бемское стекло”, т. е. богемское (чешское) стекло, для обозначения высококачественного белого оконного стекла и лучших сортов хрусталя.

Слово “бемский” можно встретить в разных русских словарях, в частности у Даля, Михельсона и Ушакова.

Вторым по значению товаром, который вывозился в XVIII в. из Чехии в Россию, было сукно. В предшествующие XVI–XVII века оно стояло на первом месте по сравнению с другими чешскими товарами (полотном, моравскими и чешскими чепцами, ножами, шафраном, стеклом, вином). Теперь торговля сукном сократилась в связи с тем, что в XVIII в. овцеводство в России получило уже такое развитие, что шерсть стали вывозить на суконные фабрики в Брно. И здесь не обошлось без инициативы Петра I, издавшего в 1716 г. указ о заведении на Украине силезских (шленских) овец, “чтоб час от часу добрая шерсть укоренялась”. Для этого капитан Гаврила Норов был специально послан в Силезию, чтобы подыскать там 40 знающих дело людей для разведения “шленских” овец в России. Однако русское суконное производство, которое уже было в XVIII в., развивалось медленнее, чем овцеводство, и потому спрос на привозное сукно из центральной Европы в России сохранялся.

Чешские и моравские сукна до начала XVIII в. поступали в Россию по Белому морю в Архангельск, долгое время бывший главным ее торговым городом, однако с основанием Санкт-Петербурга они стали поступать и туда. Особенно большим привоз сукна из Чехии и Моравии был в конце XVIII столетия²⁸.

Сочинения Я. А. Коменского в России

Имя Яна Амоса Коменского (1592–1670) было известно в России, как есть основания думать, еще при его жизни. Однако широкое знакомство с его сочинениями началось лишь в XVIII в. Одним из первых религиозно-философских и политических изданий Коменского, проникших в Россию еще в конце XVII в., была книга “Lux e tenebris” (“Свет и тьма”) – собрание пророчеств Криштофа Коттера, Кристины Понятовской и Микулаша Драбика, – вышедшая в Амстердаме в середине XVII в. Ее послал в Москву незадолго до своего приезда в нее (1689) Квирин Кульман, разделявший взгляды Я. А. Коменского. Эта книга предназначалась для европейских правителей,

призывала их к пересмотру Вестфальского договора, который не учитывал интересов чехов. В одном из “видений” бывшего школьного товарища Коменского Драбика говорилось, что “московиты” помогут “божьему делу”, т. е. поддержат борьбу протестантов с Папской курией. Оставляя в стороне судьбу евангелика Кульмана²⁹, который пропагандировал протестантскую книгу в Москве, заметим, что она содержала предисловие Коменского. В нем прекращение раздиравших Европу войн отождествлялось с устранением дома Габсбургов и опекаемого им папы, чему, по мнению автора, должны были помочь народы Севера и Востока.

Дальнейшее знакомство с сочинениями Коменского в России, но уже иного характера, связано с просветительной деятельностью Петра I, чего мы уже частично касались. Во время поездки за границу в 1697 г. одним из советчиков Петра I был ученик Коменского и друг Лейбница, дипломат и бургомистр Амстердама Н. Витсен. Общение с ним не замедлило сказаться. В 1703 г. плененный русскими войсками лютеранский пастор Эрнет Абт Глик (или Глюк), в семье которого некогда жила будущая жена царя Екатерина Скавронская, по поручению Петра I открыл в Москве на Покровке первоначальную гимназию для разных сословий. В программе этой гимназии как одна из основных книг Гликом обозначена “*Janua linguarum*” (“Януа латинская”) Коменского. Есть сведения, что по указу Петра Гликом переводились книги Коменского “*Orbis pictus*” и “*Janua reserata linguarum Comenii*”³⁰. Но ни эти, ни другие русские переводы трудов Коменского в то время опубликованы не были. Это случилось лишь во второй половине XVIII в.

В 1768 г. в Московском университете было подготовлено и издано одно из самых популярных произведений Коменского – “Видимый свет на латинском, российском, немецком, италийском и французском языках...” В предисловии к этому изданию говорится: “Сим для выгоды и пользы российского юношества предлагается книга, называемая Видимый свет, сочиненная Иоганном Амосом Коменским на пяти языках. В оной преподается и показывается основательное наставление для употребления правила просвещающего и исправляющего теоретическую силу души, как самым легким образом и способом через вещи чувствам подлежащие не только ум просвещать и распространять, но и остроумие в детях от времени до времени изощрять и умножать должно...”. О самом Коменском в предисловии сказано, “что он наилучший способ избрал и наилучший род учения предпринял по употреблении чувства для выгоды и приращения добродетели и пр. мудрости”³¹.

Вскоре за изданием первого перевода книги “*Orbis pictus*” последовали другие. Три раза эта книга выходила в 1788 г., один раз в Москве (типография Н. И. Новикова) и два раза в Петербурге (типография Академии

наук). Пятый раз ее издали в российской столице в 1793 г. Петербургские издания имели названия: “Зрелище Вселенные на латинском, российском и немецких языках...”, “Зрелище Вселенная на французском, российском и немецком языках...” Они были сопровождаемы иллюстрациями. В подготовке петербургских изданий участвовал известный школьный деятель и педагог екатерининского времени серб по происхождению Ф. Янкович де Мириево (Ф. И. Янкович Мириевский). О большой популярности книги Коменского в России свидетельствует то, что по “Уставу народных училищ Российской империи” 1786 г. она была введена в качестве основного учебного пособия для изучения иностранных языков.

Однако еще задолго до этого, начиная со времени Петра I, с оригиналами сочинений Коменского в России были знакомы многие, в частности епископ Феофан Прокопович, фельдмаршал Я. В. Брюс, дипломат А. А. Матвеев, рязанский епископ Гавриил³². К числу русских читателей Коменского принадлежал и М. В. Ломоносов, которого особенно привлекала книга “*Orbis pictus*”, имевшаяся в его библиотеке. С именем Ломоносова связано и ее первое русское издание в 1768 г. Именно он возглавил группу профессоров Московского университета – инициаторов этого издания. Ломоносов, как и Коменский, выступал за первоначальное изучение родного языка, а затем уже освоение иностранных.

“*Orbis pictus*” не единственное произведение Коменского, которое издавали в России в XVIII в. Долгое время считавшиеся принадлежащими Н. Н. Бантыш-Каменскому “Правила благопристойности для преподавания обучающемуся юношеству” (СПб., 1782) оказались переводом произведения Коменского “Правила поведения” (“*Praecepta morum*”).

О широком распространении сочинений Я. А. Коменского (издания XVII – начала XVIII в.) в России XVIII в., а следовательно, и его идей, красноречиво говорит наличие большого количества книг чешского мыслителя и педагога в русских библиотеках. Только в Санкт-Петербурге и Москве их около ста пятидесяти. Популярность книг Коменского сохранялась и позже. Достаточно сказать, что “Зрелище Вселенные...” служило учебником для М. Ю. Лермонтова, А. И. Герцена, Н. И. Пирогова и др.³³ Начавшееся в XVIII в. ознакомление с наследием Я. А. Коменского имело свое продолжение. Множество его трудов было издано в России в XIX и XX столетиях.

Иркутский губернатор Франц Кличка

Имя этого человека, выходца из Чехии, очень редко встречается на страницах работ по русской истории и чешско-русским отношениям. А между тем его вклад в развитие Иркутска и всей Восточной Сибири и историю чешско-русских связей заслуживает внимания.

Франтишек Миколаш³⁴ или Франц Николаевич (так его звали в России) Кличка родился около 1730 г. в крестьянской семье, которая жила неподалеку от г. Клатовы. Окончив клатовскую иезуитскую гимназию, он пытался продолжить образование в Праге, на что средств не было и приходилось зарабатывать репетиторством. Случилось так, что в конце 40-х годов его пригласили работать воспитателем в одной из богатых русских дворянских семей. С этого времени Россия становится второй родиной Клички. Домашним учителем он был недолго, в 1750 г. после окончания артиллерийского корпуса он уже стал русским офицером. После Семилетней войны (1756–1763) он – секунд-майор, в 1769 г. – подполковник Ярославского полка. За проявленную храбрость в битвах с турками под Хотином, при р. Ларге и под Килиею Кличка получил чин полковника и стал одним из первых в России георгиевских кавалеров, был награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1771–1773 гг. Кличка вновь отличился в сражениях на правом берегу Дуная, за что получил орден Св. Георгия III степени и чин бригадира. В 1775 г. его производят в генерал-майоры³⁵.

В 1777 г. по указу Екатерины II Кличка был назначен правителем Новгородской губернии, а в 1778 г. определен ею же на место губернатора Иркутской губернии, в которую тогда входило обширное пространство Восточной Сибири вплоть до Охотского моря. Почти одновременно с новым назначением Кличка получил чин генерал-лейтенанта и орден Св. Анны I степени. Став иркутским губернатором, Ф. Н. Кличка сделал немало полезного, вся его деятельность на этом посту характеризуется прогрессивно-просветительными устремлениями.

Вот что пишет о пребывании Ф. Н. Клички в должности иркутского губернатора П. И. Пежемский в “Иркутской летописи”: “1779 г. Февраля 1 дня (ст. ст. – Л. К.) прибыл вместо Немцова вновь определенный губернатором в Иркутск генерал-майор Франц Николаевич Кличка и вскоре вступил в управление губернии. Он оставил в Иркутске по себе славу добрую, справедливого начальника, принимал и выслушивал всех ласково и благосклонно, словесные и письменные просьбы решал без отлагательства и без мздоимства; ссоры и споры старался прекращать дружелюбием и через посредников;

смотрел и наблюдал за скорым и справедливым решением дел в судах. Помогая сиротам и неимущим, поощрял торговлю и словом, благоразумием, добротой и благонамеренностью запечатлел в сердцах иркутских жителей надолго о себе славное воспоминание”³⁶.

Из “Иркутской летописи” мы узнаем и о большой культурно-просветительной деятельности Клички. При нем в 1781 г. в Иркутске была открыта первая, так называемая “градская” школа “для обучения детей грамоте”, а год спустя там же состоялось открытие училища “для детей всех сословий”. Помимо Иркутска, была открыта еще и “школа для юношества” в Охотске. Оценить значение этих событий можно, лишь приняв во внимание, что до 1777 г. в Иркутске не знали чернил, что, по сообщению иркутского магистрата от 1774 г., грамотных людей там было “сыскать весьма трудно”³⁷.

В “Предуведомлении”, т. е. в своеобразном обосновании необходимости учреждения школ и других культурных учреждений, сам Кличка писал: “По прибытии моем 1779 г. февраля 1 дня в Иркутск, восстановя нужный порядок правительству, главнейшим моим предметом быть почел подумать о основании нужного публичного общественного училища для всенародной здешней пользы”³⁸.

Большим культурным событием в жизни иркутян, инициатором которого был Кличка, явилось открытие в 1782 г. общественной библиотеки, для которой губернатор пожертвовал 204 свои книги. Это была вторая в России, после Тулы, публичная библиотека.

Сам Кличка в “Предуведомлении” пишет, что цель создания “книгохранильницы” “есть та, дабы каждый и всякий мог пользоваться” чтением книг “для исправления сердца, для просвещения ума и для питания духа и души своей”³⁹. В составленных Кличкой “Правилах” работы библиотеки говорилось: “Книгохранильница отворена для всех всякий день от вечера до утра”⁴⁰.

Одновременно с библиотекой Кличка создал в Иркутске и музей, который, по его замыслу, должен был, с одной стороны, способствовать распространению полезных знаний среди жителей Сибири, а с другой – демонстрировать богатства края.

Для осуществления своих просветительных начинаний Кличка привлекал ученых, в частности члена Академии наук Эрика (Кирилла) Лаксмана и члена-корреспондента Академии наук Александра Карамышева. Сам Кличка находился в переписке со знаменитым исследователем Сибири Гергардом Фридрихом (Федором Ивановичем) Миллером. Из Иркутска в Петербург шли регулярные сообщения о метеорологических наблюдениях, посылались экспонаты для Кунсткамеры.

Как администратор Кличка постоянно заботился об экономическом развитии вверенной ему губернии. Так, в 1779 г. в Иркутске был учрежден банк. С прибытием нового губернатора оживилась торговля, возобновился торг на Кяхте (с 1778 по 1781 г. годовая стоимость обмененных там товаров возросла почти в 4,5 раза). При Кличке в Забайкалье был открыт ряд новых рудников, заметно выросла в Нерчинске добыча серебра. Особо заботился губернатор о развитии сельского хозяйства в Восточной Сибири. Он всячески стремился помочь развитию хлебопашества и внедрить посадку картофеля. В одном из своих донесений в Петербург Кличка не без гордости писал: "...Приемлю дерзновение ... уверить, что во время моего иркутского губернского правления... не доходило случая, чтобы имели нужду в пропитании, кроме одной по местам в хлебе дороговизны"⁴¹.

Приходилось Кличке заниматься и военными делами. В конце XVIII в. в Сибири только на сухопутной границе было 8 крепостей и 64 редута и караула. Все они требовали постоянного наблюдения. После гибели Кука (1779) члены его экспедиции дважды заходили в Петропавловскую гавань. Появление англичан на Камчатке встревожило Екатерину II. В связи с этим Кличка организовал и отправил тогда в Петропавловск специальную команду для постройки в гавани редутов.

Кличка находился в Иркутске до июля 1783 г. "Чиновники и граждане Иркутска, – говорится в "Иркутской летописи", – в благодарность бывшему своему начальнику устроили радужные проводы, и многие из них провожали его до селений Жилинского, Тайтурского и даже Тулуна (363 версты) и прощались с ним со слезами. Так иркутяне любили доброго своего начальника"⁴². О пребывании Клички в Сибири напоминает названный его именем хребет, протянувшийся на 200 километров от берегов Аргуни до Монголии, в Читинской области есть селение "Кличка".

С именем Клички было связано усиление географических и геологических исследований Сибири, начало регулярных метеорологических наблюдений, расширение торговли с Китаем, развитие горнорудных промыслов и земледелия, укрепление восточных границ России. Если же иметь в виду его просветительную деятельность, то следует отметить, что к 1783 г. Иркутск имел "библиотеку, театр, кабинет редкостей, несколько училищ, банк, лечебницу и пр. и вел большую торговлю"⁴³. Всего этого до 1779 г. в Иркутске не было.

После Иркутска Кличка три года был генерал-губернатором Орловской и Курской губерний. Оставаясь верен себе, он и там показал себя деятельным и честным чиновником. При нем в Курске была открыта ежегодная ярмарка, он заботился о защите лесов, добился выделения средств на строительство в

Курске училища, при нем в 1781 г. было открыто в Орле главное народное училище.

Активно занимался Кличка благоустройством Курска и Орла, перестройкой уездных городов, собирался построить ружейный завод и нужные для него плотины. Многие начинания Ф. Н. Клички прервала смерть. Он умер 28 октября (8 ноября) 1786 г. в Орле, а похоронен был в Курске⁴⁴.

Живя в России, Кличка не порывал связи с Чехией, не раз ездил лечиться в Карловы Вары и навещал своих родственников. Он, вероятно, был первым чехом, который внес весомую трудовую лепту в культурное и экономическое развитие не только Иркутска, но и всей Восточной Сибири. Его просветительские начинания во многом перекликались с тем, что тогда происходило на его родине. В них можно увидеть, к чему призывали своих соотечественников ранние чешские просветители. Таким образом, жизнь и деятельность Ф. Н. Клички – это по праву одна из страниц истории чешско-русских контактов в XVIII в.

Поездка Йозефа Добровского

Важным научным и общественным событием, оказавшим значительное влияние на чешско-русское культурное сближение, был приезд в 1792 г. в Россию патриарха чешской славистики Йозефа Добровского (1753–1829). Целью посещения являлось изучение древних славянских рукописей в русских библиотеках и архивохранилищах, а также знакомство с русскими учеными. Однако еще до своей поездки Добровский встречался с графом Н. П. Румянцевым, который в 1791 г. был русским послом во Франкфурте, и вел с ним беседы о прошлом славян. Готовясь к путешествию, в марте 1792 г. Добровский писал своему учителю и другу В. Ф. Дюриху: “Я хочу поехать... в Россию, чтобы мог объяснить историю и литературу всего народа славянского”⁴⁵.

Из Швеции, где Добровский изучал вывезенные туда из Чехии во время Тридцатилетней войны древние рукописи, он прибыл в Петербург 17 августа 1792 г. и провел там два месяца. В Москве чешский ученый находился с 25 октября 1792 г. по 7 января 1793 г. В планы Добровского входила еще поездка на Кавказ, к истоку р. Кубани, где, по существовавшей в Чехии легенде, еще в конце XV в. поселились Чешские братья и где должны были находиться их потомки. Но узнав от русских ученых, что это – миф, он отка-

зался от этой поездки и через Смоленск, Оршу, Вильно, Варшаву и Краков вернулся в Прагу.

Будучи в Петербурге и Москве, Добровский проникся глубокой симпатией к русскому народу, полюбил его язык, хотя, если говорить о письменном языке, то старославянский казался ему более совершенным. Однако его опечалило произошедшее во время его пребывания заточение Екатериной II в крепость Н. И. Новикова, которого он высоко ценил. В России Добровский познакомился с сочинениями Ломоносова, Тредиаковского, Хераскова, встречался с рядом ученых (Шишков, Карамзин, Мусин-Пушкин и др.), с которыми обсуждал многие научные вопросы, связанные с деятельностью Кирилла и Мефодия, историей старославянского языка и прошлым славянских народов. В России с большим уважением относились к славистическим трудам Добровского, позже он был избран членом Петербургской академии наук.

Чешские историки, филологи и многочисленные ученики Добровского с нетерпением ожидали его возвращения из России, о которой тогда они еще не очень много знали. Во время поездки чешский ученый собрал немало ценных материалов, которые потом использовал в своей работе.

Первой после возвращения в Прагу публикацией, в которой нашли отражение впечатления Добровского о его поездке, была книга на немецком языке “Литературные известия о путешествии в Швецию и Россию...” (1795). В ней он подробно рассказывает о результатах своей работы в России над старославянскими библейскими текстами и другими памятниками. В “Литературных известиях...” убедительно показано русско-чешское языковое родство. “И хотя чеха с берегов Лабы и Влтавы и русского с берегов Днепра и Волги отделяют многие сотни миль, – писал чешский ученый, – все же их связывают узы общего происхождения, что подтверждает их речь более чем через тысячу лет спустя после разделения”⁴⁶. Есть в “Литературных известиях...” и замечания о бедности русского народа, которому никто не помогает. Там же пишет Добровский и о Н. И. Новикове.

Год спустя как приложение ко второму изданию “Литературных известий...” Добровский издал на немецком языке новую работу “Сравнение чешского и русского языков” (1796). В ней он конкретизирует некоторые общие положения предыдущей публикации. Путем сопоставления 273 чешских, русских и немецких слов Добровский стремится наглядно показать родство чешского и русского языков. В “Сравнении...” приведен целый ряд русских слов, часть которых (дева, вкус, шум, плоды, зелень, пыль, сито, лепо и т. д.) вошли потом в чешский литературный язык.

Обе работы Добровского оказали сильное воздействие на читателей, особенно на его учеников, друзей-ученых, усилив их интерес и симпатии к России. Свойственное Добровскому русофильство было частью его патриотизма. Многие после ознакомления с его публикациями о России начали изучать русский язык.

Надо заметить, что одновременно с Добровским в России находился, но через некоторое время был выслан как нежелательный иностранец чешский естествоиспытатель граф Иахим Штернберк (1755–1808). Он тоже написал книгу о своих впечатлениях о России на немецком языке (“Заметки о поездке в Россию в 1792 и 1793 годах со статистическими и метеорологическими таблицами”, 1794). Критикуя крепостнические порядки в России, Штернберк касается в ней вопросов экономики, сельского хозяйства, положения крестьян и дворян. Если Добровского интересовали прежде всего история и филология, то Штернберка занимала больше реальная жизнь России.

Еще одно издание Добровского на немецком языке, имеющее прямое отношение к России и русским, это – “Новое пособие для легчайшего изучения русского языка” (1799). Оно имело практическое назначение – облегчить общение чехов и русских во время прохождения через Чехию войск Суворова.

Как крупнейший в свое время чешский славист и пропагандист знаний о России, Добровский объединял вокруг себя большую группу историков, филологов и литераторов, представителей старшего (Ф. И. Дурих, Г. Добнер, Ф. Прохазка, Ф. М. Пелцл) и младшего (А. Я. Пухмайер, В. М. Клищера, В. Ганка, Ф. Л. Челаковский, И. Юнгман и др.) поколений будителей, активных культурных деятелей чешского национального возрождения. Добровский сам учил многих из них русскому языку, во время занятий часто рассказывал о России и русских.

Следуя за своим учителем, многие ученики Добровского внесли свой существенный вклад в чешско-русское культурное сближение. Так, например, один из них, Антонин Ярослав Пухмайер (1769–1820), стал пионером чешских переводов русской литературы. Ему принадлежит первая публикация на чешском русского поэтического произведения – оды Хераскова “О величии Божьем” (1795), чему содействовал Добровский. Этот перевод продемонстрировал словарные и просодические возможности чешского языка. Помимо оды Хераскова, Пухмайер вместе с А. Пишелы, тоже учеником Добровского, переводил и другие произведения русского поэта, в частности его поэмы “Россиада” и “Владимир”, аллегорическое повествование “Нума Помпилий или Процветающий Рим”. Примечательно, что по совету Добровского Пухмайер не только сам начал переводить с русского, но и призывал к этому

других. В предисловии к собственному переводу прозаической поэмы Монтескье “Книдский храм” он писал: “Кажется, не будет неуместным указать чешским поэтам средство, которое может открыть нашей поэзии богатый источник чистейшего золота. Обволакивающий нас, чехов, густой туман ложных предассудков по отношению к другим славянам заставляет нас думать, что с восточных лугов славянской поэзии не может к нам прийти никакой приятный запах и мы, поэты, впитываем только то, что зефир приносит нам с западных немецких и других полей искусства, хотя они иногда пропитаны вечерними нездоровыми испарениями”⁴⁷. Не менее существенно еще и то, что Пухмайером была написана первая в Чехии учебная книга по русскому языку “Русско-чешское правописание”, в которой использован метод параллельного сравнения слов Добровского.

Интерес к русскому языку и истории Добровский сохранял всю жизнь, что нашло отражение в его трудах. Он поддерживал связи с русскими учеными, к числу которых принадлежал, в частности, А. Х. Востоков, считавший Добровского своим учителем. В одном из его писем Добровскому сказано: “Уже давно Вас почитаю и люблю как своего учителя и руководителя на поприще грамматических исследований. Ваши открытия озарили светом древний богатый и подлинный язык старославянский”⁴⁸.

Деятельность Добровского и его учеников на рубеже XVIII и XIX вв. явилась весьма важным фактором русско-чешского культурного сближения⁴⁹. В то же время она существенно способствовала успешному развитию процесса созидания чешской культуры на протяжении всей эпохи чешского национального возрождения.

Русские войска в Чехии

В течение XVIII в. русские войска не раз проходили через территорию Чехии – в 1735–1736, 1748, 1799–1800 гг. Иногда они задерживались в Чехии. Их пребывание не было бесследно: чехи и русские взаимно познавали друг друга, осознавали свое славянское родство. Об одних походах сохранилось больше сведений, о других – меньше.

Немного известно, в частности, о русских походах в 1735–1736 гг. и 1748 гг. Первый из них приходится на время правления Анны Иоанновны, когда шла борьба за польский престол и Австрия воевала с Францией, которую поддерживали Испания и Сардиния. Теснимый противниками, австрийский монарх Карл VI обратился за помощью к союзной ему в войне за польское наследство России. Ответом явилась посылка под командованием фельд-

маршала Лесли (Ласи) к берегам Рейна в поддержку австрийским войскам Евгения Савойского тридцатитысячного корпуса русских солдат. Они выступили из Польши в Силезию 8 (19) июня 1735 г. По скором вступлении в Богемию Лесли доносил в Петербург: "... Тутешние обыватели с солдатами безнужденный имеют разговор"⁵⁰. 30 июля русский вспомогательный корпус был уже в Нюрнберге. Однако принять участие в боевых действиях ему не пришлось, так как между воюющими сторонами начались мирные переговоры, завершившиеся перемирием. В ноябре корпус Лесли отправился в обратный путь. На зимние квартиры он разместился в южночешских городах Таборе, Тине-на-Влтаве, Собеславе и др. Штаб корпуса находился в Индржихове Градце.

Чешские архивы и по сей день хранят немало документов о пребывании русских войск в их стране в 1735–1736 гг. Так, например, хронист южночешского г. Поличка, где с февраля по май стояли две роты русских пехотинцев, сделал запись о том, что к русским нет претензий, что они никого не обижали, оставив по себе хорошую память. Он же сообщает о дружеских отношениях русских солдат с местными жителями, которых они благодарили за гостеприимство. Есть еще и такая запись о русских: "...Люди спокойные и миролюбивые"⁵¹.

В Чехии русские войска находились до середины мая 1736 г. Перед отходом вместе с местным населением солдаты и офицеры торжественно отметили коронацию Анны Иоанновны. По этому случаю знавший Россию и находившийся в корпусе Лесли во время его похода в Европу чех из Литомержицкого округа Йозеф Франтишек Антоний Краус написал стихотворение на немецком языке, которое называлось "Российского корпуса императорских вспомогательных войск радостное прибытие 6 июля 1735 года и благополучное отбытие 10 мая 1736 года". Немецкий текст содержит русские вставки ("Пошел! Ступай! Смотри!" или "Ступай, не бойся, брат!"). В стихотворении явно просматриваются славянские чувства автора и его симпатия к России. Оно содержит слова: "Смотри, как соединяются чех, лях и росс...". О гербах России и Чехии в нем говорится, что они "ни перед кем не склоняются и сами хотят обороняться против вражеских мечей и злобы"⁵².

Снова появились русские в Чехии в 1748 г. На сей раз это был сорокатысячный корпус под командованием Н. В. Репнина, который был послан помочь дочери Карла VI Марии Терезии в последний год войны за австрийское престолонаследие. Продвигаясь по Чехии, русские войска прошли через Индржихув Градец, Немецкий Брод, Хлумец и другие города. Как и в 1835 году, чешское население встречало русские войска доброжелательно. Они оставили по себе добрую память, хотя пробыли в Чешских землях не так

долго. Это подтверждают записи сельских хронистов. Вот одна из них: “Этот народ красивый, не столь крупный, сколько основательный, простой и добрый, с ним мы, когда нужно, могли легко поговорить”⁵³. И еще одна запись, которую сделал тогда Йозеф Резер, ректор школы моравского местечка Дарготуши: “Хорошие люди были, у жителей курицы не тронули, все на свои деньги питались. И люди, и солдаты, когда уходили, плакали, потому что один от другого научились языку. Солдаты никого – ни людей, ни курицу – не обидели, и помогали все во всяком деле”⁵⁴. Большое впечатление на чехов, как это видно, производило родство языков.

Особую роль в истории взаимоотношений чешского и русского народов сыграл альпийский поход Суворова (1798–1800). Шедшие на помощь тесным Наполеоном австрийцам русские войска передвигались через Моравию и Чехию колоннами по двум основным маршрутам, которые на некоторых небольших участках как бы раздваивались и потом снова сходились. Корпус генерала А. Г. Розенберга шел через Силезию по маршруту Тешин – Оломоуц – Брно – Знаймо (вступил в Моравию в декабре 1798 г. и покинул ее в январе 1799 г.) Во время перехода войска Розенберга имели дневную остановку в Брно. Эшелоны корпуса генерала А. М. Римского-Корсакова продвигались иначе – от Тешина на Опаву, далее через Свитаву, Хрудим и Часлав к Праге и затем к Пльзеню (через Моравию и Чехию войска Римского-Корсакова прошли в июне и июле 1799 г.). На марше войска Римского-Корсакова делали несколько коротких остановок в Опаве, Моравском Бероуне, Новом Ичине, Оломоуце и других городах, более длительный отдых имели под Прагой и в Пльзене.

Кроме корпусов Розенберга и Римского-Корсакова, в Италию были направлены из России еще корпуса Г. Л. Ребиндера (проследовал в Австрию через Словакию в апреле-мае 1799 г.) и состоявшее из французов-эмигрантов соединение принца Л. Ж. Конде (оно прошло через Моравию и Чехию в августе и сентябре 1799 г.). Однако связанных с ними событий мы касаться не будем, поскольку они – за рамками темы статьи. Сам Суворов проехал в Австрию в марте 1799 г. почти по тому же маршруту, что и корпус Розенберга. По договоренности Павла I с Францем I снабжение русских войск провиантом, фуражом и расквартирование их на ночлег брала на себя австрийская сторона. Кроме того, она должна была привести в порядок дороги. На территории Моравии и Чехии этим занималась местная администрация.

В общей сложности в 1798–1800 гг. через Моравию и Чехию в двух направлениях (туда и обратно) прошло около 50 тыс. русских войск. Маршруты обратного пути русских войск остались примерно старыми, если не считать, что обратный моравский маршрут начинался не из Знаймо, а из Ческе-

Будеёвице и пребывание русских войск в Чехии на сей раз было более продолжительным. Дело в том, что к моменту вторичного вступления русских войск в декабре 1799 – январе 1800 г. в Чешские земли, после сражений в Италии и Швейцарии, русско-австрийские отношения были испорчены. Австрия пыталась их сохранить, дабы иметь русские войска на своей стороне в войне с французами и дальше. Но ее усилия оказались тщетными. Русские войска находились в Чехии, пока длились переговоры. Когда они ничем не увенчались, в феврале 1800 г. основной состав русских войск двинулся на родину и, пройдя через Моравию, в марте пересек у Тешина границу. Отдельные отставшие части проходили через Чешские земли до конца 1800 г. Поскольку союзнические отношения между Россией и Австрией были прерваны, русским военачальникам и офицерам на этот раз приходилось за все платить самим. И хотя русские войска осложняли жизнь чешского населения, оно встречало их тем не менее приветливо.

Надо заметить, что командование русских корпусов к моменту возвращения войск не раз менялось. При повторном вступлении в Чехию их возглавляли О. В. Дерфельден (вместо Римского-Корсакова), Я. И. Повало-Швейковский (вместо Ребиндера) и А. Н. Розенберг, а при уходе – А. Г. Розенберг (вместо Дерфельдена), Е. Х. Ферстер (вместо Повало-Швейковского) и Повало-Швейковский (вместо Розенберга).

При вступлении в Чехию на обратном пути русские войска были расквартированы так: корпус Дерфельдена в районе Праги, корпус Повало-Швейковского в районе Пльзень, корпус Розенберга в районе Ческе-Будеёвиц. Возможность познакомиться с русскими теперь получили жители многих чешских деревень, местечек и городов. Так, например, корпус Дерфельдена был размещен в более чем четырехстах населенных пунктах, в некоторых деревнях поселяли всего лишь по 6, 8, 10 солдат, иногда с офицерами, иногда одних. В общей сложности в течение месяца и больше русские находились во множестве (около 1000) чешских населенных пунктов. Если к этому прибавить еще те поселения Чехии и Моравии, через которые проходили войска и где задерживались недолго, то станет ясно, как велика была тогда возможность общения чехов и русских, а значит, и возможность взаимопознания. Русские солдаты принимали участие в жизни чехов: спасали тонущих во время наводнения, тушили пожары, помогали крестьянам в их повседневных работах.

Двукратное пребывание русских войск в Чехии и Моравии в 1798–1800 гг. оставило глубокий след в памяти чешского народа. Об их присутствии сохранилось немало записей в местных хрониках и сообщениях печати. Приведем лишь некоторые из них.

“Люди честные, нравственные, вежливые, каждому приятные, никому ничего не приказывали, никого не обидели”⁵⁵.

“Народ отборный и храбрый, такой, какой только среди военных можно себе представить”⁵⁶.

“Не было заметно у них никакой напыщенности, роскоши в одежде или еде, желания быть первыми и славными”⁵⁷.

“Люди мужественные, не молодые – не старые, как говорится, хорошо подобранные, все как один, и до сих пор все почести и похвалы достойны”⁵⁸.

“Офицеры любят простых солдат, как братьев и сыновей, а солдаты любят офицеров, как отцов”⁵⁹.

“Они очень благодарны и приветливые ко всем, кто к ним дружески относится... В общении между собой очень терпимы, а если кто-то им что-то подарит, тем между собой по-товарищески делятся. Они скромные и охотно отдают голодному даже последний кусок”⁶⁰.

“По отношению к нашему народу русские даже необычайно добры и милы, но и они неоднократно говорили, что на всем пути их долгого похода нигде не встретили столько доброты, как в королевстве Чешском”⁶¹.

Таких свидетельств множество. Конечно, пребывание русских в Моравии и Чехии не было во всем и всегда гладким. Были дезертиры, которых надо было найти, возникали недоразумения с австрийскими чиновниками по экономическим вопросам, были случаи, когда русские устраивали охоту на зайцев во владениях каких-то аристократов, и тогда жалобами приходилось заниматься даже самому Суворову. Но все это – единичные случаи, не меняющие общей картины дружеского сближения чехов с русскими.

Особенно много почестей при возвращении войск было оказано самому Суворову. Ему посвящались поэтические произведения, воспевающие и прославляющие генералиссимуса. В Праге в его честь устраивались балы и театральные представления. Портреты полководца печатались тысячами. На пути из Праги в Тешин Суворова встречали с пушечной стрельбой, колокольным звоном и музыкой, в Высоке Мыто чешские девушки в белых одеяниях возложили на его голову лавровый венок. Большую радость испытал полководец во время короткого пребывания в м. Вышков, где школьники пропели для него сочиненный их учителем Яном Бобровским торжественный марш. После этого Суворову подарили много фруктов. Вот как описывает эту встречу современник: “Слезы радости потекли в те минуты по лицу седого достойного героя, который несколько раз каждого ребенка поцеловал”. Потом Суворов посадил детей около себя и угощал их подаренными ему фруктами, сказав при этом: “Сегодня у меня самые милые гости, мне с вами так хорошо, что будет тяжело расставаться”⁶². Перед отъездом Суворов подарил

каждому из юных певцов свой портрет и просил записать ему текст и ноты марша. Это лишь два эпизода, связанных с пребыванием Суворова в Чехии и Моравии в 1780 г., где его встречали и чествовали не как союзника Австрии, а как русского полководца и славянина. Документальных свидетельств о встречах с ним и легенд о нем в Чехии очень много.

Пребывание русских в Чехии и Моравии пришлось на годы начального периода чешского национального возрождения. Оно способствовало утверждению патриотического самосознания у чехов и укреплению их интереса и любви к собственному языку. Подтверждений тому немало. Вот лишь отдельные из них.

“Велика это была радость для нас, — а они тоже большую радость имели от того, что мы с ними, они с нами на языке славянском говорить могли, а еще, что мы на площади возле моста слышали их воинский славянский говор и хорошо его понимали”⁶³.

“Смотри, что делает этот до сих пор нам родственный, не смешанный, не покоренный и говорящий на одном языке народ! Так когда-то жили и наши предки, древние чехи”⁶⁴.

Внимание к русскому языку было связано с повышением интереса у чехов к языку родному, пробуждением любви к нему. Они стали изучать его на специальных курсах. Учитель из Рожмиталя под Тржемшином Ян Якуб Рыба сочинил посвященный русским воинам “Moskalen marš...”, о котором писал: “К своей родной речи, прелесть и достоинство которой лишь теперь в зрелом возрасте осознавать начал, я теперь так ревностно отношусь, что принялся за неблагодарную работу создать чешскую песню, музыку к ней и издать их в виде гравюры”⁶⁵.

Походы русских войск через Моравию и Чехию дали повод для зарождения и развития “возрожденческого” или же “народного русофильства” (термины чешских историков). Его утверждению и распространению на рубеже XVIII и XIX вв. немало способствовали едва ли не все деятели чешского национального возрождения, вошедшие в историю под названием “будители”⁶⁶. Одним из первых и крупных ученых среди них был недавно побывавший в России Йозеф Добровский. Летом 1799 г., когда через Прагу шли части корпуса Римского-Корсакова, он срочно написал (правда, по-немецки) и издал учебник “Новое пособие быстро научиться понимать русскую речь”, опираясь при этом на грамматику Ломоносова. В обстановке возросшего в Чехии интереса к России и русским вскоре Добровский начинает издавать журнал “Slavia”, призванный расширять знания о славянах. Уже первый его выпуск содержал статью о казаках, которые произвели очень сильное впечатление на чехов, и собрание русских пословиц. Единो-

мысленником и соратником Добровского был священник и поэт Антонин Ярослав Пухмайер, издавший в начале 1780-х годов книгу “Русско-чешское правописание”. К числу будителей-русофилов принадлежат поэты-пухмайеровцы Войтех Неедлы и Шебастиан Гневковский. В письме к последнему 16 июля 1799 г. В. Неедлы писал: “Русские уже здесь, завтра придет четвертый эшелон. Все они порядочные, хорошо себя ведут, а своей бодростью все другие войска превосходят... Чем когда-то были римляне, тем, наверно, станут русские. Земля и море перед ними склоняются”⁶⁷.

Бывало и так, что проявлявшие раньше односторонний интерес к западной культуре чешские культурные деятели после похода суворовских войск начинали живо интересоваться русским языком и литературой. Это относится, например, к выдающемуся чешскому ученому Йозефу Юнгману, который, увлекшись русским языком, писал: “Придет час... когда европейцы будут учиться не славянскому вообще, а русскому языку, как теперь стремятся они учиться французскому”⁶⁸.

Интерес к России на рубеже веков проявляли и чешские историки. Много внимания русской теме уделил, например, Франтишек Мартин Пелцл, о чем свидетельствует его “Новая хроника чешская”. Проявляли этот интерес и безвестные поэты из народа, сочинявшие песни и стихи о русских (“Новая песнь в похвалу героев русских”, “О походе русского войска через Моравию” и др.).

Как видно из сказанного, приход русских войск оказал существенное влияние не только на деятелей чешского национального возрождения, но и на всю чешскую культуру. Наиболее заметно это проявилось в литературе. Помимо целого ряда поэтических сочинений, посвященных Суворову и его сподвижникам, появившихся в 1800 г., тогда же у чехов было издано множество народных картинок, цветных литографий с изображением казаков, среди которых особой популярностью пользовалась гравюра-портрет командира полка уральских казаков полковника Д. М. Бородина (автор К. Стрковский). Тысячами расходились по Чехии портреты Суворова. Русская тема привлекала к себе и музыкантов (Вацлав Крал), и художников (Богумил Длабач).

В начале XIX в. в Чехии многие изучали русский язык в специальных кружках. Много известий о русских появлялось в чешской печати, в частности в “Патриотической газете” одного из видных будителей Вацлава Матея Крамериуса и в “Историческом календаре” писателя-будителя Яна Йозефа Рулика. Не ослабевало внимание к русским и позже. Так, писательница Магдалина Добромилла Реттигова написала рассказ “Благородство трех казаков”, в котором говорилось о том, как в феврале 1799 г. во время половодья на юге Моравии три казака на двух лодках спасли сто пятьдесят крестьян (такой

случай действительно был). Обильно представлена русская тема в поэме “Дочь Славы” Яна Коллара, один из сонетов которой посвящен тем же трем казакам.

Ставший в Чехии традиционным большой интерес к пребыванию русских войск и ко всему русскому, возникший в начале XIX в., сохранился и в последующие десятилетия. Достаточно в этой связи вспомнить лишь несколько имен: композитор Антонин Дворжак (опера на русский исторический сюжет “Дмитрий”), ваятель Вилем Аморт (скульптура “Казак в дозоре”), художник Миколаш Алеш (изображения русских воинов, казаков, Кремля, рисунок “Бегство Наполеона из Москвы”).

Непосредственно о суворовском войске пишет в романе “Ф. Л. Век” классик чешской литературы Алоис Ирасек: “Приняли их (русских солдат. — Л. К.) в Праге как своих союзников, как героев победоносных битв и узнали, что эти грозные бойцы, кроме храбрости и воинственности, обладают также высокими чувствами и добрым сердцем.

А очарование родственной речи быстро затянуло и укрепило пояс дружбы. Немногие это сознавали тогда, лишь те, кто тревожился о жизни собственного народа, кто боролся за его язык. И в этой родственной связи чувствовали они источник новой силы, отчего их вера крепла.

“Огонь высечен, искра вспыхнула!”⁶⁹.

Мы сказали далеко не обо всем, что связано с пребыванием русских войск в Чешских землях в 1798–1800 гг. Но даже и краткое, неполное сообщение о нем позволяет считать его важным событием в истории русско-чешских взаимоотношений и общественной жизни чехов. Оно сказалось не только на их самосознании и культуре, но и на языке. И сейчас еще в сельской местности можно услышать связанные с походом Суворова топонимы — “русское поле”, “русский луг”, “русский лес”, “русская дорога”, “у русских могил”. До сих пор у чехов сохранились фразеологизмы: “сильный, как русский”, “бесстрашный, как русский”, “русская отвага”.

Россия и ранние будители

Выше говорилось об интересе к России Йозефа Добровского, крупнейшего культурного деятеля начального периода чешского национального возрождения. Однако он был не один, идеи возрождения разделяли многие, они вызревали в сознании чехов постепенно, что в немалой мере, как и у Добровского, определялось их отношением к России.

Еще в начале XVIII в. плзенский священник, переводчик богословских книг Антонин Фрозин в предисловии к своему чешскому переводу латинской книги о марианских святых местах в Европе “Величие марианского атласа...” (1704) выступает как горячий защитник чешского языка. Один из доводов в пользу его жизненности Фрозин видел в существовании языков восточных славян. Он писал: “Не на далеком ли Востоке солнце восходит, не мать ли его (чешского языка. – Л. К.) славянская речь”⁷⁰.

Годом позже в Оломоуце вышла латинская книга священника Яна Иржи Стршедовского “Глашатые счастливого пути моравской славы” (1705), в которой говорится, что, помимо Чехии, славянские языки распространены в Поволжье, Сибири, Новгородском крае, России и Московии. За всем этим стояло проявление национального самосознания. В высказываниях Фрозина и Стршедовского, которые выступая в защиту чешского языка, вспоминали Россию, можно видеть зерна, из которых позже в Чехии вырастут возрожденческие идеология, культура и наука. Оба они были предшественниками будителей.

Не меньшее значение имела Россия и для первых будителей, нередко романтически идеализировавших ее. К ним принадлежал профессор языка и литературы Пражского университета Франтишек Мартин Пелцл (1734–1801). Он внимательно следил за новинками русской историко-филологической литературы, которые выписывал из Лейпцига, и это нашло свое отражение в его “Краткой истории Чехии” (на немецком языке, 1774) и трехтомной “Новой хронике чешской” (1791, 1792, 1796). В первой из них Пелцл говорит о величии славянского мира, который возглавляет Россия, о заселенных славянами пространствах “от Рагузы до Адриатического моря, на север до самого берега Ледовитого океана, на восток до самой Камчатки, близ Японии, на запад до самого Балтийского моря”⁷¹. Во второй – он, классифицируя славянские языки, на первое место среди них ставит русский.

Восторженным русофилом был мораванин, библиотекарь университетской библиотеки в Оломоуце Ян Алоис Ганке (1751–1806), состоявший в переписке со многими русскими, которые посылали ему свои книги. В своем

сочинении на немецком языке “Рекомендация чешскому языку и литературе” (1783), выступая в защиту чешского языка, Ганке вспоминает, что он был понятен Петру I, когда тот впервые посетил Чехию, и утверждает, что чешский язык могут понимать во всей русской империи. Упомянувшийся выше чешский писатель и журналист Ян Рулик (1744–1812) писал о том, что русская земля составляет большую часть Европы, что жители огромной территории от Сибири до Польши говорят на русском языке.

Мечтая о возрождении своей национальной культуры и свободном развитии Чехии, с надеждой глядя на Восток, чешские будители по-разному выражали свои симпатии к России. Франтишек Фаустин Прохазка (1749–1809), например, переиздал в 1786 г. относящуюся к XVI в. так называемую “Хронику Московскую”, назвав свою публикацию “Извлечение из Хроники Московской” и сопроводив своим пространством вступлением. В нем, как и в сочинениях других будителей, говорится о родстве чешского и русского языков, восходящем к эпохе древних славян, и утверждается, что мораване, чехи и русские имеют общих предков. Иначе проявлял свое расположение к России Вацлав Матей Крамериус (1753–1808). В его “Пражской почтовой газете” регулярно печатались сочувственные сообщения о победах суворовских войск в русско-турецкой войне, в частности о взятии Измаила в 1790 г.

Среди ранних будителей особенно серьезно и последовательно историей и культурой России занимался Вацлав Фортунат Дурих (1735–1802). В этом он был предшественником Добровского. Дурих был первым, кто начал систематически знакомить чешскую научную общественность с трудами русских славистов, филологов, историков и с русской литературой. Он обстоятельно знал “Летопись Нестора”, “Русскую правду”, “Граматику” Ломоносова. Его считали ведущим деятелем чешской науки, стоявшим у истоков возрожденческого русофильства.

Дурих принадлежал к тем, кто охотно делился своими сведениями о России с коллегами, в частности с Добровским перед его поездкой туда. Этих ученых связывало многое, они часто переписывались. В одном из писем к Добровскому (1799) Дурих писал о том, что, как он считает, чехи и русские – самые древние народы среди всех славян⁷².

Главным трудом Дуриха явилась книга “Славянская библиотека самого древнего наречия общего и церковного всего славянского племени” (на латинском языке, 1795). Он состоит из 5 томов и содержит богатую информацию о русских письменных и печатных источниках (о церковнославянских рукописях, находящихся в России, старорусских памятниках, словарях, грамматиках, этимологических исследованиях и т. д.). Так же, как и в письме к Добровскому, Дурих относит чехов и русских к самым древним славян-

ским народам. В период работы над “Славянской библиотекой...” уже не Дурих делился своими знаниями о России с Добровским, а Добровский с ним. Интерес и любовь к России, связывали ученых на протяжении многих лет. Как писал А. В. Флоровский, ими и их соратниками-чехами в русской культуре был “нащупан источник живой воды, столь нужной для чешского культурного возрождения”⁷³.

Мы привели лишь несколько примеров, показывающих, что само существование России являлось важным фактором развития чешской общественной мысли и культурной жизни, зарождения и утверждения возрожденческой идеологии. Конечно, в XVIII в., помимо упомянутых, было много и других чешских будителей, с упованием смотревших на Россию. Таковы М. А. Фойгт, К. Г. Там, Й. В. Злобицкий, Ф. Мартин, Г. Добнер и др. Нередко это были священники, которые в XVIII в. составляли весьма значительную часть чешской интеллигенции. Всех их объединяли просветительские устремления, патриотические чувства и доброжелательность по отношению ко всем другим славянским народам, прежде всего к русскому. На рубеже XVIII–XIX вв. они внесли весомый вклад в культурное сближение с Россией, как и в распространение в чешском обществе “возрожденческого” или “народного”, как пишут чешские историки, русофильства⁷⁴.

*

*

*

В заключение статьи, посвященной отдельным, разным по своему значению явлениям из истории русско-чешских связей в XVIII в., следует обратить внимание на то, что за его пределами осталось все, что касается отношений России и Австрии, частью которой Чехия являлась. Мы не коснулись, например, донесений русского посла в Вене М. Д. Голицына, в которых он сообщал о голоде в Чехии в начале 1770-х годов и восстании чешских крестьян весной 1775 г., не сказали о послании искавших поддержки со стороны России моравских некатоликов к Н. В. Репнину, представлявшему Россию на мирном конгрессе в Тешине (1779). Не говорится в сообщении и о приездах Иосифа II в Россию (1780, 1787), отразившихся на чешско-русских отношениях, а также о деятельности чешских иезуитов в России. Все это требует своего особого освещения. Есть, разумеется, и другие вопросы, ждущие своего изучения и раскрытия, чему должна предшествовать обстоятельная работа в архивах.

При всем сказанном собранный и рассмотренный материал (правда, скорее фактографически, чем аналитически), как думается, все же дает извест-

ное представление о существовавших между Россией и Чехией в XVIII в. отношениях и может оказаться полезен при их дальнейшем изучении.

¹ Более других на протяжении многих лет историей чешско-русских отношений, в частности и XVIII в., занимался А. В. Флоровский. Однако и у него отсутствует сводная монография по этому столетию. К числу работ А. В. Флоровского по XVIII в., к сожалению малодоступных, относятся: *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Прага, 1947. Т. II (см.: С. 136–233, 413–469); *Florovskij A. V.* České sukno na východoevropském trhu v 16 až 18 věku. Praha, 1947 (см.: С. 45–47, 67–70) и другие (см. библиографический словарь: *Česko-slovenské práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanských národů.* Praha, 1972. S. 117–120).

² См.: *Pfaff I., Závodský V.* Tradice česko-ruských vztahů v dějinách (далее – *Pfaff I., Závodský V.* Tradice...) Praha, 1957. S. 40–41.

³ См.: Архив князя Ф. А. Куракина, изданный им под редакцией М. И. Семеновского. СПб., 1890. Кн. I. С. 120 и последующие.

⁴ При Петре I в русской армии служили, например, следующие чехи или же выходцы из Чехии и Моравии: Юрий (Георг) Огилви (генерал, находился в России с 1704 по 1706 гг., руководил штурмом Нарвы в августе 1704 г.), Антоний Брукенталь (адъютант А. Д. Меншикова в 1707 г., а впоследствии генерал-адъютант), а также некто Линх (см. о них: *Флоровский А. В.* Чехи и восточные славяне. Т. II. С. 434–436).

⁵ Подробнее см.: *Иванова-Быховская Е.* Петр Великий в Карловых Варах. Прага, 1946. С. 4–7, 9.

⁶ Подробнее см.: *Кишкин Л. С.* Русские в Карловых Варах (Карлсбаде) // *Славяноведение.* 1993. № 3. С. 89.

⁷ *Füesli I. K.* Život Kupeckého. Praha, 1925. S. 13–14, 36.

⁸ Подробнее см.: *Иванова-Быховская Е.* Петр Великий... С. 10–12, 19–21.

⁹ См.: *Pfaff I., Závodský V.* Tradice... S. 43.

¹⁰ См.: *Кишкин Л. С.* Русские в Карловых Варах... С. 89.

¹¹ Архив РАН в С.-Петербурге. Ф. 21. Оп. 3. Д. 95.

¹² Подробнее о чешской научной жизни в XVIII в. см.: *Prokeš J.* Počátky České společnosti nauk do konce XVIII století. 1774–1789. Praha, 1938. D. I.

¹³ См.: *Rozpravy Československé akademie věd.* 1959. Č. 4. S. 26.

¹⁴ *Die Berliner und Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonard Eiler.* Berlin, 1959. I. S. 83.

¹⁵ Архив РАН в С.-Петербурге. Ф. 1. Оп. 3. Д. 40. Л. 189.

¹⁶ См.: Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1829. Т. II С. 354, 358.

¹⁷ *Эйлер Л.* Письма о разных физических и философических материях, писанных к некоторой немецкой принцессе... СПб., 1772. Ч. 2. С. 335.

¹⁸ Подробнее о деятельности чешского ученого см.: *Цвєрава Г. Х.* Прокоп Дивиш 1698–1765. Л., 1965.

¹⁹ См.: Pfaff I., Zavodský V. Tradice... S. 55.

²⁰ См. об этом: Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Т. II С. 429–430. Задуманый Екатериной II труд был осуществлен и издан под названием “Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницею высочайшей особы” (СПб., 1786–1787). В нем сопоставляются слова из 200 языков, в том числе 50 европейских.

²¹ Сочинения М. В. Ломоносова в стихах. СПб., б/г. 4-е изд. С. 177.

²² Эта опера – одна из четырех, написанных на либретто Екатерины II. В сохранившейся партитуре она называется “Царевич Иван”.

²³ По поводу родственных отношений семьи Керцелей (Керцелли) не все ясно. Сведения о них разноречивы, мы пользовались в основном теми, что даны в “Энциклопедическом музыкальном словаре” (Москва, 1966. 2-е изд.).

²⁴ Подробнее о них см.: Schanilec J. Za slávou. Praha, 1961.

²⁵ Безсонов П. В. XVIII век в русских исторических песнях // Песни, собранные Киреевским. М., 1872. Вып. 9. С. 408.

²⁶ О Крейбихе, Киттеле и Паутенштраухе подробнее см.: Kučera C. Po stopach přátelství. Praha, 1982. S. 22–24.

²⁷ Цит. по кн.: Kučera C. Op. cit. S. 25.

²⁸ См. об этом: Florovskij A. V. Česke sukno... S. 15.

²⁹ Квирип Кульман был сожжен в Москве в 1689 г. как еретик.

³⁰ О деятельности Э. А. Глика (Глюка) см.: Чума А. А. Ян Амос Коменский и русская школа. Bratislava, 1970. 27–34.

³¹ “Иоанна Амоса Комения Видимый свет на латинском, российском, немецком, италианском и французском языках... Печатан при Императорском Московском университете 1768 г.” Имя автора предисловия не указано. По всей видимости, это был ректор гимназии Московского университета, уроженец Братиславы Иоанн Матис Шаден (1731–1797), который сам упоминает об этом в одном из своих сочинений. Не исключено, что ему помогал кто-то из русских профессоров, входящих в окружение М. В. Ломоносова.

³² Труды Коменского имелись в их домашних библиотеках. У Феофана Прокоповича, например, как это следует из описания его книг, их было 12 (Верховский П. Духовный регламент. Ростов н/Д., 1918. Т. II).

³³ Подробнее о знакомстве с сочинениями Коменского в России см.: Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М., 1983. С. 76–83.

³⁴ В некоторых источниках Кличка именуется Франциско Ксавериус, возможно, что его крестное имя было Франгишек Ксавериус.

³⁵ О службе Клички в России см.: Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. 8. С. 742.

³⁶ Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) // Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, (далее – Летопись Пежемского). Иркутск, 1911. № 5. С. 108.

³⁷ Цит. по кн.: *Кудрявцев Ф. А., Силин Е. П.* Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1947. С. 77.

³⁸ Цит. по ст.: С.-н. Первая публичная библиотека и музей в Иркутске. С. 49 (оттиск хранится в Научной библиотеке Иркутского университета).

³⁹ Там же. С. 52.

⁴⁰ Там же. С. 54.

⁴¹ РГАДА. Ф. 24. Д. 58. Л. 24–28.

⁴² Летопись Пежемского. С. 112.

⁴³ Краткий очерк истории Иркутска // Иркутский календарь на 1901 год. С. 56.

⁴⁴ О деятельности Клички в Курске и Орле (февраль 1784–октябрь 1786) см.: Курский областной архив. Ф. 26. Д. 35. Л. 22, 24–26, 39, 45, 56, 79, 161; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXII (Указ № 15152); *Wildmann F. Ruský podmaršalek František Klička // Čech. 1885.6.VII. Č. 150.*

⁴⁵ Korespondence Josefa Dobrovského. Praha, 1895. D. I. S. 212.

⁴⁶ *Dobrovský J. Literarische Nachrichten von einer auf Veranlassung der k. böhm. Jeselschft der Wissenschaften im 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Russland. Praha, 1796. S. 125.*

⁴⁷ Chram Gnidský, přeložil a predmluvu napsal Ant. Puchmajer. Praha, 1804. S. XVI–XVIII.

⁴⁸ Цит. по.: *Pfaff I., Závodský V. Tradice ...S. 59.*

⁴⁹ Подробнее см.: *Францев В. А.* Очерки по истории чешского Возрождения. Варшава, 1902. С. 23–30; *Francev V. A. Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberga do Ruska v 1.1792–1793. Praha, 1923; Vavra J. Dobrovský a Rusko//Sovětská věda (Historie). 1953. Č. 5; Dolanský J. Stopami buditelů. Praha, 1963. S. 50–69.*

⁵⁰ Цит. по кн.: Русский архив. 1883. Кн. III. С. 235.

⁵¹ Цит. по кн.: *Pfaff I., Závodský V. Tradice... S. 48.*

⁵² См.: Русский архив. 1883. Кн. III. С. 237, 238.

⁵³ *Pfaff I., Závodský V. Tradice... S. 48.*

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Ibid. S. 72.

⁵⁶ *Kramériusovy vlastenecké noviny. 1799. 13.VII. Č. 28.*

⁵⁷ *Vavák Fr. G. Paměti. Praha, 1907–1908. D. III. S. 52.*

⁵⁸ Ibid. S. 53.

⁵⁹ Ibid. S. 55.

⁶⁰ *Prager Oberpostamtszeitung. 1799. 15.VII. Č.61.*

⁶¹ *Časopis Českého Musea. 1898. S. 46.*

⁶² *Brünner Zeitung. 1800. 12.II. Č. 14.*

⁶³ *Rulík J. Kalendář historický. Praha, 1800. D. III. S. 201.*

⁶⁴ *Vavák Fr. G. Paměti... S. 55.*

⁶⁵ *Slavík Fr. A. Život a působení Jakuba Jana Ryby. Praha, 1883. S. 57.*

⁶⁶ Подробнее см.: *Amort Č. Ruská vojska u nás v letech 1798–1800. Praha, 1954. S. 202–214, 232–233, 248–253; Pfaff I., Závodský V. Tradice... S. 46–58.*

⁶⁷ Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze. Sign. 22. R. 76.

⁶⁸ Ibid. Sign. 18. C. 12.

⁶⁹ Jirasek A. F. L. Vek. Praha, 1951. D. III. S. 468.

⁷⁰ Цит. по кн.: Pfaff I., Závodský V. Tradice... S. 47.

⁷¹ Цит. по кн.: Pfaff I., Závodský V. Tradice... S. 50.

⁷² Ibid. S. 57.

⁷³ Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Т. II. С. 415.

⁷⁴ См. об этом: Dejiny česko-ruských vztahů. Praha, 1967. S. 48–61; Amort Č. Ruská vojska u nás... S. 39–45, 248–253; Pfaff I., Závodský V. Tradice... S. 46–58.

Действия родственников и друзей оказавшихся в России участников движения Тадеуша Костюшко, направленные на облегчение их участи (по новым архивным материалам)

Историография восстания Тадеуша Костюшко чрезвычайно богата и разнообразна. Однако существует один аспект, который, не являясь перво-степенным в истории собственно восстания, представляет определенный интерес для изучения отношений между российской администрацией и населением земель, присоединенных к России после разделов Речи Посполитой. В данной статье речь пойдет о позиции российских властей касательно родственников и знакомых участников движения Костюшко. Возможность осветить этот вопрос, хотя бы частично, дают материалы, сохранившиеся в Российском государственном архиве древних актов¹. Прежде всего это письма-ходатайства родственников попавших в российский плен или арестованных поляков, содержащие просьбы о смягчении наказания, различные прошения — о разрешении вести переписку, присылать деньги, приехать в места ссылки и т. д., поручительства видных лиц за будущее благонамеренное поведение отпущавшихся на поруки участников движения и возникшая в связи со всеми этими просьбами переписка представителей российских властей различного уровня.

Поляки, оказавшиеся в России в связи с движением Т. Костюшко, составляли две группы: меньшую — те, кто был арестован при раскрытии заговора по подготовке восстания, и большую — кто оказался в плену в результате военных поражений повстанцев. Согласно именному императорскому указу Екатерины II, данному 24 апреля 1794 г. псковскому и смоленскому генерал-губернатору Григорию Михайловичу Осипову, под его руководством создавалась специальная комиссия в связи с раскрытием “злодейского заговора”, в котором оказались замешаны “многие из новых наших подданных”. Арестованные заговорщики сначала были доставлены в

Минск, а затем отправлены для проведения следствия в Смоленск. За все время деятельности Смоленской комиссии через нее прошло около ста человек. Подавляющее большинство представших перед комиссией участников заговора или лиц, близких к нему, принадлежали к шляхетским, а некоторые даже к аристократическим кругам. Среди них были “бывший маршал надворный литовский” граф Станислав Солтан, граф Карл Моравский, граф Игнацы Дзялыньский. Кроме шляхтичей (надо отметить, что в списках Смоленской комиссии не всегда указывалось социальное положение и в некоторых случаях о принадлежности к дворянскому сословию можно судить лишь предположительно – по “шляхетской” фамилии), были лица духовного звания, чиновники судебного ведомства, указан был один “мещанин” и один “крестьянин”. Имеющиеся данные о месте их проживания, о том, на какой территории они действовали, свидетельствуют, что это были земли Литвы, западной части Украины и Белоруссии.

Сразу же после ареста участников заговора и подозревавшихся в причастности к нему их родственники стали предпринимать самые энергичные действия, стремясь найти возможность облегчить их участь. Они не переставали направлять властям различные просьбы – о разрешении пересылать деньги, вести переписку, позднее – о позволении приехать навестить уже сосланных в отдаленные города России их близких. Прежде всего они обращались к ближайшему начальству, представлявшему российскую администрацию в литовских землях, – виленскому и гродненскому генерал-губернатору князю Николаю Васильевичу Репнину (1734–1801). С польскими делами он был связан с самого начала своей государственной деятельности: в 1763–1769 гг. был послом России в Польше. В последующие годы участвовал в военных действиях против Турции, представлял Россию на Тешенском конгрессе, затем был назначен генерал-губернатором Смоленска и Пскова, позднее – наместником рижским и ревельским. В его судьбе переплетались военные, дипломатические и административные назначения. В 1793 г. Репнин стал главнокомандующим российскими войсками в Литве, а после окончания военных действий был оставлен там генерал-губернатором. Передаваемые ему просьбы поляков, проживавших в Виленской и Гродненской губерниях, Репнин направлял в Санкт-Петербург генерал-прокурору Александру Николаевичу Самойлову и в Смоленск генерал-губернатору Осипову, как правило, выражая при этом надежду, что пересылаемые им просьбы не останутся безответными. Так, в июне 1795 г. Репнин писал Самойлову: “Пять несчастных жен, которых мужья в Смоленске под стражею содержатся, безотступно просят о употреблении ходатайства моего в пользу сих заключенных, которые называются: Тизенгаузен, Брестовский, Радишев-

ский. Солтан и Моравский. Вашему сиятельству, без сомнения, известно, в чем они виновными оказались и участь их достойна ли облегчения. А мне известно сие: Вы имеете сердце сострадательное и любите делать добро ближнему. Потому и употребляю я к Вам, милостивый государь, покорнейшую мою просьбу, чтобы показать благосклонное предстательство Ваше в освобождении их из Смоленска в их жительство”².

Жены и другие родственники арестованных настойчиво добивались, чтобы их мужьям и близким разрешено было “пользоваться воздухом, деньгами, ранее посланными, получать от семьи письма, отвечать о здоровье”, естественно, не затрагивая в переписке никаких политических вопросов. В марте 1795 г. Осипов писал Самойлову, что “от родственников содержащихся в Смоленске поляков получа письма и деньги для их содержания, а именно: к бывшему маршалу литовскому Солтану четыреста пятьдесят рублей ассигнациями и к графу Тизенгаузену пятьсот рублей ассигнациями же и сто червонные да к виленскому канонику Богушу четыреста пятьдесят рублей ассигнациями”, а также триста рублей полковнику Грабовскому, просит разрешения передать письма и деньги по назначению (Ч. 2, Л. 373). Написанные в ответ поляками-арестантами письма он полагал возможным переправлять через генерал-прокурора Самойлова.

Обращению к Самойлову предшествовала переписка Репнина с Осиповым. Виленский и гродненский генерал-губернатор сначала направил непосредственно Осипову просьбы родственников смоленских арестантов, однако тот не счел себя вправе решать подобные вопросы самостоятельно. В итоге Самойлов обратился с “докладом” к императрице. Среди архивных документов сохранилась памятная записка, составленная для этого доклада. В ней, в частности, говорилось: “Генерал-аншеф князь Репнин пишет к генерал-прокурору из Гродны, что многие из тамошних обывателей, которых родственники находятся в Смоленске, в комиссии, просят о доставлении к ним писем и о получении от них известия. Почитая, что в настоящих обстоятельствах, когда уже все мятежи в Польше кончились и жители тамошние восчувствовали, даже и самые преданные сем мятежам, что оные, кроме несчастья общественного и особенного, ничего произвести не могут, а земля тамошняя находится под благополучным царствованием Вашего императорского величества, не предполагал он, что доставление в сем случае утешения и удовольствия не содержит в себе ничего сомнительного и подозрительного” (Ч. 1. Л. 1). Позднее Осипов сообщил Репнину, что деньги оставлены арестованным “для собственного их употребления”, и уведомил его также, что “к утешению родственников сих лиц могу донести Вам, милостивый государь, что они с самого начала из пребывания здесь поныне отличаются

здоровьем и ни в чем никакого недостатка не терпят” (Ч. 2. Л. 372, 374, 374 об.).

В письмах Н. В. Репнина заметна его сочувственная позиция по отношению к родственникам оказавшихся в России поляков, что видно, например, из переписки по делу графа Карла Моравского. Бывший генерал-майор польской службы, он, по его собственному признанию, “был в сообществе с польскими бунтовщиками”, ездил к ним в Краков, “добровольно принял от Костюшко письменные повеления, имел намерение вооруженною рукою содействовать их замыслию”, однако позже “раскаялся и отстал от них” (Ч. 1. Л. 107). Передавая просьбу его жены, Репнин писал Самойлову: “Жалкое положение госпожи Моравской стоит истинно всякого сострадания. Она и г-жа Солтанова оставлены своими мужьями, все имущества их промотавшими, в такой бедности, что с нуждою имеют они с их несчастными детьми пропитание... Помогши, буде то возможно, госпоже Моравской, Ваше сиятельство сделает истинно человеколюбивое дело и ей совершенную милость окажете, за то несказанно благодарен буду” (Ч. 4. Л. 193). Вещи Моравского хранились в Смоленской казенной палате. Просьба графини была доведена до сведения Екатерины II, и императрица “повелеть соизволила: сии вещи отдать жене Моравского”. Поблагодарив “за возврат увезенных ее мужем бриллиантов”, графиня сразу же обратилась с новой просьбой – разрешить ей писать мужу и послать ему денег. Эта просьба была также удовлетворена (Ч. 4. Л. 194–203).

Много усилий для оправдания действий житомирского судьи Казтана Проскуры прилагали его жена и отец. Как и другие родственники арестованных и осужденных поляков, они стремились найти высокого покровителя, который мог бы поддержать их ходатайства и оказать существенную помощь для благоприятного исхода дела. Им удалось привлечь графа П. А. Румянцева-Задунайского. В феврале 1795 г. он писал из своего имения Ташань смоленскому генерал-губернатору: “Я просил Ваше превосходительство от 5 августа прошедшего года об облегчении участи молодого г-на Проскуры по тем поводам, о коих я Вам доносил – что отец его многие заслуги России оказал, и сын, по уверению оного, следуя его расположениям и мыслям, не мог иметь участия в развратных сношениях. Теперь жена молодого г-на Проскуры, будучи по ее объявлению в несчастном положении от разлуки с своим мужем и все их домоство (так в тексте. – Г. М.) в горести от его несчастья, хочет ехать в Смоленск для свидания с ним: И по слухам, к ней его невинности доходящим, прибегнуть о освобождении его к Вашему превосходию и просить моего у Вас ходатайства”. Далее Румянцев отмечал, что, вероятно, есть причины для содержания Проскуры под арестом, ибо в про-

тивном случае “при явной невинности давно бы он освобожден был”. Румянцев, по его уверению, не смог противостоять “усильной просьбе” жены Проскуры и “отказать ей в сем письме и осмелился снабдить ее подорожною до Смоленска в твердом уповании, что Ваше превосходительство по известной Вашей любви к благотворению все возможное к ее успокоению сделает” (Ч. 2. Л. 356–356 об.).

Письмо Румянцева-Задунайского Осипов переправил в Петербург генерал-прокурору Самойлову, от себя добавив следующее: “Слезы жены содержащегося здесь, в комиссии, г-на Проскуры и жалость к домашнему их расстроенному оттого положению, преклонили его сиятельство сделать ко мне отзыв о ее успокоении. Она сама в Смоленск приехала и находится в состоянии, достойном сострадания, терзаясь горестию, что не может видеть мужа своего, в чем единственное и желание ее состоит” (Ч. 2. Л. 356). В своем прошении Тереза Проскура утверждала, что муж ее не виновен и “принадлежит к числу самых верных слуг ее императорского величества”.

В памятной записке, составленной Самойловым для доклада императрице, отмечалось, что “г-н правящий должность смоленского и псковского генерал-губернатора генерал-поручик Осипов пишет к генерал-прокурору, что жена содержащегося по Смоленской комиссии житомирского земского судьи Проскуры просит видеть мужа своего. В приговоре же (имеется в виду мнение следственной комиссии о степени виновности и соответствующем наказании. — Г. М.), представленном ее императорскому величеству, о нем значит[ся]: о суде Проскуре по недостатку обличений в том, что он принимал от Бернацкого Костюшкино письмо на чин поветового генерал-майора и потому, что вследствие общей их ссылки объяснения о том от градского киевского писаря Зеленки как не получено, комиссия ни оправдать, ни обвинить не может” (Ч. 2. Л. 358). Спустя некоторое время Проскура был освобожден на поруки.

Проявляла активность, стремясь освободить из заключения своего мужа, и жена другого арестанта — овручского земского судьи Михала Павши. Она приехала в Смоленск и так же, как Тереза Проскура, привезла письмо-ходатайство от Румянцева-Задунайского, в котором Румянцев писал Осипову: “Госпожа Павшина, находясь в скорби о участи мужа своего, который, по ее объявлению, в Смоленске год уже содержится, и получив от господина губернатора изяславского отпуск (соответствующий документ для поездки. — Г. М.) туда ехать, просила меня ходатайствовать о ней у Вашего превосходительства. Зная еще с предпоследней турецкой войны дом Павш как хорошо к пользам ее императорского величества расположенный, я не мог отказать ей в сей просьбе в том уповании, что Ваше превосходительство и по наведен-

ным поводам моего представительства и по обстоятельствам, для коих муж ее содержится, хотя [бы] некоторое облегчение в его судьбе сделать изволите» (Ч. 1. Л. 27).

В Смоленске Осипов посоветовал жене Михала Павши для улаживания дел ее мужа ехать в Петербург, и она последовала этому совету. Ей удалось найти поручителя, что было необходимо для освобождения Павши – им оказался “депутат дворянства Волынской губернии староста уляницкий Флориан Залеский” (Ч. 3. Л. 1). То ли этого поручительства было недостаточно, но скорее всего на всякий случай она представила еще одно поручительство – от более высокопоставленного лица, чем уляницкий староста. Об этом Самойлов сообщал Осипову в своем письме из Петербурга: “Жена овручского земского судьи Михала Павши, который по высочайшему ее императорскому указу, данному мне в 20 день прошлого июня [1795 г.], следуем к освобождению на поруки, явившись ко мне, представила графа Адама Лаврентия Ржевуского о будущем мужа ее поведении ... поручительство”. Прилагая поручительство Жевуского к своему письму, Самойлов просил Осипова “помянутого Павшу освободить и отпустить в его дом” (Ч. 3. Л. 25).

Упоминаемый в этом письме Указ Екатерины II от 20 июня (1 июля) 1795 г. можно объяснить целым рядом обстоятельств. К этому времени судьба Польши была уже решена, восстание Костюшко было полностью подавлено и можно было проявить милосердие к побежденным. К тому же в результате следствия, проведенного Смоленской комиссией, выяснилось, что среди тех, кто был арестован как заговорщик, оказалось довольно много случайных лиц, на деле к заговору не причастных, никак с ним не связанных. Таких арестантов Екатерина распорядилась отпустить на свободу, но при обязательном условии, что за будущее их поведение будут представлены поручительства благонадежных лиц. И родственники находившихся все еще в Смоленске поляков принялись за активные поиски поручителей.

Любопытен и тот факт, что российские власти сами стремились всячески содействовать освобождению признанных практически невиновными “заговорщиков”. 23 июня (4 июля) 1795 г. из Смоленской следственной комиссии было направлено секретное отношение Н. В. Репнину, при котором прилагался реестр (список) лиц, освобождаемых на поруки, с указанием тех, кто мог бы за них поручиться. Фамилии возможных поручителей были названы самими освобождаемыми. Репнину предстояло, в случае “если ж из тех поручителей, кто неблагонадежен или кого из них в наличности не будет, вместо тех отыскать других благонадежных толикое же число” и их обязательства прислать в кратчайшее время в комиссию. Реестр содержал 13 фамилий (среди них Игнацы Тизенгаузен, майор литовской гвардии Вла-

дислав Дашкевич, капитаны той же гвардии Игнацы Ельский, Игнацы Земенцкий, Антони Гиш, поручики Ежи Невенгловский, Николай Рудинский, становицкий маршалок Михал Радишевский, адвокат Игнацы Грабовский и др.). В качестве своего поручителя семь человек указали бывшего брацлавского воеводу Михала Коссаковского (Ч. 3. Л. 27–28).

Получив эти сведения, Репнин немедленно отправил в Петербург письмо Самойлову, сообщая, что среди названных поручителей трое (упоминавшийся выше Михал Коссаковский, бывший воевода мстиславский граф Ксаверий Хоминский и епископ Лифляндский Ян Коссаковский) находятся в Петербурге. Репнин просил, чтобы они на месте подписали поручительства и из Петербурга направили их прямо в Смоленск, “дабы те, которые по сему поручительству свободу получают, скорее могли воспользоваться сей высочайшей милостию” (Ч. 3. Л. 26).

Среди документов, связанных с освобождением на поруки арестованных поляков, сохранилось поручительство графа Михала Коссаковского, данное им за Тизенгаузена. Содержание его следующее: “1795 года июля 18 дня нижеподписавшийся, приемля со всеподданнейшею признательностью высочайшее ее императорского величества благоволение и милость в рассуждении освобождения из-под стражи бывшего литовской гвардии шефа Игнатия Тизенгаузена мне на поруки, обязуюсь я за будущее поведение помянутого Тизенгаузена ответственность, удостоверяя торжественно, что он впредь ни в какие предательства, измены и заговоры ни лично, ни чрез посредства входить не будет, а употребит все старание свое доказать ко престолу ее императорского величества верность и преданность; если бы противу сего обязательства оказался Тизенгаузен не только в подобных бывшим преступлениях, но хоть в малых в чем-либо подозрениях или наклонностях, противных законам и учиненной присяге, то подвергаю себя беспрекословно ко всем ответам и взысканиям, если бы и во случае требования он на позыв не явился, то я представляю его лицо, в чем и подписуюсь” (Ч. 1. Л. 312–312 об.). Коссаковским были представлены поручительства за всех семерых, обратившихся к нему за помощью (Ч. 3. Л. 32–39). Все они были отпущены домой.

Спустя год, в июле 1796 г., был издан новый высочайший Указ, касавшийся многочисленной группы поляков-военнопленных, несших службу при российских воинских подразделениях. В соответствии с Указом соизволялось “освобождать и в дома свои отпускать польских пленных, в благоповедении коих представлены будут поручительства от людей надежных” (Ч. 4. Л. 117–118). Здесь на первый план выступил Ян Коссаковский, давший поручительства за “благоповедение” 23 освобождаемых на поруки поляков (Ч.

4. Л. 40, 71–79). Репнин и на этот раз действовал без промедления. Он сам, минуя промежуточные инстанции, переслал в Тамбов за трех находившихся там поляков поручительства, которые были получены уже в начале августа 1796 г.

Однако не все пленные могли легко найти себе поручителей. Бывший поручик Яков Риделль, узнав о возможности освобождения, обратился к Репнину с просьбой ходатайствовать о разрешении ему поступить на российскую службу, поскольку он не имеет “способов сыскать требуемых особ в поручители из единоплеменников моих” (Ч. 4. Л. 188–118 об.).

Репнин поддерживал все просьбы обращавшихся к нему родственников находившихся в России поляков, что вызывало в отдельных случаях некоторое раздражение высокопоставленных чиновников российской администрации. В частности, он поддержал просьбу помещика Каминьского об освобождении четырех его родственников (шамбеляна Фулиента Каминьского, конюшего Адама Каминьского, Антона Туровича, ксендза Маурицы Валеви-ча). “Уже два года миновали, – писал в своем обращении Каминьский, – как они взяты были из дому и отправлены для содержания под стражею в Смоленск, где после учиненных им допросов находятся на свободе. Сие обстоятельство подает несомненную надежду, что они могут получить освобождение, дабы возвратиться в свое отечество”. Когда Репнин, уже со своей стороны, обратился с соответствующей просьбой, поддерживающей Каминьского, к Самойлову, то получил от него весьма резкий ответ: “Означенные поляки виновны”. Далее он в несколько раздраженной форме рекомендовал Репнину: “Если же по каковым обстоятельствам находите, Ваше сиятельство, что оные поляки заслуживают монаршее снисхождение и покровительство Ваше, то благоволите, милостивый государь, меня о том уведомить, дабы я мог по тому донести ее императорскому величеству” (Ч. 4. Л. 135–141). В заключении следственной комиссии о степени виновности отмечалось, что “все четверо имели в первом мятеже (до занятия Вильны российскими войсками) деятельное участие”, но на верность российскому императорскому дому не присягали. Комиссия предоставляла “решение жребия их высочайшей власти”, считая, что надо “всех учинить свободными”.

Далеко не все участники движения Костюшко, оказавшиеся в России, могли быть признаны полностью невиновными и отпущены на свободу. Их родственники, прежде всего жены, делали все возможное, чтобы поддержать своих близких, помочь им морально и материально, письмами и деньгами. Они пытались всячески оправдать или же, по крайней мере, объяснить их действия. Наиболее активными, как следует из сохранившихся документов, проявили себя жена графа Станислава Солтана – Францишка Солтан, урож-

денная княгиня Радзивилл, и жена любекского старосты Юзефа Богуша Эльжбета Богуш. Сохранилось несколько подлинных писем Францишки Солтан и ответов на них ее мужа. В одном из них он, по-видимому искренне, отзывался о Репнине: “Не нахожу я довольно слов для выражения признательности моей князю Репнину, ибо, будучи ему обязан твоим спокойствием, обязан я ему всем, что для меня есть наидрагоценнейшего”. В целом, их переписка, разрешенная властями, носила семейно-бытовой характер (Ч. 4. Л. 94–114). Императрица пошла навстречу и в удовлетворении другой просьбы Францишки Солтан, дав ей разрешение приехать к мужу, сосланному в Казань.

Эльжбета Богуш в своих многочисленных просьбах-обращениях к российским властям пыталась снять вину со своего мужа. В одной из них она писала: “Не известно мне преступление моего мужа. Буде оное, может быть, существует, то это врожденная наклонность не приобывать столь скоро к перемене обстоятельств, в кои мы вступаем, которая вовлекла моего мужа делать бесплодные желания об отечестве, коего имя еще существовало” (письмо было написано по-французски, сохранился только русский перевод – Ч. 4. Л. 166–168). Она также получила разрешение навестить мужа и съездила к нему в Царевококшайск.

Вопрос о “прощении” поляков и позволении вернуться им в родные места решился сразу же после вступления на трон Павла I. 29 ноября (10 декабря) 1796 г. император издал указ, которым предписывалось “всех их освободить и отпустить в прежние их жилища” (Ч. 1. Л. 327). Уже в конце декабря некоторые ссыльные отправились в обратный путь.

В заключение хотелось бы отметить, что имеющиеся архивные документы свидетельствуют, с одной стороны, о горячем стремлении родственников оказавшихся в России после подавления восстания под руководством Т. Костюшко поляков облегчить их положение, об их активной деятельности, направленной на поиск путей к освобождению, а с другой стороны, о том, что эти действия нередко находили понимание и сочувствие со стороны представителей российских властей.

¹ Подробнее об этих материалах см.: Дьяков В. А. Костюшко и его соратники после сражения при Мацейовице (1794–1798) // Славяноведение. 1993. № 5; Макарова Г. В. Новые материалы о пребывании участников движения Т. Костюшко в России // Славяноведение, 1994. № 3.

² РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2869. Ч. I–V. Далее в тексте указываются только номера частей и листов этого дела.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (И. И. Лециловская)	3
Н. И. Хитрова. Русско-черногорские связи в XVIII в. (церковные и культурные)	6
И. Ф. Макарова. Россия в болгарской книжности XVIII – начала XIX в.	27
И. И. Лециловская. Россия в творчестве Захарии Орфелина ...	42
Н. А. Лучинина. Дубровницкая республика и Россия: от конфликта к взаимопониманию (российско-дубровницкие отношения в XVIII – начале XIX в.).	75
А. В. Витол. Османская империя начала XVIII в. и преобразования Петра I в России (военный аспект)	91
Л. В. Зеленина, В. И. Шергмет. Черное море: “русские берега у турецкого озера”? (Заметки о XVIII веке)	99
В. И. Шеремет. Сафьяновый портфель М. И. Кутузова	119
Л. С. Кишкин. Чехия и Россия. (К истории общественных и культурных взаимоотношений)	126
Г. В. Макарова. Действия родственников и друзей оказавшихся в России участников движения Тадеуша Костюшко, направленные на облегчение их участи (по новым архивным материалам)	165

XVIII век:
славянские и балканские народы
и
Россия

Ответственный редактор
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН
И.И.Лециловская

Сборник статей подготовлен
в Редакционно-издательском отделе
Института славяноведения и балканистики РАН

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 16.12.1997. Усл. печ. л. 11,0. Тираж 250 экз.
Заказ № 8. Цена договорная

Типография ИПТК «Логос» ВОС. 129164, Москва, Маломосковская, 8

